Русская
История
2 кн.

A 220/205

1220
1285

Русская Исторія
въ Романахъ и Повѣстяхъ
послѣдовательная хрестоматія

Книга вторая. Цѣна 35 коп.

А 220
205

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

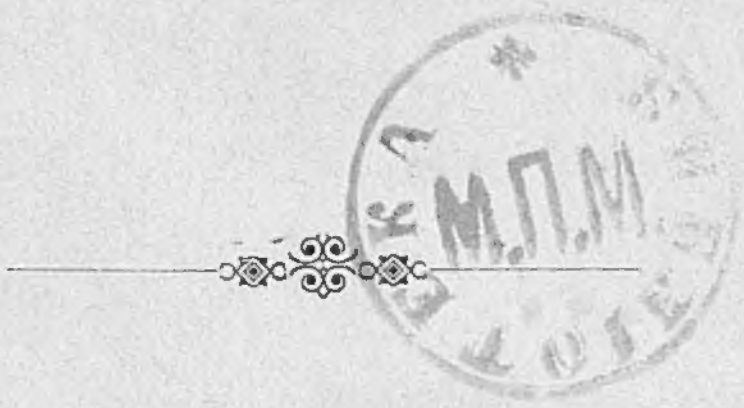
ВЪ РОМАНАХЪ И ПОВѢСТЯХЪ.

ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

КНИГА ВТОРАЯ

ВРЕМЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

На средства Издательскаго Общества при учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Высочайше утвержд. Т-во «Печатня С. П. Яковлева». Невскій, 132.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 Іюля 1896 года

2007083949

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Изъ романа Вс. С. Соловьева „Царь-дѣвица“ . .	1—33.
Изъ разсказа Н. В. Кукольника „Лихончиха“.	34—50.
Изъ разсказа П. Р. Фурмана „Саардамскій плотникъ“	51—71.
Изъ повѣсти А. С. Пушкина „Арапъ Петра Великаго“	72—94.
Изъ разсказа Н. В. Кукольникова „Прокуроръ“.	95—105.
Изъ повѣсти В. К. Кельсіева и В. П. Клюшникова „При Петрѣ“	106—140.
Изъ разсказа П. Р. Фурмана „Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ“	141—158.
Изъ повѣсти П. Р. Фурмана. „А. Д. Меншиковъ“.	159—182.
Изъ романа Вс. С. Соловьева „Юный Императоръ“	183—187.

ИЗЪ РОМАНА

Вс. С. Соловьева

„ЦАРЬ-ДѢВИЦА“.

Алексѣй Михаиловичъ былъ женатъ два раза — на Маріи Ильиничнѣ Милославской и вторично—на Наталіи Кирилловнѣ Нарышкиной, и оставилъ послѣ себя большое семейство. Умирая, онъ благословилъ на царство своего старшаго сына Ѳедора Алексѣевича, который былъ слабаго здоровья и умеръ черезъ шесть лѣтъ, не оставивъ по себѣ потомства. Наслѣдниками престола Русскаго остались два его брата—Иванъ Алексѣевичъ отъ одной съ ними матери—Милославской и Петръ Алексѣевичъ, сынъ Натальи Кирилловны, по отцу Нарышкиной.

Царевичъ Иванъ Алексѣевичъ былъ тоже больной юноша и къ тому же неразвитый и умственно, а Петру Алексѣевичу было въ то время всего десять лѣтъ.

Для приближенныхъ къ царскому престолу былъ очень важный вопросъ, кому изъ двухъ братьевъ царствовать; при Иванѣ Алексѣевичѣ Милославскіе опять получили бы прежнюю силу (они утратили ее при второмъ бракѣ царя Алексѣя Михаиловича); при Петрѣ же Алексѣевичѣ—Нарышкины и вся ихъ родня. Долго не рѣшались бояре, наконецъ патріархъ спросилъ народъ и войско, кого они выбираютъ, и почти единогласно выборъ палъ на царевича Петра. Но тогда въ дѣла государственныя вмѣшалась царевна Софья Алексѣевна, по матери родная царевичу Ивану.

Къ тому времени теремная жизнь во многомъ измѣнилась.

Тяжела была въ прежніе годы жизнь царевны. Всякая дѣвушка, родившаяся не въ царскомъ семействѣ, хоть и подвергалась тоже немалымъ строгостямъ и должна была вести жизнь уединенную, все же отъ нея не отняты были права на семейное счастье. Достигнувъ извѣстнаго возраста,

она выходила замужъ, положимъ, не видавъ до свадьбы своего жениха и не зная, кто будетъ ея господиномъ, но все же у нея оставалась надежда, что этотъ невѣдомый господинъ окажется по сердцу, будетъ добрымъ мужемъ. Да и наконецъ, отлично понимая, что отъ своей судьбы не уйдешь и не найдешь себѣ другую, русская женщина привязывалась даже и къ плохому мужу. Потомъ у нея являлись дѣти, а съ ними и новая радость, новая прелесть жизни.

Русская же царевна не имѣла передъ собой никакой надежды на семейное счастье. Со дня рожденія, по одному своему положенію, она была обречена на вѣчное дѣвство. Выдать ее замужъ оказывалось невозможнымъ — бракъ съ иноземнымъ принцемъ не допускался по религіознымъ причинамъ, а бракъ съ человѣкомъ русскимъ, со своимъ подданнымъ, хотя бы изъ высокаго боярскаго или княжескаго рода, считался зазорнымъ для царевны. Такимъ образомъ дѣвица царевна волей-неволей должна была готовиться въ монастырки, постницы, монахини. Радость и счастье наполняли ея жизнь только въ дѣтствѣ, когда эти радость и счастье зарождаются сами собою, безъ всякой видимой причины. Но едва царевна начинала развиваться тѣлесно и умственно, едва являлась въ ней законная, естественная потребность въ радости и счастьи, въ нѣкоторой полнотѣ жизни, какъ ей приходилось уже думать о томъ, что она навсегда должна гнать отъ себя всѣ свѣтлыя грёзы, что не для нея то, о чемъ мечтаютъ, чего дожидаются и что получаютъ другія дѣвушки, начиная отъ боярышни и кончая каждой простой поселянкой.

Большинство русскихъ царевенъ кончали жизнь въ монастыряхъ и всѣ безъ исключенія, которыя оставались жить въ міру, не выходили замужъ.

Царевна Софья чуть ли не первая возмутилась противъ такой жизни. Она съ дѣтства возненавидѣла теремъ и его нравы и обычаи, а любовь къ ней добраго и разумнаго отца дала ей возможность приготовить себя къ другой жизни. Она училась вмѣстѣ съ братьями у ученаго монаха, Симеона Полоцкаго и превос-

ходила всѣхъ ихъ прилежаніемъ и способностями. Любознательность ея не останавливалась на заданныхъ урокахъ, ей хотѣлось поскорѣй знать все, и Семеону Полоцкому иной разъ не легко было исполнять ея требованія—на иные вопросы онъ и самъ сразу не могъ отвѣчать, долженъ былъ къ слѣдующему уроку подготовить свои отвѣты, долженъ былъ самъ доучиваться для царевны.

Но сначала, кромѣ этого ученья, на которое головою покачивала царица Марья Ильинишна, Софья все же была въ послушаніи у терема,—поневолѣ должна была исполнять его обряды,—только послѣ смерти матери она стала давать себѣ большую волю, „совсѣмъ отъ рукъ отбилась“, какъ говорили царевны-тетки.

Она неудержимо выбѣгала изъ женскихъ покоевъ къ отцу, присутствовала на всѣхъ комедійныхъ дѣйствахъ, иногда даже на обѣдахъ царскихъ; видѣла пословъ чужеземныхъ и, къ окончательному соблазну всѣхъ своихъ родственницъ, вела съ ними разговоры безъ стыда и смущенія.

Скоро ей стали ясны такіе вопросы, такіе предметы, о которыхъ до сихъ поръ не помышляла ни одна русская женщина. Она узнала многія подробности управленія государствомъ, стала интересоваться всѣми новостями, получаемыми изъ различныхъ концовъ Россіи, проникла въ тайны сношеній Русскаго двора съ иностранными; много думала о томъ, чего теперь должна добиваться ея родина—чего нужно желать, чего бояться.

Ея взгляды и сужденія невольно поражали государственныхъ людей того времени: они должны были краснѣть, видя, что молодая дѣвушка во многихъ случаяхъ оказывается смышленѣе ихъ и несравненно проницательнѣе.

Смерть царя Алексѣя была для всѣхъ полною неожиданностью—онъ былъ далеко еще не старъ и казался крѣпкимъ человѣкомъ. Послѣ него государство осталось въ затруднительномъ положеніи. Много было начато важныхъ дѣлъ и не окончено, много было запутанныхъ, нерѣшенныхъ вопросовъ и внутри и извнѣ государства, а твердой руки, которая взялась бы за управленіе огромной и хитрой машины—не было.

Царевнѣ Софьѣ захотѣлось самой править государствомъ и конечно она боялась возвышенія Нарышкиныхъ при воцареніи ея младшаго брата. Съ помощью друзей своихъ она смутила стрѣльцовъ. Стрѣльцами называлось войско на случай войны, устроенное еще при Іоаннѣ Грозномъ. Въ мирное время стрѣльцы занимались своимъ хозяйствомъ или вели жизнь праздную. Наущенные царевной Софьей, они возмутились и стали требовать, чтобы царствовали заразъ оба брата, а правительницей до ихъ совершеннолѣтія была бы царевна Софья Алексѣевна. Эту просьбу уважили, и вдовствующая царица Наталья Кирилловна удалилась въ село Преображенское вмѣстѣ съ малолѣтнимъ царемъ, который росъ и развивался при гораздо большей свободѣ, чѣмъ прежніе царевичи. Царевна Софья очень рада была, что царь занятъ разными потѣхами, лишь бы не пришла охота заняться государственными дѣлами, но она того не знала, что среди забавъ было и серьезное дѣло. Маленькій царь, не по годамъ умный, проницательный, способный и рѣшительный, кромѣ игръ еще много и жадно учился. Однимъ изъ главныхъ его наставниковъ былъ иностранецъ Лефортъ.

Теплымъ лѣтнимъ вечеромъ, среди высоко поднявшихся желтѣющихъ хлѣбныхъ полей, по дорогѣ изъ Преображенскаго въ Москву, медленно подвигалась запряженная четверкой копей тяжелая колымага. Въ колымагѣ сидѣло два человѣка. Одинъ изъ нихъ—рослый стройный красавецъ—юноша съ едва еще пробивающимся надъ румяными губами темнымъ пушкомъ. Другой, человѣкъ уже не первой молодости, полный, бѣлокурый, съ веселымъ, сразу внушающимъ къ себѣ довѣріе, гладко выбритымъ лицомъ.

Юноша былъ одѣтъ въ платье изъ топкаго сукна, расшитое позументами. Его спутникъ былъ въ довольно короткомъ камзолѣ, стянутомъ кожанымъ поясомъ, и въ маленькой пуховой шляпѣ. Онъ очевидно принадлежалъ къ жителямъ слободы Нѣмецкой.

Солнце только что зашло, и въ воздухѣ еще было много зною. Изъ высокой ржи, пестрѣвшей васильками, путниковъ то и дѣло обдавало душистымъ тепломъ. Кони поднимали цѣлый столбъ пыли, которая заставляла старшаго путника даже чихать, но юноша не обращалъ на нее никакого вниманія. Онъ вытянулъ свои длинныя большія ноги, обутыя въ высокіе сборчатые сапоги, откинулся на мягкую подушку колымаги и, казалось, дремалъ.

— Заспулъ что ли, государь? обратился къ нему на дурномъ русскомъ языкѣ его спутникъ, видимо соскучась долгимъ молчаніемъ, длившимся почти съ самаго Преображенскаго.

— Нѣтъ, не заспулъ, а больно замаялся нынче, языкъ не ворочается.

— Ну, этому-то мы сейчасъ поможемъ,—тутъ у меня есть, захватилъ съ собою, пречудесная фляжечка. Глотни-ка, государь, усталость какъ рукой сниметъ.

— Давай, господинъ Лефортъ, давай!

Лефортъ вынулъ фляжку и, весело помаргивая своими блѣдно-сѣрыми глазами, опушенными почти бѣлыми рѣсницами, передалъ ее государю.

Петръ Алексѣевичъ съ видимымъ удовольствіемъ раздругой приложился къ фляжкѣ.

— Славно! сказалъ онъ, утирая губы.—Ну какъ тутъ не любить этотъ самый напитокъ? Вонъ матушка то и дѣло твердитъ, что въ немъ и грѣхъ, и блудъ, и всякіе ужасы, только пѣтъ... Ну чтобъ я дѣлалъ безъ этого напитка? На работѣ-то да въ усталости вотъ выпилъ глотокъ—и совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ—теперь хоть опять работай!

— Ничего, ничего нѣтъ дурного въ винѣ, повторялъ Лефортъ, въ свою очередь прикладываясь къ фляжкѣ.—Только мѣру нужно знать,—такъ вѣдь мы съ тобой, государь, мѣру-то знаемъ: насъ еще никто въ непригожемъ видѣ не заставалъ.

— Да, ужь конечно! весело отвѣчалъ Петръ, похлопывая по плечу Лефорта. Его усталости и дремоты какъ не бывало. Онъ поджалъ ноги, придвинулся на самый краюшекъ сидѣнья и весело посматривалъ по сторонамъ дороги.

— Дни-то какіе, дни какіе славные! говорилъ онъ.—Нынче всталъ я до восхода солнечнаго, пошелъ на работы, смотрѣть какъ подвигается мой кораблик, такъ просто чудо: прохлада, благоуханіе. Работа вдвое скорѣй идетъ,—хоть бы побольше такихъ деньковъ постояло! Одна досада, отрываться отъ дѣла приходится, а теперь мнѣ необходимо каждый день бывать на работахъ. Ну да завтра, послѣ крестнаго хода, какъ ужь они тамъ себѣ хотятъ, а я уѣду. А вѣдь надо быть матушка и теперь меня попреками встрѣтитъ—обѣщался быть

утромъ, а ѣду на ночь глядя. Что-жь, пускай побранится,— мнѣ вѣдь ея брань все равно, что ласка. Бранится, бранится, а сама глядитъ такъ-то ласково, не выдержитъ, цѣловать станетъ—вотъ страху-то и нѣтъ никакого. Я ужь не разъ ей говорилъ, что она совсѣмъ не умѣетъ браниться. Съ дѣтства меня набаловала, такъ пускай на себя и пеняетъ!

— Добрая государыня, до всѣхъ ласковая, проговорилъ Лефортъ,—вотъ меня только не больно жалуетъ. Такъ иной разъ взглянетъ сурово, что не знаешь куда и дѣваться.

— Ничего, господинъ Лефортъ, ты этого не принимай къ сердцу, не обижайся. Самъ знаешь—у насъ до сихъ поръ не очень-то иностранцевъ любятъ, да ничего, стерпится—слюбится.

— Я и не обижаюсь. Ну а вотъ что́ ты мнѣ скажи, государь, какъ ты доволенъ своими молодцами потѣшниками? Посмотрѣлъ я нынче на нихъ, скоро они всю солдатскую науку вытвердили, быстро обучаются. Теперь не въ долгомъ времени нужно будетъ приступить къ примѣрнымъ сраженіямъ.

— Объ этомъ я ужь и самъ подумываю, сказалъ Петръ, и глаза его заблестѣли,—непремѣнно нужно будетъ. Пора, наконецъ, намъ имѣть доброе войско, а то покудова только срамъ одинъ, позоръ... Идутъ, ничего не зная, ступить не умѣютъ. Встрѣтился непріятель—да какой же—кочевники! тоже люди неумѣлые; а наши сейчасъ же спину покажутъ, да и драло! Позоръ, позоръ!.. Вотъ теперь этотъ походъ Крымскій... сердце кровью обливается—чай у васъ на западѣ какъ надъ нами смѣются! Нѣтъ, нужно мнѣ какъ слѣдуетъ обучить свое войско. Будетъ смѣяться надъ матушкой Русью! Пора показать, что и мы тоже кое-что можемъ. Эхъ, время-то идетъ больно скоро, да силы мало въ рукахъ человѣческихъ: когда-то удастся все сдѣлать, что надобно. А сколько то надобно! куда ни взглянешь, за что ни возьмешься, все сызнова начинать нужно, все не годится старое... Иной разъ послѣ работы-то завалишься на боковую, заснуть хочется, а тутъ и то, и другое, и третье придетъ въ голову. И то вотъ такъ бы устроить, другое безпремѣнно начать надобно, ну и думаешь, и думаешь, ворочаешься съ боку на бокъ. А какъ

тутъ сдѣлаешь, когда почитай что одному дѣлать приходится? Спасибо вотъ тебѣ, Лефортушко, что учишь уму разуму да помогаешь—на нашихъ-то плохая надежда... Вотъ хоть бы князь Борисъ Голицынъ—человѣкъ большого разума—самъ много учился—такъ могъ бы видѣть, гдѣ польза; а станешь говорить съ нимъ: „да къ чему это?“ отвѣчаетъ, „да вѣдь до сихъ поръ же никогда этого у насъ не бывало!“ Просто тошно мнѣ глядѣть на него, какъ заслышу такія рѣчи...

— Да... протянулъ Лефортъ,—трудненько тебѣ, государь, а особливо коли государыня-правительница руки связываетъ...

Петръ вздрогнулъ.

— Не говори! крикнулъ онъ,—не говори!.. терплю я, терплю, да не надолго моего терпѣнья хватитъ... Довольно! я ужь не ребенокъ... Скоро я покажу ей, что не даромъ вѣнчали меня на царство... Много она намутила... а теперь этотъ походъ Голицынскій—всю кровь во мнѣ поднимаетъ!.. Не хочу дольше терпѣть поношенія государству. Попировала сестрица, погрѣшила—довольно! будетъ! пора ей образумиться. Что тамъ ни дѣлай, а вѣдь не станетъ дѣвка мужчиной! Не время теперь для бабьяго царства—работы больно много, не ей справиться съ этой работой!...

— Вотъ это рѣчи, такъ рѣчи! сказалъ Лефортъ;—давно пора, государь, говорить такъ.

— Знаю, что пора.

— Что-жь ты, государь, намѣренъ дѣлать?

— А тамъ видно будетъ, заранѣе ничего сказать невозможно. Одно только знаю: покажу скоро сестрѣ, что вышелъ я уже изъ пеленокъ... Да, вотъ что я хотѣлъ спросить у тебя: написалъ-ли ты своему нѣмцу о присылкѣ мнѣ новыхъ инструментовъ? вдругъ заговорилъ Петръ, очевидно не желая продолжать прежній разговоръ.

— Какъ же, написалъ, государь, отвѣчалъ Лефортъ.

И долго они бесѣдовали о разныхъ предметахъ.

Лефортъ разсказывалъ, что́ и какъ дѣлается въ Западной Европѣ, какіе корабли тамъ строятся, какъ они плаваютъ. Петръ жадно его слушалъ, требовалъ подробностей, допытывался о такихъ вещахъ, которыя ставили Лефорта втупикъ.

Онъ далеко не былъ всесторонне образованъ, но не хотѣлъ выказывать своего незнанія передъ молодымъ государемъ и поэтому иногда отвѣчалъ наобумъ, невпопадъ, а самъ въ то же время подумывалъ, что придется ему снова засѣсть за ученье, такъ какъ обманывать государя Петра Алексѣевича день ото дня становится труднѣе.

Скоро ученикъ будетъ знать больше учителя и тогда дѣло плохо! Конецъ обаянію, конецъ тому счастью, которое начинаетъ ему такъ улыбаться въ Россіи.

„Да вотъ бы еще, думалъ Лефортъ, заставить бы его рѣшительно дѣйствовать съ сестрою, а то вѣдь тамъ не дремлютъ... Того и жди, какое ни на есть несчастье съ нимъ случится— и тогда все пошло прахомъ!..“

Онъ снова попробовалъ было заговорить о правительницѣ; но Петръ рѣшительно остановилъ его.

— Не говори, сказалъ онъ,—мнѣ и думать-то о ней теперь не хочется.

Лефортъ замолчалъ, съ грустью помышляя, что юноша только похорохорился, что онъ не готовъ къ серьезной борьбѣ, что въ рѣшительную минуту онъ испугается, отступитъ, забудетъ свои благія намѣренія. Но Лефортъ ошибался.

На слѣдующій же день Петръ доказалъ твердость своего рѣшенія.

По случаю праздника Казанской Божіей Матери въ кремлѣ была торжественная служба и крестный ходъ.

По окончаніи обѣдни Петръ подошелъ къ правительницѣ, которая брала икону, чтобы принять участіе въ крестномъ ходѣ.

— Сестра, ты, кажется, хочешь идти? сказалъ онъ.

Она вздрогнула отъ его голоса, который ей показался какимъ-то новымъ и страннымъ.

— Да, конечно.

— Нѣтъ, не ходи, тебѣ не слѣдъ идти—это вовсе не женское дѣло.

Она невольно попятилась.

Петръ стоялъ во всемъ величіи своей красоты и богатырскаго роста. Стоялъ съ гордо откинутой головою, прямо и смѣло глядя на нее своими орлиными глазами.

До сихъ поръ онъ ей представлялся ребенкомъ, шалуномъ, мальчишкой, который только и думаетъ что о забавахъ, котораго спаиваютъ потѣшники да нѣмцы; но теперь передъ нею вовсе не мальчишка, теперь передъ нею человѣкъ, уже сознающій свою силу, передъ нею вѣнчанный царь земли Русской... Ребенокъ выросъ. И вотъ этотъ вѣнчанный ребенокъ хочетъ и можетъ доказать, что ему время приспѣло самодержавно царствовать: нянька не нужна больше.

Страшная злоба, смѣшанная съ отчаяніемъ, забушевала въ груди Софьи. „Онъ ей запрещаетъ... ей, которая до сихъ поръ не вѣдала надъ собою ничьей власти... Неужели она поддастся? Неужели она дойдетъ до такого униженія, что станетъ исполнять его приказанія?... Нѣтъ... это еще посмотримъ!.. Не слишкомъ ли рано ты поднялъ голову,— обожди еще немного“.

— Пропусти меня, въ свою очередь гордо и смѣло, смотря на брата, сказала Софья.—Сама я знаю что́ дѣлаю и что́ мнѣ нужно дѣлать!

Она взяла икону и пошла съ крестнымъ ходомъ.

Петръ, не говоря ни слова, вышелъ изъ собора и сейчасъ же уѣхалъ въ Преображенское.

Многіе видѣли сцену между братомъ и сестрою и всѣ безъ исключенія, конечно, замѣтили, что молодой царь не принялъ участія въ крестномъ ходѣ, что онъ скрылся.

Пошелъ говоръ, перешептыванье, волненіе.

— Орленокъ расправляетъ крылья!... донесся до слуха Софьи чей-то голосъ; на многихъ лицахъ она подмѣтила радость.

Едва владѣя собою, едва держась на ногахъ, блѣдная какъ смерть, сопутствовала она крестному ходу.

Боязнь за себя привела царевну Софью въ ужасъ. Она отправилась сама къ своему другу князю Голицыну за совѣтомъ и старалась вооружить его противъ царя; между прочимъ она напомнила князю о его собственномъ униженіи, когда Петръ оказалъ ему свою немилость. Голицынъ же, вмѣсто того, чтобы поддерживать ея мысль о мщеніи, уговаривалъ ее смириться—и царевна отъ этого вышла изъ себя.

Мысль о стрѣльцахъ опять пришла ей въ голову. Въ то время ихъ начальникомъ былъ преданный ей Шакловитый.

Выйдя изъ дома Голицына, Софья была какъ безумная; даже мысль о самоубійствѣ пришла ей въ голову, но чувство самосохраненія и страшная ненависть къ мачихѣ и Петру снова всецѣло поглотили ее.

Возвратясь въ кремль и прійдя нѣсколько въ себя, она приказала немедленно призвать къ себѣ Шакловитаго и долго съ нимъ совѣщалась. Она рѣшилась добиться своего во что бы то ни стало.

Онъ посовѣтовалъ ей еще разъ самой поговорить со стрѣльцами, и было рѣшено дѣйствовать въ тотъ же день, не откладывая.

Шакловитый приказалъ собраться сотникамъ и пятидесятникамъ — провожать правительницу ко всенощной, къ празднику, въ Новодѣвичій монастырь.

По окончаніи службы, выйдя изъ церкви, Софья обратилась къ своимъ провожатымъ и начала имъ жаловаться, что Наталья Кирилловна всячески извести ее хочетъ, а Петръ будто бы ужь приказалъ своимъ потѣшнымъ собираться и поведетъ ихъ въ кремль умертвить ее, царевну, и царя Ивана.

— Если мы вамъ годны, сказала въ заключеніе Софья,— такъ стойте за насъ и помогите намъ, а не годны—то мы должны покинуть государство, должны бѣжать, спасать животъ свой...

Она говорила убѣдительно. Слезы такъ и лились изъ глазъ ея.

Нѣкоторые изъ стрѣльцовъ были растроганы и отвѣтили ей, что готовы исполнить ея волю.

— Спасибо вамъ, заливаясь слезами сказала Софья,—на васъ только одна и надежда. Вы мнѣ всегда были вѣрными слугами и сами знаете, забывала ли я вашу службу, а впредь дожидайте отъ меня еще бо́льшихъ милостей: я въ долгу не останусь. Теперь ждите повѣстки, извѣщу я васъ черезъ Шакловитаго, тогда и начинайте. А теперь пойдите, разска-

жите все стрѣльцамъ своимъ, пусть они знаютъ, пусть готовятся....

Сотники и пятидесятники вернулись въ слободы, собрали полки и слово въ слово передали стрѣльцамъ все, что говорила имъ царевна.

Нѣсколько голосовъ закричало, что точно царевну нужно выручить, но большинство объявило:

— Не станемъ начинать дѣло по набату. Коли и впрямь грозитъ бѣда кому либо изъ семьи царской, такъ пусть дѣло идетъ по закону, пусть дьякъ думный скажетъ указъ царскій, то мы и пойдемъ, а безъ указа дѣлать намъ не годится, и мы не станемъ! Пускай хоть три дня бьютъ въ набатъ—не тронемся, а коли все это доподлинно такъ, то надобно идти въ кремль и бить челомъ о розыскѣ.

Тогда одинъ изъ приверженцевъ Шакловитаго, Стрижевъ, началъ уговаривать, толковалъ, что ничего не выйдетъ изъ розыска.

— Чего вы еще медлить будете? злодѣи-то царевны вѣдь извѣстны, такъ и принять ихъ, а то не защитите царевну, схватятъ ее, всякое зло надъ ней сдѣлаютъ, тогда вамъ же хуже будетъ, безъ царевны не проживете—только ею мы и держимся. Царь-то Петръ не больно насъ, стрѣльцовъ, жалуетъ. Напуститъ онъ на насъ свое войско потѣшное да бояръ съ ихъ людьми, такъ всѣ мы помремъ лютой смертью—объ этомъ подумайте!

Но стрѣльцы не поддавались и на эти рѣчи. Они стояли на своемъ, и поздно ночью Шакловитый явился къ Софьѣ съ извѣстіемъ о полной неудачѣ.

Этого мало, въ числѣ стрѣльцовъ нашлись люди, рѣшившіеся немедленно отправиться въ Преображенское и донести царю Петру обо всемъ, что творится. Петръ сейчасъ же послалъ къ Шакловитому съ требованіемъ отправить въ Преображенское Стрижева.

Шакловитый смутился. Онъ понялъ, что между стрѣльцами есть доносчики, но Стрижева рѣшился не выдавать.

Тогда Петръ приказалъ арестовать самого Шакловитаго. Его окружили въ Измайловѣ, куда онъ было поѣхалъ, и привели къ царю.

Софья, узнавъ объ этомъ происшествіи, пришла въ неописанный ужасъ.

Она написала брату чрезвычайно ловкое и краснорѣчивое письмо, въ которомъ спрашивала, за что схваченъ Шакловитый, и просила его выпустить.

Шакловитаго выпустили.

Царица Наталья Кирилловна, все еще имѣвшая большое вліяніе на сына, не рѣшалась дѣйствовать энергически. Ей до сихъ поръ памятенъ былъ роковой 82-й годъ, она до сихъ поръ дрожала при видѣ каждаго стрѣльца. Ей представлялась возможность новаго стрѣлецкаго возмущенія, новыхъ ужасовъ и убійствъ очень легкой.

Такъ прошло еще нѣсколько дней. Между тѣмъ и въ кремлѣ и въ Преображенскомъ начинали находить подметныя письма.

Боярыня Хитрая какъ-то, уже ночью, разбудила Софью, показала ей листъ бумаги.

— Прочти, прочти, царевна, что тутъ такое, говорила она испуганнымъ голосомъ.

Софья принялась читать. Въ письмѣ извѣщали царевну, что на слѣдующую ночь придутъ потѣшные конюхи изъ Преображенскаго и побьютъ царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ.

— Откуда же ты это достала, Анна Петровна? спросила Софья.

— А вотъ, государыня, стояла я у себя на молитвѣ. вдругъ слышу какъ будто дверь скрипитъ. А дверь-то у меня на ту пору не заперта была, ну, я думаю, показалось мнѣ это, и молюсь себѣ,—апъ слышу нѣтъ—скрипитъ дверь, отворилась тихонько да бумажка-то и просунулась. Я вскочила, схватила бумажку, отперла дверь: кто тутъ? говорю, никто не откликается, а въ переходѣ темно, страшно—зги не видно. Ну зажгла я лампадочку, вышла—никого и нѣту! прочла цыдулу-то да такъ и ахнула... вотъ къ тебѣ прибѣжала.

Конечно царевна не могла ужь заснуть и рано на утро послала за Шакловитымъ. Ей и въ голову не приходило, что весь разсказъ Хитрой—чистая выдумка, что и письмо-то это

подметное, безъимянное, писала сама старая боярыня, чтобъ напустить на всѣхъ страху, чтобъ всѣхъ помучить, а самой полюбоваться на людскія мученія.

Шакловитый, узнавъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же сталъ распоряжаться.

Къ вечеру онъ велѣлъ собраться въ кремль четыремъ стамъ стрѣльцамъ съ заряженными ружьями, а тремъ стамъ другимъ велѣлъ стать на Лубянкѣ. Трехъ своихъ деньщиковъ послалъ въ Преображенское вывѣдывать, куда отправится царь и что станетъ дѣлать.

Но вотъ приходитъ вечеръ: стрѣльцы въ кремль не являются; на Лубянкѣ тоже тихо—тщетно сторонники Софьи, Гладкій и Чермный, уговариваютъ стрѣльцовъ. Только ужь къ самой ночи у кремля показывается нѣсколько отрядовъ, но стрѣльцы имѣютъ самый унылый видъ. Они никакъ въ толкъ не могутъ взять, чего отъ нихъ требуютъ.

— Защищать что ли мы будемъ, али нападать должны? толкуютъ они.—Коли защищать—выйдетъ усобица, драка, кровь... нападать—опять тоже; такъ намъ не слѣдъ въ такое дѣло впутываться. Пождемъ маленько, постоимъ здѣсь, да и по домамъ.

Въ это время въ кремлевскіе ворота въѣзжаетъ всадникъ. Стрѣльцы останавливаютъ его, спрашиваютъ, кто такой. Оказывается—спальникъ царя Петра, Плещеевъ, изъ Преображенскаго. Царь послалъ узнать, что такое въ Москвѣ дѣется, „пришли-де въ Преображенское изъ Москвы люди невѣдомые, говорятъ, стрѣльцы собираются“.

— Ну вотъ вишь ты какое дѣло! — перешептываются другъ съ другомъ стрѣльцы,—того и жди тутъ въ бунтовщики насъ запишутъ да и головы намъ порубятъ. Идемъ-ка, братцы, по домамъ, такъ-то ладнѣе будетъ.

Но Гладкій, который еще утромъ объявилъ Шакловитому, что не успокоится, покуда не заваритъ настоящую кашу, въ это время бросается на Плещеева, стаскиваетъ его съ лошади, срываетъ съ него саблю, бьетъ его.

— Что ты? Что ты, опомнись—что ты дѣлаешь? кричатъ стрѣльцы, вырывая Плещеева изъ рукъ расходившагося Гладкаго.

Но тотъ кричитъ на нихъ:

— Не вступайтесь не въ свое дѣло—видно знаю, что дѣлаю! Долженъ я вести его сейчасъ же на верхъ къ Шакловитому да къ царевнѣ: пусть они рѣшатъ ладно-ли я дѣлаю, али нѣтъ. Коли нѣтъ, такъ передъ ними и буду въ отвѣтѣ, а вы не мѣшайте, а вотъ лучше помогите мнѣ вести его.

Стрѣльцы въ недоумѣніи. Двое изъ нихъ съ нерѣшительнымъ видомъ исполняютъ приказаніе Гладкаго. Плещеевъ, избитый, ошеломленный, ничего непонимающій, видитъ, что борьба невозможна и позволяетъ вести себя.

Между тѣмъ одинъ изъ стрѣльцовъ, Мельновъ, видѣвшій безобразную сцену съ Плещеевымъ, выбѣжалъ изъ кремля и спѣшилъ на Лубянку, гдѣ стояли стрѣльцы, по большей части преданные Петру.

— Вотъ на что насъ подмываетъ Шакловитый, говорилъ Мельновъ.—Сами видите, кто бунтовщикъ и за кого намъ стоять нужно.

— Да, да, дѣло ясное,—подхватили Елизарьевъ, Ладогинъ, Ульфовъ, Турка, Троицкій и Капраповъ, которые особенно уговаривали въ послѣдніе дни стрѣльцовъ не поддаваться на увѣщанія царевны и Шакловитаго и тянуть къ молодому государю.

Всѣ эти стрѣльцы были люди молодые, еще не находившіеся въ войскѣ во время бунта 82-го года; у нихъ не было, слѣдовательно, страшныхъ преданій, связывавшихъ ихъ съ правительствомъ Софьи. Напротивъ, люди отважные и смѣлые, не чуждые также и честолюбивыхъ плановъ, они давно ужъ съ завистью посматривали на потѣшное Петрово войско. Они завидовали жизни потѣшниковъ, любви къ нимъ молодого государя. Имъ давно бы ужъ хотѣлось изъ стрѣльцовъ обратиться въ потѣшныхъ,—но царь далекъ отъ стрѣльцовъ, не любитъ ихъ. А вотъ тутъ является возможность сослужить этому царю большую службу, которой онъ, конечно, не забудетъ, за которую онъ наградитъ щедро.

— Да, дѣло-то ужъ не шутка, заговорилъ опять Елизарьевъ,—избили царскаго стольника, до самого царя добираются. Вѣдомо ли вамъ, что Шакловитый послалъ въ Пре-

ображенское лазутчиковъ, да и знаю я одного человѣка, котораго онъ подговаривалъ извести государя. Мѣшкать-то нечего, нужно сейчасъ же кому-нибудь изъ насъ гнать въ Преображенское извѣстить царя, что на него да на царицу умышляется смертное убійство.

— Да ужь коли на то пошло, вѣстимо нужно въ Преображенское! заговорили между стрѣльцами.

Мельновъ и Ладогинъ вызвались ѣхать, сейчасъ же вскочили на коней и помчались въ Преображенское.

Все было тихо въ Преображенскомъ. Въ небольшомъ, далеко не роскошномъ домѣ, который именовался дворцомъ, и гдѣ такъ часто и по долгу живалъ теперь Петръ Алексѣевичъ съ матерью и молодой женою—всѣ спали. Богатырскій храпъ раздавался и кругомъ дворца изъ деревянныхъ, на скорую руку построенныхъ бараковъ, вмѣщавшихъ въ себѣ потѣшное воинство.

Только незначительные патрули обходили время отъ времени царское жилище. Но не замѣчали эти патрули, что у перелѣска, въ частыхъ кустахъ, доходящихъ до самаго села и откуда какъ на ладони виднѣнъ былъ дворецъ, засѣли какіе-то люди. Люди эти были лазутчики Шакловитаго. Имъ поручено было неустанно слѣдить за каждымъ шагомъ царя, а на утро одинъ изъ нихъ долженъ былъ пробраться во дворецъ, переговорить съ кумомъ своимъ. Этотъ кумъ принадлежалъ къ царской дворнѣ и съ помощью царевниныхъ денегъ его можно было уговорить привести въ исполненіе страшный замыселъ—погубить царя и царицу тѣмъ или другимъ способомъ.

Лазутчики не спятъ, зорко поглядываютъ, хотя и плохо видно—ночь ужь не іюньская, на дворѣ августъ. Луны не видно, а звѣзды въ глубинѣ небесной безъ конца высыпали, и горятъ-переливаются. Но не нарушаютъ онѣ своимъ трепетнымъ и далекимъ свѣтомъ мглы и темноты, въ которыя закутаны и лѣсъ, и село, и царскія строенія. Горятъ и переливаются звѣзды и вдругъ которая нибудь изъ нихъ сор-

вется съ тверди небесной и, мелькнувъ серебряной нитью по небу, вмигъ разсыплется и невѣдомо гдѣ исчезнетъ.

Только одно и развлеченіе лазутчикамъ—эти падающія звѣзды. Ночи впереди еще много, да и ночь-то холодновата, съ ближняго болота туманъ стелется, сырость проникаетъ, а согрѣться нечѣмъ: въ попыхахъ забыли водку.

Но что это? по безмолвной и темной дорогѣ отъ Москвы слышится конскій топотъ. Лазутчики встрепенулись. Кто бы это могъ быть?! Топотъ ближе и ближе. Почти мимо самыхъ кустовъ къ селу промчались два всадника. Вотъ они уже у воротъ дворца, переговариваются съ патрулемъ... ихъ впустили. Опять все тихо...

Крѣпко спитъ съ молодой женою Евдокіей Ѳедоровной царь Петръ Алексѣевичъ. Душно въ его опочивальнѣ. Сбросилъ онъ съ себя штофное одѣяло, разметались по бѣлымъ подушкамъ его кудри шелковыя, глубоко дышетъ грудь молодецкая. Истомился день деньской работаючи Петръ Алексѣевичъ; поздно домой возвратился, едва перекусилъ, выпилъ маленькую чарочку, подошелъ подъ благословеніе царицы матушки, да и завалился спать въ опочивальнѣ. И такъ ужь спать хотѣлось, что почти не слышалъ онъ, не видѣлъ свою молодую царицу, Евдокію Ѳедоровну. А Евдокія Ѳедоровна говорила ему рѣчи нѣжныя, а потомъ осердилась не на шутку, что онъ на эти рѣчи вниманія не обращаетъ—начала жалобы:

„Вотъ молъ жизнь моя несчастная, цѣлый-то Божій день тебя не видно, а и вернешься на ночь глядя—такъ слова ласковаго не скажешь,—спать завалишься... горькая я, несчастная!“

И заплакала царица, думая хоть слезами разжалобить молодого мужа. Но Петръ Алексѣевичъ ужь спалъ крѣпко—не проняли его женины слезы.

Медленно, минута за минутой, крадется ночное время. Только вдругъ тишина ночи нарушена какимъ-то движеніемъ. Вотъ слышно: ворота отпираются, слышны голоса людскіе, и все громче и громче эти голоса. Ужь вблизи опочивальни раздаются шаги, отпираются двери, стучатъ, ходятъ, переговариваются.

Проснулась, приподнялась съ подушекъ молодая царица. Глядитъ въ темноту ночную, со страхомъ слушаетъ.

— Что бы такое, Господи, значило?

Будитъ мужа. Но крѣпокъ сонъ царскій. Вотъ стучатъ въ двери—слышно: „отоприте!“ Боже мой!.. Наконецъ Петръ проснулся, вскочилъ съ кровати, отперъ двери, а передъ нимъ царица мать, за нею князь Борисъ Голицынъ со свѣчей въ рукахъ, а тамъ и другіе домочадцы и близкіе люди. У всѣхъ испуганныя лица, всѣ кой-какъ накинули на плечи платье—видно сейчасъ съ постелей повскакали, стоя, тутъ же у царской опочивальни, одѣваются.

— Что такое, что?

И слышится Петру:

„Два стрѣльца пріѣхали съ Москвы, спасаться нужно... на тебя, государя, да на царицу смертное убійство умышляется!..“

Петръ вздрогнулъ. Но еще послѣ сна крѣпкаго придти въ себя не можетъ, не знаетъ, послышались ли ему слова эти страшныя или взаправду кто сказалъ ихъ. А между тѣмъ вотъ уже явственно раздается голосъ Голицына:

— Шакловитый, извѣстно по чьему наущенію, въ эту же ночь Преображенское поджечь задумалъ, а въ переполохѣ и хотятъ учинить злодѣйство...

Петръ очнулся.

— Бѣжать, бѣжать не медля!.. нѣтъ, не дамся!

Онъ схватился за голову.

— Вѣдь вотъ тутъ въ домѣ уже можетъ забрались убійцы, можетъ поджидаютъ... теперь умереть!.. Матушка, жена! крикнулъ онъ,—одѣвайтесь всѣ скорѣе!.. войско... пушки... все къ Троицѣ, а я впередъ!.. я долженъ спастись... иначе все погибло! за мною всѣ!

И онъ, себя не помня, какъ былъ въ одной рубашкѣ, выбѣжалъ изъ опочивальни, пробѣжалъ всѣ дворцовые покои, на дворъ, на конюшню. Схватилъ перваго неосѣдланнаго коня, вскочилъ на него и помчался изъ Преображенскаго.

Часамъ къ шести утра, совершенно изнемогая отъ усталости и волненія, прискакалъ Петръ въ Троицкую лавру въ сопровожденіи постельничаго Головкина, Мельнова и своего любимаго карлы.

Едва войдя въ монастырское помѣщеніе, гдѣ постоянно останавливался, онъ бросился на постель и вдругъ зарыдалъ.

Прибѣжавшій къ нему архимандритъ лавры, Викентій, долго не могъ добиться отъ него ни слова.

Наконецъ рыданія царя стихли, онъ заговорилъ; но рѣчь его прерывалась неудержимыми слезами.

— Меня и всѣхъ моихъ извести сестра хочетъ, говорилъ Петръ,—нигдѣ нѣтъ отъ нея защиты! Велѣла своимъ разбойникамъ-стрѣльцамъ поджечь Преображенское, едва выскочилъ... Укрой меня, отче, спаси!...

Архимандритъ сталъ его успокоивать.

— Укроемъ, государь, здѣсь никто до тебя не доберется. Добрую мысль Господь вложилъ въ тебя—поспѣшить въ нашу святую обитель. Подъ покровомъ Сергія преподобнаго, великаго чудотворца и молитвенника за землю Русскую, тебѣ нечего бояться... Не разъ притекавшіе сюда находили оплотъ твердый у Божьяго угодника. Самъ, государь, не хуже моего вѣдаешь, какъ обитель сія Русскую землю спасала, какъ врагъ приходилъ разорять ее и стоялъ у стѣнъ сихъ въ неисчислимомъ, аки песокъ морской, множествѣ... и все же ни силою человѣческою, ни силою діавольскою не могъ въ нее внити, не могъ предать храмы святые на разореніе, мощи честныя на поруганіе! И нынѣ, какъ и древле, встанетъ на защиту твою святой Угодникъ Божій, и не одолѣютъ тебя подъ его защитою враги твои! Будь же спокоенъ, государь, уйми свои слезы, да потолкуемъ лучше, какъ и что дѣлать...

Спокойная рѣчь архимандрита, исполненная глубокой вѣры, славное прошлое Троицкой лавры, этой неприступной твердыни великаго защитника земли Русской, Сергія, успокоили Петра. Его слезы остановились, временная слабость и сознаніе своей беззащитности исчезли. Онъ даже устыдился этой слабости, въ глазахъ его снова блеснула смѣлая воля и онъ

уже не какъ испуганный ребенокъ, а какъ твердый, разумный мужъ началъ толковать съ архимандритомъ.

Онъ рѣшилъ дождаться своихъ и немедленно послать къ Софьѣ требованіе, чтобы она выдала ему головою Шакловитаго. Если она откажется—кликнуть кличъ по землѣ Русской, созывать людей ратныхъ и силою взять незаконно отнимаемое у него родительское наслѣдіе—Русскую землю, о которой онъ ежечасно помышляетъ, которой отдаетъ всю жизнь свою, отъ которой не отступится ни за что въ мірѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ въ Лавру уже въѣзжали царица Наталья Кирилловна съ дочерью и невѣсткой, всѣ приближенные Петра—потѣшные, а затѣмъ и изъ Москвы многіе бояре, преданные царю, и стрѣльцы Сухарева полка.

Петру то и дѣло докладывали о прибывавшихъ и онъ все больше и больше оживлялся. Знать не покинули его Русскіе люди!

Послѣ вечерень у молодого царя собрался совѣтъ, въ которомъ главное участіе принималъ князь Борисъ Голицынъ. Призвали также Мельнова и Ладогина, которые подробно объявили обо всѣхъ поступкахъ Шакловитаго. Они сказали также, что между стрѣльцами большинство на сторонѣ царя и въ числѣ его приверженцевъ также полковникъ Цыклеръ.

— Цыклеръ! изумленно воскликнулъ Петръ.—Я никогда не забывалъ этого имени... я всегда считалъ его врагомъ своимъ. Я помню, хорошо помню его тогда, на Красной площади!..

Онъ невольно вздрогнулъ при этомъ воспоминаніи.

— Но если онъ одумался, если онъ остался мнѣ вѣренъ теперь, то конечно я все забуду...

Мельновъ объяснилъ, что Цыклеръ человѣкъ дѣйствительно пользующійся большимъ вліяніемъ между стрѣльцами, къ тому же онъ все знаетъ про замыслы Шакловитаго и много нужнаго царю открыть можетъ.

— А коли такъ, призову его сюда, пусть онъ мнѣ служитъ, сказалъ Петръ.

На совѣщаніи рѣшено было послать въ Москву гонца и покуда требовать только разъясненія, по какому поводу былъ

въ кремлѣ и на Лубянкѣ сборъ стрѣльцовъ, а также присылки Цыклера съ пятьюдесятью стрѣльцами.

Вотъ ужь и вечеръ. Бояре разошлись: князь Голицынъ отправился приготовлять на всякій случай монастырь къ оборонѣ.

Царица Наталья Кирилловна съ молодою царевной и Евдокіей Ѳедоровной вернулись отъ всенощной. На всѣхъ трехъ лица нѣту, кажется слезы всѣ выплакали.

Старая царица ужь не та, какою была въ прежніе годы. Не старая по счету лѣтъ своей жизни, отъ вѣчныхъ мученій, тревогъ и страшныхъ воспоминаній, постоянно ее преслѣдовавшихъ, она глядитъ старухой. Куда дѣвалась вся чудная красота ея, которою бывало такъ любовался, отъ которой глазъ не могъ отвести покойный царь Алексѣй Михайловичъ. Совсѣмъ побѣлѣли ея густые русые волосы, все лицо въ морщинахъ, подъ глазами круги темные, вѣки красны отъ слезъ: эти слезы всю жизнь не высыхали... Теперь ужь нечего ждать отъ нея силы да воли—она вся надломлена, она можетъ только плакать и молиться. И вотъ то и дѣло уговариваетъ она невѣстку не убиваться, успокоиться, подумать о младенцѣ, котораго она носитъ во чревѣ своемъ,—но тутъ же сама и зальется слезами, и глядя на нее плачетъ, рыдаетъ и Евдокія Ѳедоровна.

Не знаетъ царица Наталья Кирилловна, какъ и пережила она страшную ночь эту. Ужь и то послѣдніе дни минуты спокойной не было—то тотъ придетъ, то другой придетъ, ужасы разсказываютъ, пугаютъ; одна боярыня Хитрая чего не насказала—страсть! Письма подметныя стали находить въ Преображенскомъ... А тутъ только что, послѣ долгой молитвы, заснула она, вдругъ ломятся въ двери, кричатъ: „спасайтесь, спасайте государя!“

Не помня себя вскочила царица,—едва постельница на нее душегрѣю накинула—бѣжитъ къ сыну, а у самой ноги подкашиваются, думаетъ: „живъ ли ужь? не убили ли?“ Нѣтъ, живъ—слава Богу! Да вотъ какъ выбѣжалъ онъ раздѣтый, да ускакалъ отъ нихъ, такъ совсѣмъ свѣта не взвидѣла царица, мысли спутались. Говорятъ ей, она слышитъ, но не понимаетъ,

сама бормочетъ невѣдомо что. Да и тутъ, въ святой обители,—тутъ, конечно, меньше опасности, только враги-то лютые хитры, того и гляди заберутся... Не отошла бы вотъ отъ сына, такъ бы ежеминутно и прикрывала его своей материнской грудью. Да что съ нимъ подѣлаешь? заперся онъ съ княземъ Борисомъ Голицынымъ, ни матери, ни жены къ себѣ не пускаетъ.

И точно, на ключъ замкнулъ двери Петръ Алексѣевичъ—совѣщается съ Голицынымъ.

— Нѣтъ, теперь довольно! будетъ трусить. Какъ попомню о своей трусости, говоритъ царь,—такъ стыдно глядѣть на свѣтъ Божій! Пора—я не ребенокъ... Хотѣли отъ меня отдѣлаться, такъ заранѣе бы изводили, а теперь даромъ не дамся! Не отпуститъ Шакловитаго, самъ на Москву пойду со своими потѣшными, посмотрю, какъ народъ встрѣтитъ царя своего... Красно умѣетъ говорить Софья народу, авось и я въ карманъ за словомъ не полѣзу—а дѣло мое правое!.. Если завтра къ полудню не будетъ Шакловитаго, сейчасъ же въ Москву иду.

— Не торопись, государь, сталъ его уговаривать Голицынъ,—обождать нужно. У насъ теперь еще мало силы, мало войска, пожди, подойдутъ. Да вотъ еще брата Василья слѣдовало бы сюда выписать.

— Василья! ея пособника, ея друга!... Опомнись, князь, воскликнулъ Петръ и глаза его вспыхнули гнѣвомъ.—Василья мнѣ не надо, обойдусь и безъ него.

— Нѣтъ, онъ тебѣ нуженъ, очень нуженъ, тихо и спокойно отвѣтилъ Голицынъ,—не потому говорю, что онъ мнѣ братъ двоюродный, да и тебѣ, государь, не слѣдъ на него сердце имѣть, что-жь, что онъ ея пособникъ...

— А Крымскій походъ? перебилъ Петръ,—я этого позора Голицыну никогда не забуду.

— Да, большая ошибка... въ раздумьи продолжалъ князь Борисъ,—большая ошибка... но вѣдь братъ и самъ очень хорошо ее понимаетъ. Намедни говоритъ со мною—поблѣднѣлъ весь, на глазахъ слезы... Что-жь, государь, кому въ жизни не приводилось ошибаться? очень-то строго не суди. А брата

Василья непремѣнно намъ нужно. Врагомъ тебѣ онъ никогда не былъ, ни въ какихъ противъ тебя замыслахъ не участвовалъ, а человѣкъ онъ разума великаго.

Петръ, привыкшій глядѣть съ уваженіемъ на князя Бориса, замолчалъ, началъ его внимательно слушать. Кончилось тѣмъ, что онъ уполномочилъ его звать Василья Васильевича къ Троицѣ, обѣщалъ, что приметъ его отлично и зла на него никакого держать не будетъ.

Князь Борисъ тотчасъ же распорядился, написалъ длинное посланіе брату и отправилъ къ нему съ этимъ посланіемъ ловкаго подъячаго.

Но прошелъ день: Шакловитаго не выдаютъ, Василій Васильевичъ не ѣдетъ.

Москва въ волненіи. По всему городу молва разносится, что началась великая усобица между братомъ и сестрою. Опять, какъ и семь лѣтъ тому назадъ, собирается народъ Московскій, толкуютъ... Но мало голосовъ слышится въ пользу Софьи: народъ стоитъ за справедливость, за законность.

Правила царевна государствомъ пока царь не выросъ, теперь онъ вонъ какой, головой выше всѣхъ бояръ сталъ, такъ ему и быть настоящимъ царемъ, а царевнино дѣло кончено.

Въ кремлѣ, на Верху, полное уныніе. Царевна приказала запереть на-глухо всѣ кремлевскія ворота и пропускать только самыхъ близкихъ къ ней лицъ. Сначала она старалась казаться спокойной. Узнавъ отъ Шакловитаго объ отъѣздѣ царя къ Троицѣ, она вышла къ стрѣльцамъ и объявила имъ, что еслибъ они не остереглись, то всѣхъ бы ихъ передавили потѣшные конюхи. Шакловитый тоже хвалился и кричалъ: „Вольно же ему взбѣсяся бѣгать!“ Но это было при народѣ, а у себя въ покояхъ царевна съ Шакловитымъ не скрывались другъ передъ другомъ: оба они хорошо видѣли, что дѣло принимаетъ очень опасный для нихъ оборотъ.

Вотъ прибыли отъ Троицы Петровы посланцы съ запросомъ царю Ивану и Софьѣ, за какимъ дѣломъ были стрѣльцы собраны почью?

Царевна велѣла сказать брату, что она собралась въ монастырь на богомолье и стрѣльцы должны были провожать ее. Относительно присылки Цыклера съ пятьюдесятью стрѣльцами долго она не могла рѣшиться, но Шакловитый присовѣтовалъ ей согласиться на это требованіе. Хоть ему и доносили ужь о томъ, что Цыклеръ не его сторону держитъ, но онъ еще не вѣрилъ этимъ доносамъ, да и рѣшилъ, что пятьдесятъ стрѣльцовъ не Богъ вѣсть какая сила, послать ихъ можно.

Цыклеру разрѣшено было отправиться и онъ поѣхалъ къ Троицѣ. Ему сопутствовали Елизарьевъ и Турка съ товарищами.

Но вотъ является требованіе о выдачѣ Шакловитаго и слова этого требованія ясно показываютъ Софьѣ, что теперь съ братомъ легко не справиться, что онъ началъ борьбу не на шутку.

Князь Василій Васильевичъ въ тотъ же день вечеромъ выѣхалъ въ одну изъ своихъ подмосковныхъ.

Онъ не могъ идти въ кремль, не могъ видѣть Софью.— Онъ рѣшилъ, что никогда больше не увидится съ нею—она умерла для него.

Царевна ушамъ своимъ не вѣрила, когда ей доложили, что Голицынъ уѣхалъ изъ Москвы.

Она заперлась отъ всѣхъ въ своей опочивальнѣ, кинулась на постель и неудержимо рыдала. Она поняла, что такое сдѣлала, она хорошо знала характеръ своего друга. Теперь онъ не вернется; онъ не пойдетъ къ врагамъ, но не придетъ и къ ней.

И она хотѣла бѣжать къ нему, найти его гдѣ бы то ни было, на колѣняхъ умолять его простить ее, забыть слова ея безумныя.

Но ей невозможно было теперь изъ Москвы выѣхать— она должна была бороться съ братомъ. Шакловитый понуждалъ ее къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и она съ нимъ соглашалась. Она исполняла его требованія, но какъ-то само собой, не раздумывая. Въ ней не было уже прежней рѣшительности, она съ каждымъ днемъ ослабѣвала.

Она отправила къ Петру боярина князя Троекурова. Онъ возвратился и привезъ Софьѣ отвѣтъ царя. Въ то же время она узнала, что Петръ прислалъ въ солдатскіе и стрѣлецкіе полки грамоту, въ которой требовалъ, чтобы начальные люди и по десяти человѣкъ рядовыхъ изъ каждаго полка немедленно отправились къ Троицѣ.

Софья призвала къ себѣ этихъ начальныхъ людей и вышла къ нимъ такою грозною, какой они никогда еще ее не видали.

— Вы собираетесь къ Троицѣ?!—сказала она,—забудьте и думать объ этомъ. Оставайтесь здѣсь всѣ до единаго!...

— Да какъ же, государыня,—вѣдь царь насъ требуетъ. Можемъ ли мы противиться его волѣ? возразили начальные люди.

— Давно ли вы брата больше меня слушаете? Я правительница, и я вамъ приказываю оставаться. Слышите? Злые люди ссорятъ меня съ братомъ, но не ваше дѣло вмѣшиваться въ нашу ссору.

Стрѣльцы стояли въ недоумѣніи и опять повторяли о томъ, что царскаго приказу какъ же имъ ослушаться.

— Такъ знайте, крикнула Софья, если кто нибудь изъ васъ пойдетъ къ Троицѣ, немедленно же будетъ пойманъ и казненъ. Коли головъ своихъ жалѣете—оставайтесь, а я отъ своихъ словъ не отступлюсь.

Она величественно вышла; но тутъ же упала въ первое попавшееся кресло и, закрывъ лицо руками, горько зарыдала.

Шакловитый успокоилъ стрѣльцовъ, что къ царю будетъ послано съ объясненіями.

И дѣйствительно, туда тотчасъ же отправился дядька царя Ивана, князь Прозоровскій вмѣстѣ съ духовникомъ Петра. Имъ приказано было извиниться передъ царемъ, что никакъ нельзя было исполнить его требованіе и прислать къ нему войско.

Кромѣ этого Прозоровскій и духовникъ должны были всячески постараться примирить сестру съ братомъ. Между стрѣльцами Шакловитый распускалъ слухъ, что царская грамота была прислана безъ вѣдома Петра Алексѣевича княземъ Борисомъ Голицынымъ.

Прошло два дня; Прозоровскій и духовникъ вернулись, ничего не добившись. Царь стоитъ на своемъ, слышать о сестрѣ не хочетъ и только требуетъ, чтобы его приказаніе было исполнено.

Оставалось послѣднее средство: упросили патріарха ѣхать къ Троицѣ.

Престарѣлый Іоакимъ не сталъ отговариваться. Онъ былъ радъ вырваться отъ враговъ своихъ и, ничего не сдѣлавъ для примиренія враждовавшихъ, остался у Троицы.

Прошло опять нѣсколько дней. Все было тихо, молодой царь очевидно еще слишкомъ робко пробовалъ свои силы, еще боролся самъ съ собою. Но вотъ 27-го августа появилась новая царская грамота отъ Троицы: опять требованіе по всѣмъ полкамъ, чтобы немедленно явились къ царю, а не то пусть ожидаютъ смертной казни.

Стрѣльцы не хотѣли больше ничего слушать и цѣлыми толпами двинулись въ Лавру.

Царь въ сопровожденіи матери своей и патріарха вышелъ къ нимъ на встрѣчу и сейчасъ же объявилъ имъ объ умыслѣ Шакловитаго на жизнь его и Наталыи Кирилловны.

Дьякъ сталъ читать выписку изъ рѣчей распросныхъ и извѣтовъ стрѣлецкихъ. Патріархъ увѣщевалъ стрѣльцовъ, чтобъ они объявили всю правду, а въ случаѣ, если утаятъ что, то грозилъ лишить ихъ своего пастырскаго благословенія.

Стрѣльцы смѣшались и завопили:

— Мы великимъ государямъ служимъ и работаемъ, какъ служили и работали ихъ предкамъ, всегда и неизмѣнно готовы исполнять государскую волю, готовы ловить воровъ и измѣнниковъ! А что говоришь намъ, великій государь, про Ѳедьку Шакловитаго, то того Ѳедькина злаго умысла и измѣны мы не знаемъ!

Однако нѣкоторые изъ стрѣльцовъ кое-что знали и подробно разсказали обо всемъ государю.

— Теперь вы сами видите, обратился Петръ къ Голицыну, патріарху и всѣмъ окружавшимъ его,—сами видите, можно ли мнѣ покончить это дѣло, можно ли мнѣ примириться съ

сестрою? Не останавливайте же меня, я не успокоюсь, пока живъ Шакловитый.

Всѣ замѣтили перемѣну, внезапно происшедшую съ Петромъ. Глаза его загорѣлись такимъ гнѣвомъ, на который онъ, казалось, до сихъ поръ не былъ способенъ. Гроза прозвучала въ его голосѣ...

Положеніе Софьи было безнадежно. Она рѣшилась ѣхать сама къ Троицѣ, но на дорогѣ встрѣтилъ ее стольникъ Бутурлинъ и объявилъ ей, отъ имени Петра, чтобъ она въ монастырь не ходила.

— Это что значитъ? Отчего не идти мнѣ въ монастырь?— пойду непремѣнно! гордо отвѣтила Софья.

Но вслѣдъ за Бутурлинымъ является Троекуровъ и объявляетъ, что если она пойдетъ въ монастырь, то „съ нею будетъ поступлено нечестно“.

Она вернулась и тотчасъ же велѣла позвать къ себѣ стрѣльцовъ, старыхъ стрѣльцовъ еще 82 года, которые одни оставались ей вѣрными.

Она вышла къ нимъ вся въ слезахъ, съ измученнымъ, жалкимъ видомъ. Она собрала весь остатокъ силъ своихъ, рѣшилась испробовать послѣднее средство и, если оно не поможетъ, отдаться своей участи.

Послѣдняя страшная обида, отчаяніе, ненависть, тоска, которыя давили ее, все это придавало особенное выраженіе, особенную страстность ея голосу.

Она говорила увлекательно; стрѣльцы ее слушали видимо растроганные.

— Дѣти, говорила Софья,—пошла я къ Троицѣ и вотъ въ Воздвиженскомъ чуть меня не застрѣлили: едва я ушла оттуда. Страшныя дѣла у насъ творятся. Нарышкины съ Лопухиными хотятъ извести царя Ивана; до меня добираются. Скажите же мнѣ—могу ли я на васъ положиться? Надобны ли мы вамъ? отвѣчайте немедля, отвѣчайте сущую правду: коли мы не надобны, то пойдемъ съ братомъ Иваномъ гдѣ нибудь себѣ келы искать. Думала я—образумится братъ младшій, окончитъ эту распрю со мною, да нѣтъ—Борисъ Голицынъ и Левъ Нарышкинъ его совсѣмъ съ ума споили,

на меня натравляютъ. А старшаго царя ни во что не ставятъ, комнату его дровами завалили. Меня называютъ дѣвкою, какъ будто я не дочь царя Алексѣя Михайловича! Хотятъ голову рубить князю Василью Васильевичу, а сами знаете—много онъ добра сдѣлалъ: съ Польшею вѣчный миръ заключилъ; съ Дону прежде бѣглыхъ не выдавали, а теперь выдаютъ его промысломъ... Заступитесь, дѣти... Я обо всемъ радѣла... васъ не забывала, а теперь все изъ моихъ рукъ тащатъ. Безъ меня-то пожалуй и вамъ худо будетъ. Не ходите къ Троицѣ... А то пожалуй и вы побѣжите отъ меня... Цѣлуйте крестъ!

Она приказала принести крестъ и привела стрѣльцовъ къ присягѣ. Тѣ присягнули, но Софья все же ничего не выиграла.

Пришло 1-ое сентября, праздникъ Новаго года, — но какое тутъ торжество—патріарха нѣтъ, царь Иванъ лежитъ больной, царевна не выходитъ изъ своихъ покоевъ! Праздникъ отмѣнили; народъ Московскій въ унынiи и тревогѣ ожидаетъ великихъ бѣдъ, стрѣльцы тоже, повѣся головы, по кремлю бродятъ. Вынесли имъ водки, угостили, но и царская чарка теперь не радуетъ.

Шакловитый на верху, у царевны, пишетъ сказку ко всѣмъ чинамъ Московскаго государства, излагаетъ все дѣло, оправдываетъ Софью. Пишетъ о томъ, какъ царевна приняла правительство по челобитью всего народа, съ благословенiя патріарха, а вотъ теперь Нарышкины ее и брата ея, царя Ивана Алексѣевича, всячески безчестятъ, къ рукѣ не ходятъ, навели конюховъ потѣшныхъ, а тѣ всѣмъ чинятъ обиды и насилiя. Пожалуются на это царю Петру—такъ нѣтъ отвѣта. Комнату царя Ивана полѣньями завалили, вѣнецъ его изломали.

Красно писалъ Шакловитый, но никому не привелось читать его сказку—судьба его рѣшалась.

Перваго же сентября отъ Троицы пріѣхалъ полковникъ Нечаевъ со стрѣльцами и привезъ царю Ивану и Софьѣ грамоту. Въ этой грамотѣ Петръ извѣщалъ ихъ о заговорѣ и

настоятельно требовалъ немедленной присылки Θедьки Шакловитаго съ сообщниками для розыска.

Все снова заволновалось. И во дворцѣ и въ городѣ раздался какъ бы всеобщій крикъ ужаса. Потомъ всѣ смолкли; наступило затишье передъ бурей. Всѣ ждали, чѣмъ это кончится.

Царевна въ бѣшенствѣ бросила грамоту на полъ, истоптала ее ногами и приказала привести къ ней немедленно Нечаева.

— Какъ ты смѣлъ привезть эту грамоту? закричала она на него.

А когда онъ отвѣчалъ, что не смѣлъ ослушаться царскаго повелѣнія.—„Немедленно же отрубить ему голову!“ приказала Софья. Но черезъ часъ одумалась, спросила—„что Нечаевъ?“ Ей отвѣтили, что еще живъ, такъ такъ до сихъ поръ не могутъ палача найти.

— Не надо! я отмѣняю свое приказаніе, не казните, только приведите всѣхъ стрѣльцовъ, которые съ нимъ пріѣхали.

Стрѣльцы явились къ Красному крыльцу. Царевна сошла къ нимъ.

— Для чего вы пріѣхали? съ какимъ указомъ? заговорила она.—Зачѣмъ же вы вѣрите тому, что вамъ насказали у Троицы. Все тѣ воры выдумали и вы оставайтесь здѣсь и безъ моего указа къ Троицѣ не выѣзжайте. Знаете ли вы, что братъ мой, Петръ Алексѣевичъ, меня къ себѣ не пустилъ въ монастырь?.. А за которыми людьми вы присланы, то я вамъ ихъ не отдамъ, потому что если отдамъ вамъ девять человѣкъ, такъ они оговорятъ и еще девятьсотъ, такъ можно ли имъ вѣрить? А вотъ нужно тѣхъ, кто ихъ оговариваетъ, прислать сюда для розыску. Вѣдомо къ чему все клонится: меня хотятъ извести... Злые люди мутятъ, а вы вѣрите... Въ зависти къ вѣрной службѣ и преданности Шакловитаго называютъ его заводчикомъ злого умысла, такъ вотъ чтобъ развѣдать обо всемъ этомъ, я сама и пошла къ Троицѣ, а братъ велѣлъ меня остановить по наущенію злыхъ совѣтниковъ и съ великимъ срамомъ вернулась я обратно. Всѣмъ вамъ вѣ-

домо, какъ я въ эти семь лѣтъ правительствовала, вѣдомо тоже въ какое время приняла правительство. Время было смутное... Я учинила славный вѣчный миръ съ сосѣднимъ государемъ, а враги Креста Христова отъ оружія моего въ ужасѣ пребываютъ. Вы за ваши службы пожалованы нашимъ великимъ жалованьемъ и милость нашу къ себѣ всегда видѣли. Ужели послѣ того вы намъ учинитесь невѣрны, повѣривши вымыслу злыхъ людей—вы всему государству добра не желаете и смуту заводите. Знайте, знайте, не голову Ѳедора Шакловитаго ищутъ, ищутъ моей головы и брата моего, царя Ивана Алексѣевича!..

Софья говорила въ волненіи, не замѣчая усталости. Всѣ внимательно ее слушали. На Красную площадь набиралось все больше и больше народу всякаго, и всѣхъ пропускали. Народъ толпился между стрѣльцами вокругъ царевны.

Она замѣтила это, подозвала къ себѣ торговыхъ и посадскихъ людей.

— Народъ православный, говорила она,—враги мои великую смуту затѣяли, всяческую клевету взводятъ на меня и на близкихъ мнѣ людей. Будьте моими судьями — вы меня знаете, я ни отъ кого не скрывалась. Я семь лѣтъ ночей не досыпала, о себѣ забывала, помышляла только о всеобщемъ благоденствіи, о томъ, какъ бы честно передъ Господомъ Богомъ исполнить долгъ свой. Не покиньте меня въ трудную минуту, не выдайте меня головою врагамъ моимъ.

Долго, мучительно и страстно говорила Софья, такъ говорила, что у многихъ слезы на глаза выступили. Но все же эта прекрасная рѣчь, видъ измученной царевны, ея волненіе, ея слезы, которыхъ она не въ силахъ была удерживать—все это не могло уже помочь ей. Народъ жалѣлъ ее и въ то же время чувствовалъ, что не на ея сторонѣ правда, и не хотѣлъ идти противъ правды. И она сама съ безнадежностью понимала и чувствовала все это—и все же говорила. Но вотъ послѣднія силы ее оставляютъ, въ горлѣ пересохло, ноги подкашиваются. Она подозвала къ себѣ одного изъ немногихъ бояръ, бывшихъ съ нею, крѣпко оперлась ему на руку и, едва не падая, вернулась во дворецъ. Это была послѣдняя

вспышка. Съ этой минуты Софья рѣшила, что борьба ея кончена, что она побѣждена и ей остается только ожидать своей участи.

Царь еще разъ прислалъ требовать Шакловитаго. Между стрѣльцами поднялся ропотъ, что дѣло затягивается. Часть стрѣльцовъ здѣсь, другая часть у Троицы. У тѣхъ, кто у Троицы, въ Москвѣ остались жены, дѣти, дѣла разныя; нужно рѣшать все скорѣе—больше ждать невозможно.

Софья приказала повѣстить всѣмъ, что она сама, вмѣстѣ съ царемъ Иваномъ, отправляется къ Троицѣ—но осталась.

Ропотъ усиливался. Между тѣмъ по городу прошла вѣсть, что и вся нѣмецкая слобода, всѣ какъ есть нѣмцы тоже двинулись къ царю Петру Алексѣевичу. Это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе. Въ городѣ начали говорить: „чего-жь тутъ думать? конечно надобно царя Петра слушаться, а не царевны—вонъ вѣдь къ нему ужь и нѣмцы двинулись!..“

Припомнился царевнѣ Софьѣ день 17-го мая 82 года. Припомнилось ей, какъ она уговаривала царицу Наталью Кирилловну выдать разъяренпымъ стрѣльцамъ Ивана Нарышкина. Припомнилась ей ужаспая сцена прощанья сестры съ братомъ, вопли и отчаяніе несчастной царицы, отдававшей близкаго человѣка на вѣрную погибель... Теперь ей самой приходилось выдать единственнаго преданнаго помощника, Шакловитаго. Какъ она уговаривала царицу, такъ теперь ее уговариваютъ всѣ оставшіеся до сихъ поръ въ Москвѣ бояре, уговариваютъ даже и сестры. Но царевна еще не можетъ рѣшиться—Шакловитый ей не братъ, не кровный, но выдать его, значитъ и себѣ подписать приговоръ смертный. А дѣлать нечего, „сколько ни жалѣть, а отдать нужно будетъ“, какъ говорилъ семь лѣтъ тому назадъ князь Одоевскій Натальѣ Кирилловнѣ.

Упавшая духомъ, совсѣмъ обезсиленная и измученная Софья спѣшитъ къ брату Ивану. Не велика на него надежда, но авось хоть онъ пригодится въ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ.

Иванъ Алексѣевичъ лежитъ больной. Софья начинаетъ умолять его заступиться за Шакловитаго, написать Петру письмо, объявить, что Шакловитый невиновенъ, что на него только наговариваютъ, и онъ, царь Иванъ, не разрѣшаетъ суда надъ нимъ и его осужденія.

— Пойми, братъ, заливаясь слезами, говоритъ царевна,— пойми, вѣдь теперь Шакловитый нашъ единственный защитникъ, его выдадимъ—себя выдадимъ. Такъ если меня не жалѣешь, себя да жену свою пожалѣй,—вѣдь это до нашихъ съ тобою головъ добираются!

Иванъ Алексѣевичъ приподнялъ свою больную голову съ подушекъ и пристально поглядѣлъ на сестру.

Всѣ говорили, что онъ скудоуменъ, „скорбенъ главою“ да и самъ онъ былъ о себѣ такого же мнѣнія, но это было не совсѣмъ вѣрно. Страшная болѣзнь, постигшая его съ дѣтства и неопредѣленная тогдашними врачами, дѣйствительно сильно замедляла его умственное развитіе: онъ никогда не былъ способенъ учиться, все перезабывалъ, не могъ долго остановиться на одномъ и томъ же предметѣ. Но въ послѣдніе годы болѣзнь его приняла новое направленіе. Она медленно разрушала весь организмъ его, но голова его замѣтно просвѣтлѣла, оставалась только сонливость и какая-то тяжесть мысли. Если онъ старался не думать и не размышлять, то только потому, что эта работа была для него мучительна: страшно его утомляла; но когда нужно было ему на чемъ нибудь остановиться, что нибудь рѣшить, онъ иногда поражалъ окружавшихъ ясностью своихъ сужденій. Такъ и теперь, только глубокое волненіе Софьи помѣшало ей замѣтить полную осмысленность его устремленнаго на нее взгляда.

— Ты бы лучше, сестрица, выдала брату Шакловитаго, произнесъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Иванъ Алексѣевичъ.— Коли братъ требуетъ—значитъ такъ надо, а даже коли и не надо, то все равно ты ничего не подѣлаешь—сила-то на сторонѣ брата. Вѣдь я знаю, всѣ къ нему побѣжали и письма ему я писать не стану—перечить брату не хочу, лучше и не уговаривай.

— А! такъ ты вотъ какъ! въ безсильномъ бѣшенствѣ

произнесла Софья глухимъ голосомъ.—Ты меня выдаешь... Это за все, что я для тебя дѣлала... Вѣдь черезъ кого же, какъ не черезъ меня, ты и царемъ сталъ?!

— Эхъ, сестрица! слабо улыбнулся Иванъ Алексѣевичъ.—Попрекай, если хочешь... А что ты царемъ-то меня сдѣлала, такъ вѣдь я не просилъ тебя—развѣ мнѣ это нужно? Господи, да забудьте вы всѣ обо мнѣ! Мнѣ бы вотъ полежать спокойно, шума бы никакого не слышать, больно трудно становится, врядъ ли проживу долго—такъ какой я царь! Мнѣ вотъ стыдно бываетъ, что царемъ меня величаютъ, вѣдь понимаю я тоже...

Онъ замолчалъ, закрылъ глаза и, казалось, погрузился въ глубокую дремоту.

Софья постояла, поглядѣла на него и, махнувъ рукою, вышла изъ его опочивальни.

А ее ужь дожидались, ей говорили со всѣхъ сторонъ, перебивая другъ друга, что медлить невозможно, что стрѣльцы требуютъ немедленной выдачи Шакловитаго, а иначе всѣ какъ есть пойдутъ къ Троицѣ, а то сами розыщутъ „Ѳедьку“ и потащатъ его къ царю Петру Алексѣевичу.

— Да берите его, берите! страшнымъ, хриплымъ голосомъ проговорила Софья.—Тащите на висѣлицу, да ужь и меня заодно съ нимъ... теперь же, сейчасъ и меня тащите—все равно вѣдь выдадите, я вамъ не нужна больше!

Своими красными, опухшими отъ слезъ глазами, въ которыхъ теперь выражалось и отчаяніе, и тоска, и глубокая ненависть, она взглянула на всѣхъ и ушла къ себѣ, сказавъ, чтобы ее оставили въ покоѣ, что она никого не хочетъ видѣть.

Шакловитаго повезли къ Троицѣ. Вмѣстѣ съ нимъ отправились и всѣ бояре, до сихъ поръ еще не покидавшіе царевны; теремъ остался безъ защитниковъ. Петръ не скрывалъ своей радости, когда ему доложили о прибытіи Шакловитаго.

— А!... таки выдала! сказалъ онъ.—Ну, теперь съ Божіей помощью все покончимъ. Допросите хорошенько Ѳедьку, пытайте его, разбойника, нечего жалѣть-то!...

Шакловитаго дѣйствительно не пожалѣли...

Съ первой пытки онъ повинился во всемъ, не повинился только въ своемъ умыслѣ на жизнь царскую. Но противъ него были явныя улики, его ожидала казнь лютая.

Петръ самодержавно взялъ правленіе въ свои могучія руки и заставилъ царевну Софью постричься въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, причемъ ей дали имя Сусанны.

ИЗЪ РАЗСКАЗА

Н. В. Кукольника

„ЛИХОНЧИХА“.

Во время второго стрѣлецкаго бунта при правительницѣ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ были замѣшаны три сына Авдотьи Петровны Лихончихи и арестованы вмѣстѣ съ Шакловитымъ, который былъ коноводомъ этого бунта. Несчастная мать пришла подъ Троицу просить защиты у молодого царя Петра Алексѣевича.

Троице-Сергіевъ монастырь со всѣми посадами и окрестностями, въ половинѣ сентября 1689 года, походилъ болѣе на шумную и многолюдную столицу, нежели на тихую обитель иноковъ. Не праздникъ былъ у Троицы, не молельщики стеклись со всѣхъ предѣловъ Руси къ нетлѣннымъ мощамъ чудотворца: нѣтъ, рѣшалось государственное дѣло; больше: рѣшалась судьба Россіи. Въ зданіяхъ на монастырѣ проживали Петръ Алексѣевичъ съ государыней-родительницей, тетка государева, Татьяна Михайловна, съ двумя сестрами Петра, патріархъ и нѣкоторые важнѣйшіе сановники. Архимандритъ Сильвестръ съ братіею переселился въ служебныя избы, очистивъ гостямъ свои кельи; на посадахъ жили бояре и разнаго рода чиновные люди; стрѣлецкіе полки въ полѣ простирались станомъ вплоть до Хотькова монастыря; тамъ, въ монастырской гостинницѣ, тѣснилась разнородная толпа приходящихъ; кто ни шелъ, ни ѣхалъ, сворачивалъ къ Хотькову, желая сначала тайкомъ освѣдомиться о троицкихъ дѣлахъ: даже послы царевны Софіи, Бутурлинъ и князь Троекуровъ, не получивъ согласія Петра на свиданіе съ царевной,

возвращались тѣмъ же путемъ; но, къ огорченію, не могли набрать добрыхъ слуховъ; напротивъ, они съ трудомъ пробирались, и по большой московской дорогѣ, покрытой поѣздами и пѣшеходами, ихъ вездѣ встрѣчали и провожали насмѣшками. Народъ вѣдалъ, что царевна кается и, вмѣстѣ съ Петромъ, не вѣрилъ ея искренности. Актъ обвиненія торжественно и всенародно былъ прочитанъ, въ присутствіи государя, съ крыльца царскихъ палатъ. Орудія казни давно уже были выставлены въ полѣ, неподалеку отъ монастырской ограды и наводили трепетъ на любопытныхъ. Но такова звѣрская природа человѣка: на-завтра любопытные снова тѣснились около страшныхъ орудій и снова съ трепетомъ расходились. Со дня на день ожидали кроваваго представленія; узнавали о времени: каждый произвольно назначалъ день и часъ; но казнь не могла совершиться безъ Шакловитаго, начальника стрѣлецкаго приказа и главнаго орудія честолюбивой Софіи, и— толкамъ не было конца.

Одна только женщина не любопытствовала, не входила въ толки. Поздно за полночь пришла она къ воротамъ Троицкаго монастыря и всѣ надежды ея рушились. Въ ворота пропускали только тѣхъ, которые были лично знакомы нѣмецкимъ капитанамъ или старшимъ сановникамъ. Опасеніямъ и распросамъ усердныхъ Нѣмцевъ не было конца: они входили во всѣ подробности домашней жизни, во всѣ отношенія и связи, даже въ родословіе приходящихъ. Многіе молельщики, случайно попавшіе въ троицкое дѣло, изъ усердія Нѣмцевъ сидѣли подъ крѣпкой стражей, и ночью подвергались подозрительнымъ допросамъ. На однѣхъ женщинъ не падали ихъ сомнѣнія, и вотъ почему Авдотья Петровна Лихончиха могла просидѣть у Троицкихъ воротъ всю ночь и утро. Не мало бояръ, окольничихъ, думныхъ дьяковъ, прошло съ посадовъ на монастырь; каждый затыкалъ уши, когда Авдотья Петровна просила покровительства, и это не красное словцо,— нѣтъ, просто затыкалъ уши и, пробѣгая въ ворота, кричалъ: не слышу, не слышу! Имя трехъ Лихонцевъ наводило этотъ ужасъ: они вмѣстѣ съ начальникомъ стрѣлецкаго приказа Шакловитымъ, вмѣстѣ съ Резановымъ, Гладкими, Петровымъ

и Чермнымъ, ѣздили въ Преображенское на страшный подвигъ, разрушенный вѣрностью двухъ стрѣльцовъ, Ѳеоктистова и Мельнова, которые увѣдомили князя Бориса Голицына о преступномъ умыслѣ. Розыскное дѣло было уже прочитано; сомнѣній не оставалось, казнь была неизбѣжна. Пріѣхалъ изъ Москвы генералъ Гордонъ и Лихончиха бросилась ему въ ноги.

— Я буду сказать,—отвѣчалъ генералъ,—Тихону Никитичу, а его величеству не смѣю; не мое дѣло. Я сожалѣю тебя, но помочь не могу; поди на гостиницу; вотъ тебѣ одинъ рубль; тамъ ожидай, я буду за тобою прислать, если Тихонъ Никитичъ будетъ позволять съ нимъ видѣться.

— Благодѣтель ты мой, ангелъ ты мой, дай Богъ тебѣ... дай Богъ всякаго счастія... благополучія!.. дай Богъ тебѣ... не имѣть дѣтей! въ слезахъ вопила Лихончиха. Гордонъ былъ уже далеко; Авдотья Петровна все еще его благословляла, цѣлуя рубль и обѣщая положить его на раку чудотворца, если поможетъ преклонить сердце царево на милость.

Къ вечеру много людей собралось у монастырской гостиницы, всегда тихаго пристанища смиренныхъ молельщиковъ, а теперь шумнаго вѣча безчисленныхъ толковъ, надеждъ, сказокъ и предсказаній. Вѣче шумѣло на площадкѣ передъ гостиницей, потому что въ комнатахъ жили придворные. Авдотья Петровна грѣла старыя кости на заходящемъ солнышкѣ: то молилась, то глядѣла на дорогу къ монастырскимъ воротамъ; люди скоро замѣтили и старушку, и душевную ея тоску и, больше изъ любопытства, нежели изъ состраданія, спросили: кого ты поджидаешь, матушка?

— Нѣмецкаго боярина; обѣщалъ прислать за мной.

— Мало ему и безъ тебя дѣла! Да и за тобой-то посылать ему какая нужда! Нынче въ монастырь и старицъ не пускаютъ: а ужь такую старуху...

Люди смѣялись.

— Безъ дѣла и бояръ не пускаютъ, а за дѣломъ и нищаго къ государю пропустятъ.

— За дѣломъ?... за какимъ дѣломъ?

Лихончиха сказала,—и люди разбѣжались.

Старуха качала имъ во слѣдъ сѣдою головой, но въ то же время увидѣла Гордона, съ трудомъ встала и, молча, съ невыразимымъ страхомъ, ожидала генерала; въ смущенномъ сердцѣ думала она: что, если не за тобой, Авдотья?

— Ну! сказалъ генералъ:—Тихонъ Никитичъ никакую надежду не имѣетъ (старуха упала на колѣни и, воздѣвъ руки къ небу, дослушала рѣчь Гордона). А мы будемъ дѣлать такъ. Завтра, передъ обѣдней, приходи къ собору и жди на крыльцѣ государя. Я прикажу пустить тебя пройти... Проси государя имѣть милость...

И старуха безъ словъ повалилась на земь. Гордонъ ушелъ отъ благодарности; но вскорѣ явился нѣмецкій солдатъ, отвелъ Авдотью Петровну въ сторожевую избу, на посадѣ, усадилъ на скамью, накормилъ чѣмъ Богъ послалъ, и старушка, утомленная продолжительною дорогою и душевною бурею, уснула, въ первый разъ послѣ трехдневной безсонницы.

Колокола гудѣли; благочестивые со всѣхъ сторонъ стремились къ разнымъ вратамъ монастыря, но неумолимые Нѣмцы отсылали ихъ въ церкви на посадахъ; немногіе, пользуясь или знакомствомъ, или покровительствомъ сильныхъ, успѣли пройти на монастырь, но и отъ этихъ немногихъ было тѣсно и душно, не только въ соборномъ храмѣ, но и вдоль по всей площадкѣ отъ дворца до собора. Ожидали государя. Архимандритъ Сильвестръ въ полномъ облаченіи приготовился встрѣтить юнаго царя; народъ жаждалъ увидѣть обожаемую надежду великихъ дѣлъ: тогда еще не видно было ни одного облачка, которое бы обѣщало страшную и благодѣтельную бурю, которая потрясла и освѣжила дряхлую Россію; не вѣдали, какими путями вознесется Петръ на престолъ величія, но вѣрили, что юноша царь есть предназначенный строитель Россіи; вѣрили, не условясь; вѣрили, глядя на красоту государя, на орлиныя очи, на разумъ рѣдкій и на волю желѣзной твердости... Безмолвно, съ обнаженными

головами, ожидали люди. Вдругъ въ толпѣ раздался крикъ:—Къ самому государю! Толпа невольно раздвинулась, и Авдотья Петровна остановилась у паперти.

— Отойди, старушка, тутъ стоять не приходится... сказалъ послушникъ.

Лихончиха не повиновалась.

— Пошла прочь, баба! закричалъ потѣшный, и замахнулся тростью.

— Убей, убей! отвѣчала она:—видитъ Богъ, спасибо скажу; только тебѣ же, радость ты моя, и хоронить меня прійдется.

— Ну, ступай съ Богомъ! промолвилъ потѣшный, смягчая голосъ.

— Имѣйте милость оставить ее! сказалъ Гордонъ, подходя къ потѣшному!—она вамъ и никому не дѣлаетъ никакое безпокойство.

Раздался трезвонъ, толпа заволновалась. Петръ Алексѣевичъ, безъ шапки, шелъ скорыми шагами, одинъ-одинехонекъ, кланялсь привѣтно на обѣ стороны; архимандритъ Сильвестръ съ духовенствомъ и боярами появился на паперти и, воздѣвъ руки, хотѣлъ начать привѣтственную рѣчь... Вдругъ изъ толпы поднялась дряхлая, высокая женщина; слезы въ два ручья лились по лицу, изрытому морщинами; губы, посинѣвъ, дрожали; протянувъ руки къ государю, она величественно, тихо сдѣлала три шага впередъ и рухнулась къ ногамъ Петра безъ словъ, безъ стона.

Государь отступилъ. На лицѣ его было написано недоумѣніе; онъ оглянулся... возлѣ никого не было.

— Что тебѣ надо, бабушка? спросилъ онъ, собственными царскими руками поднимая несчастную; одинъ Гордонъ, сбѣжавъ съ паперти, осмѣлился помочь государю.

— Помилуй!.. могла только простонать Лихончиха, и снова повалилась къ ногамъ государя.

Странно. Государь стоялъ неподвижно, не стараясь освободиться отъ докучливой старухи, съ совершеннымъ спокойствіемъ и, спустя нѣсколько мгновеній, спросилъ ласково:

— Ну, что, бабушка, горе маленько отлегло, какъ поплакала? Говори же теперь, что надо?

— Помилуй дѣтей моихъ, солнышко наше, государь православный, непаглядный ты нашъ! Не оставь старухи сиротой безпомощной! Помилуй дѣтей моихъ!

— Да кто твои дѣти?

— Лихонцы, батюшка-государь!

Царь нахмурился; по лицу пробѣжало судорожное движеніе; онъ отступилъ и, сказавъ отрывисто: не властенъ, не властенъ!—пошелъ впередъ. Рѣчь архимандрита была очень коротка, и государь съ духовенствомъ и боярами вступилъ во храмъ.

— Царю Небесный! кричала старуха, не вставая съ колѣнъ во время рѣчи Сильвестровой и обративъ глаза и руки къ собору:—Царю Небесный! ущедри сердце царя нашего милостью, да помилуетъ дѣтей моихъ, яко Ты помиловалъ враговъ Своихъ!

Въ это время подходили къ собору государыня-родительница, Татьяна Михайловна, Марья и Марѳа Алексѣевны и нѣкоторые сановники. Нельзя было идти дальше. Старуха на тѣсной мощеной дорожкѣ, по которой только и можно было пройти свободно, продолжала громко молиться. Вдохновенная горемъ, она походила на юродивую; народъ со страхомъ глядѣлъ на нее. Глубокая печаль и съумасшествіе—сосѣди, и часто, не лишаясь разсудка, человѣкъ въ глубокой печали говоритъ несвязно. Старушка усѣлась на мощеной дорожкѣ; глаза осушило сердечное пламя; она поглядѣла на толпу и улыбнулась... улыбнулась, и всѣ отворотились. Стало страшно.

— Пошли молиться! сказала Лихончиха, обращаясь къ толпѣ:—чего зѣваете? Пошли молиться, а не то и вамъ придется на старости сидѣть на голой плитѣ и плакаться за дѣтей вашихъ! И я ли не молилась?—Сергій Радонежскій, чудотворецъ и заступникъ нашъ! возвысивъ голосъ, кричала старуха:—повѣдай государю, какъ я каждый разъ, что подастъ мнѣ Богъ сына, приходила пѣшкомъ изъ Москвы къ честнымъ мощамъ твоимъ и каждый разъ, отъ достатка, все, что можно было, все несла къ тебѣ. И о чемъ я молилась, ты знаешь, чудотворецъ!.. скажи государю.

Въ это время нѣмецкая стража подошла къ несчастной и тащила ее съ дорожки.

— Не тронь, Нѣмецъ! Спроси у меня, каково сердцу, когда отъ него дѣтей отрываютъ: а государь не отецъ, что ли?

— Да пропусти государыню! толковалъ ей капитанъ.

Лихончиха не понимала и страшно вопила.

— Не тронь, не тронь! государю пожалуюсь.

— Оставьте ее! сказалъ государь, выходя съ Гордономъ изъ собора:—Скажи мнѣ, что могу тебѣ я сдѣлать добраго, и отпусти меня къ обѣднѣ.

— Отдай дѣтей, государь!

— Не могу! Они—злодѣи. По мнѣ, пожалуй! Я и такъ простилъ ихъ и за нихъ же приказалъ молиться, да отпуститъ имъ Господь грѣхи и не лишитъ царствія небеснаго... Не могу. Богъ можетъ все, а я не могу. И Богъ меня поставилъ царемъ на то, чтобы въ земномъ царствѣ Его жила справедливость; а отъ прихоти ни казнить, ни миловать не смѣю.

— Батюшка государь, за милость Господь не откажетъ. Всѣхъ трехъ дѣтей бояре осудили. Злодѣи они, и жизни не хватитъ ни ихъ, ни моей смертный грѣхъ выплакать, и постомъ и молитвою очиститься передъ Богомъ и передъ людьми! Да взгляни, государь, на мою безпомощную старость! Много ли мнѣ на этомъ свѣтѣ маяться? Милостыни просить не умѣю, а погляди на руки: не до работы... А умирать придется, что собакѣ въ морозъ, на чистомъ полѣ; некому глазъ закрыть; некому честной землѣ предать... Батюшка государь, помилуй!

Государь обнаруживалъ нетерпѣніе, наконецъ, принявъ грозный видъ, сказалъ:—Слушай, старуха! Пеняй на себя. Когда бы изъ-молоду дѣтей въ страхѣ Божіемъ держала, да добру учила, не дожила бы до стыда и горя.

Старуха до той поры сидѣла, не могла отъ слабости подняться; но упрекъ одушевилъ ее; собравъ послѣднія силы, Лихончиха встала, подошла къ государю и, сложивъ руки на груди, сказала тихо:

— Напраслина, государь! У меня на дому дурного слова дѣти не слыхали; какъ умеръ отецъ, я ихъ пуще глазу берегла отъ всякаго зла; въ церковь водила; на домъ дьячекъ

ходилъ, грамотѣ училъ, поученья изъ книгъ читалъ, и по всей слободѣ дѣти мои указкой были. Выростила; старшему по осьмнадцатому, младшему по шестнадцатому годку пошло. Полно баловать, сказала я, пора Богу и государю служить... Одѣлась, одѣла дѣтей, да въ то же утро и повела ихъ въ приказъ. Всѣхъ трехъ въ стрѣльцы отдала. Что ты, Авдотья Петровна, дѣлаешь? говорили сосѣди: такихъ добрыхъ дѣтей, да еще и всѣхъ трехъ, въ стрѣльцы отдала!—На то я ихъ добру и учила, чтобы они на царскую службу были годны, говорила я, и Бога благодарила, что помогъ такъ дѣтей поставить и государямъ угодить. Такъ не я ужь виновата, что въ стрѣльцахъ испортились: не у меня подъ началомъ души ихъ грѣхомъ погубили. Отдай ихъ, государь, матери; вмѣстѣ каяться будемъ... Государь, помилуй!

И старуха упала и обвила руками ноги царскія.

— Ну, что дѣлать! со вздохомъ сказалъ государь:—Господи, прости моему прегрѣшенію! Всѣхъ не могу простить; выбери себѣ одного, возьми и ступай съ Богомъ. Гордонъ. отпусти съ нею того сына, котораго она выберетъ.

Государь возвратился въ церковь. Старуха лежала безъ чувствъ. Нѣмецкіе ратники понесли ее къ оградѣ; за ними задумчиво слѣдовалъ Гордонъ.

— Что, Порохъ? гремя цѣпями, сказалъ Семенъ Лихонецъ:—я маленько вздремнулъ. Звонили на достойную?

— Не мѣшай, Сова, дай „Вѣрую“ окончить... отвѣчалъ Алексѣй, младшій Лихонецъ, и молчаніе водворилось, изрѣдка возвышался шепотъ молитвы, и тотъ скоро затихъ.

— Надо быть сегодня праздникъ какой; цѣлый день служатъ. Такъ, знаешь, непокойно, когда другіе молятся!

— Молись и ты, Сова...

— Легко сказать! Недаромъ совою прозвали: цѣлую ночь не вздремнулъ; было время намолиться...

— И я тоже!

— И я тоже! сказали другіе два брата.

— Да и не такъ оно легко и заснуть, коли подъ ногами

вода, а желѣзо въ бока лѣзетъ. Охъ! хоть бы выспаться передъ смертью.

— Нѣтъ, Вьюпъ! По мнѣ, такъ покупать; спать и безъ того выспишься; жаль только, что врознь съ головой.

— Далеко не отскочитъ; не стрѣлецкой рукой снимать будутъ... отвѣчалъ Сергѣй, или такъ прозванный стрѣльцами, Вьюнъ.

— А слышали, братцы, сказалъ Алексѣй:—какъ дьякъ заикался, когда читалъ поименный розыскъ?

— Какъ же не слышать! Да меня, знаешь, зависть брала; чай этотъ дьякъ передъ тѣмъ быка проглотилъ: знай облизывался...

— А ужь правду сказать, мы-то имъ диво показали; на насъ только и смотрѣли...

— Да чего труспть! А ужь розыскъ прочли и сказали, что Лихонцамъ только головы прочь, такъ я и рукой махнулъ и не удержался, громко сказалъ;—ну коли только, такъ спасибо, и набольшому боярину въ поясъ поклонился.

Изверги! они смѣялись; они шутили надъ смертью, когда уже пришли къ ней на очную ставку и можетъ быть одно мгновенье осталось до послѣдней улыбки. И для нихъ бѣжала бѣдная старуха изъ Москвы въ Троицу, боясь опоздать, разспрашивая въ каждой деревушкѣ:—Что? у Троицы еще ничего не было? И за нихъ она молила такъ настойчиво государя!.. Нѣтъ! не за нихъ, за дѣтей родныхъ молила Авдотья Петровна, въ душѣ проклиная преступниковъ и преступленье.

— Слышь, Порохъ, ѣсть несутъ! Издали чую.

И въ самомъ дѣлѣ люди приближались къ желѣзной двери; ключъ щелкнулъ: двери не отворялись...

— Не могу, не могу! Дай, боярипъ, схожу къ государю; авось всѣхъ трехъ помилуетъ.

Гордонъ улыбнулся и, качая головою, промолвилъ:

— Нѣтъ, больше никакая милость не есть: я и на это не имѣлъ никакую надежду. Пойдемъ. Время дорого...

— Постой! постой! не отворяй. Одного обрадую, двухъ убью. Дай съ духомъ собраться...

— Точно, матушка, время пѣть!

Гордонъ сказалъ, махнулъ рукою: желѣзныя двери завизжали, и Авдотья Петровна уже висѣла на шеѣ Алексѣя: онъ первый попался ей на пути... Злодѣи, по невольному чувству, услышавъ голосъ матери, встали; смертная блѣдность покрыла ихъ страшныя лица; слезъ не было: они давно уже разучились плакать.

Нѣсколько времени продолжалась нѣмая встрѣча... Отступивъ и держа сына за плечи, старуха старалась всмотрѣться въ лицо и спросила едва слышно:—Алексѣй, ты ли! Въ отвѣтъ ни слова.

— Семенъ! Семенъ! И старуха обвила руки около старшаго, и раздались рыданія, и полились слезы.

— Сережа? И третій извергъ былъ въ объятіяхъ несчастной. Но они не чувствовали сладости свиданія, горечи раскаянія: одинъ ужасъ вселяло въ нихъ присутствіе грознаго ангела, пришедшаго казнить ихъ небеснымъ оружіемъ. Они молчали.

Гордонъ былъ тронутъ; но свиданіе было слишкомъ продолжительно, и Гордонъ, отворачиваясь, чтобы скрыть слезу, дурно украшающую воинственное лице, сказалъ: — Ну, матушка, надо кончить. Котораго?..

— Котораго? закричала она, опомнилась и неописанный ужасъ разлился по старому челу.—Котораго!.. Котораго!.. (Вопросъ какъ будто постепенно возросталъ въ душѣ несчастной старухи; съ нимъ росъ и ужасъ).—Семена, Семена! закричала она и снова бросилась обнимать его.—Первенецъ ты мой; отецъ въ походъ пошелъ, какъ ты родился; ты былъ мнѣ все, и мужа тобой помнила, и Богу при тебѣ молилась, и сна не знала у твоей колыбели...

— Ну, такъ Семена! сказалъ Гордонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; постойте! А Сережа? а Алеша... Чѣмъ виноваты, что не первенцы? А ужь какъ я любила Сережу! И какой умница былъ! И лучше бы мнѣ добрыхъ людей послушать, въ приказъ отдать, чтобы дьяки письму учили... И онъ-то меня больше всѣхъ любилъ! Бывало въ церковь; тѣ пойдутъ или нѣтъ, а Сережа всегда удосужится; на рынокъ—тоже. Къ сосѣдямъ кто проведетъ, кто за старухой придетъ? Сережа! Не было ни у кого въ околицѣ другого Сережи...

— Ну, такъ Сережу!

— Алешенька, голубчикъ ты мой! И отецъ тебя благословить не успѣлъ; за мѣсяцъ до родовъ отошелъ: и ужь плакала я съ тобой и надъ тобой!.. Не отдамъ я тебя, Алешенька, будь покоенъ, ты мое послѣднее ненаглядное дитятко: ужь вмѣстѣ намъ и умирать!

— Да рѣшай же, старуха! нетвердымъ голосомъ сказалъ Гордонъ.

— Бояринъ! не могу; не могу, бояринъ; видитъ Богъ, не могу. Пусти къ государю, пусти къ нашему солнышку. Что они ему!.. У него столько народу; пусть мнѣ дѣтей отдастъ. Пусти!

И старуха рвалась къ дверямъ.

— Нельзя! сказалъ Гордонъ, оправясь. И старуха задрожала всѣмъ тѣломъ.—Одного, и скорѣй, а то я самъ буду выбирать и съ дѣломъ конецъ!

— Одного! одного!.. и скорѣй! А то и этого, пожалуй, отымутъ! Сеня мой, Сережа, Алеша!..

И старуха металась отъ одного къ другому, обнимала, цѣловала, но рѣшиться не могла. Любовь матери, какъ благодать, проникаетъ въ души самыя черныя, и Алексѣй не выдержалъ, глядя на свою старуху; долго боролся съ сердцемъ, наконецъ громко заплакалъ—и какъ будто всѣ условились: старуха, Гордонъ, нѣмецкіе ратники, Семенъ и Сережа разомъ зарыдали.

Услышавъ плачъ генерала, чуткая мать уже стояла передъ нимъ на колѣняхъ и жалобно стонала:

— Умилосердись!

— Нѣтъ, я не могу, матушка. Если бы я былъ государемъ, ни одного бы не простилъ, милость велика, и я буду все кончить. Жребій!

Бросили жребій, три камня: Гордонъ сдѣлалъ насѣчки на каждомъ, положилъ ихъ въ свою шляпу и, подавая старухѣ, сказалъ:

— Вынимай.

Старуха вынимала камень, съ выраженіемъ странной надежды: ей казалось, что Богъ поможетъ ей вынуть всѣхъ трехъ... Вынула, вскрикнула—Алексѣй! и упала безъ чувствъ.

— Уходи, Порохъ, сказалъ Семенъ, да мать возьми; не то очнется, опять ударится въ слезы; чего добраго, умретъ.

Гордонъ приказалъ вынести старуху на чистый воздухъ и не впускать въ темницу. Съ Алексѣя между тѣмъ снимали цѣпи, распиливали кандалы на ногахъ; мрачный, онъ молчалъ, не радовался, не глядѣлъ на братьевъ.

— Что, Порохъ? сказалъ Семенъ:—веселое дѣло—воля?

— Помѣняемся, Сова. Ей! даромъ волю уступлю.

— Спасибо... Приходи на лобное проститься.

— Охъ, кабы не матушка!.. Божья страха ради... иду. Знаешь, какъ ея голосъ услышалъ, такъ морозомъ по кожѣ повело. Что мнѣ безъ васъ на волѣ?.. Да ей нужно: старость пришла; а умретъ, на себя же руки наложу...

— Братъ! а братъ! сказалъ Сергѣй:—а что матушка говорила, какъ мы дома-то еще были?

— То-то и мнѣ на умъ пришло...

— Обмолвился, братцы! Простите! Стану безъ васъ горе мыкать, пока самого не уходятъ.

— Ну, прощай, Порохъ! До свиданья!

— Какъ бы поскорѣе!

Обнялись, и Алексѣй вышелъ на монастырь.

Погода была осенняя, пасмурная, мелкій дождикъ сыпался густой сѣткой; кругомъ грязь: только по дорожкамъ, мощеннымъ камнями, кое-какъ можно было пробираться. Гордонъ велѣлъ нести старуху подальше отъ темницы. Алексѣй не говорилъ ни слова, только оглядывался, а иногда и прислушивался, не зовутъ ли братья, не хотятъ ли какого совѣта дать. Вдругъ старуха очнулась, стала на ноги... Опомнясь, она снова принялась плакать и просить Гордона о допущеніи къ царю; неумолимый отвѣчалъ попрежнему и торопилъ идти старуху дальше... Достигли воротъ. Авдотья Петровна еле ноги передвигала; Алексѣй поддерживалъ старушку.

— Пропускай! сказалъ Гордонъ потѣшному (потѣшными назывались полки, еще въ отрочествѣ устроенные Петромъ. Они потомъ были переименованы Преображенскимъ и Семеновскимъ), стоявшему у воротъ на стражѣ.

— Митька! заревѣлъ не-человѣчьимъ голосомъ Алексѣй,

и старуха чуть не повалилась, такъ быстро онъ вырвалъ руку, которою поддерживалъ мать, и сталъ шарить около себя; по движеніямъ было замѣтно, что онъ искалъ оружія; злоба и ярость пылали во всѣхъ чертахъ злодѣя; зубы стучали.—Нарядили чучелу! крпчалъ онъ! я-те сведу со свѣта!

Ни Гордонъ, ни старуха не могли понять причины его бѣшенства. Но потѣшный былъ Дмитрій Мельновъ, стрѣлецъ, который, вмѣстѣ съ Ѳеоктистовымъ, увѣдомили государя о намѣреніяхъ Шакловитаго. Царь, кромѣ другихъ паградъ, перевелъ обоихъ въ потѣшную роту.

— Что съ тобою, Алеша? заботливо спросила Авдотья Петровна, и Алексѣй кинулся къ ней и сталъ ее обшаривать, говоря:—Нѣтъ ли, матушка, у тебя?.. Нѣтъ! Такъ я и безъ ножа слажу.—И бросился на Мельнова. Ноги измѣнили злодѣю на влажной мостовой: онъ опрокинулся, голова ударилась объ острый камень,—и духъ вонъ...

Всѣ остолбенѣли; никто, даже старуха, не хотѣли подать помощи мертвому, не потому, что уже было поздно: нѣтъ, другое чувство говорило во всѣхъ свидѣтеляхъ этого страшнаго случая. Несчастная мать, какъ будто свыше пораженная неописаннымъ ужасомъ, выпрямилась и бодро, безъ слезъ, безмолвная, долго стояла надъ мертвецомъ. Медленно рука ея отдѣлялась отъ груди и остановилась, какъ будто указуя на трупъ злодѣя.

Первый началъ говорить Гордонъ.

— Погоди, старушка! Дѣло очень трудно. Я пойду и буду докладывать его величеству. Ты не виновата. Государь, вѣрно, будетъ тебѣ прощать другого сына.

— Не надо! съ величественною простотою сказала Авдотья Петровна.

— Какъ, не надо?..

— Окаянная грѣшница! продолжала она совершенно покойно, покачивая головою.—На старость вѣры не хватило! Вздумала вмѣшаться въ дѣла Господнія! Понимаешь ли, боярипъ, прибавила она, показывая на небо: — дѣти мои осуждены уже и тамъ! Разумѣешь ли? Это—судъ Божій...

— Чего же ты хочешь, матушка?

— Ничего, добрый боярин, ровно ничего. Нѣтъ, есть просьба! Позволь мнѣ взять тѣло сына... Да что я?... Вѣдь оно и такъ мое.

И бросилась подымать Алексѣя; но Гордонъ не допустилъ: приказалъ нести тѣло своимъ ратникамъ въ гостиницу, далъ старухѣ три серебряные рубля на похороны, и пошелъ къ палатамъ царскимъ. Ворота отворились: начался выносъ; дождь ударилъ ливмя, и скоро кровь преступника невѣдомо куда понесли быстрыя волны удалой Кончуры.

Государь съ государыней-родительницей, съ теткой Татьяной Михайловной, съ сестрами и бояриномъ Тихономъ Никитичемъ Стрѣшневымъ сидѣли за обѣденнымъ столомъ. Не было веселія и въ царской бесѣдѣ. Государь былъ пасмуренъ, и на всѣхъ отпечатывалась тѣнь тоски государевой.

— Не хвали меня, Тихонъ Никитичъ! сказалъ Петръ:— не подумалъ. Старуха разжалобила. Мнѣ все какъ-то неловко. Такой вины я отпустить не могъ, не долженъ. Лихонцы преступники нераскаянные. И на допросахъ, какъ разбойники, оставались нечувствительными; и съ духовникомъ были не искренни... И прощеный умножитъ только зло; ему добромъ не жить...

Государь не успѣлъ кончить: вбѣжалъ любимецъ его, Иванъ Михайловичъ Голицынъ, тогда еще нѣжный юноша, отъ котораго перешла къ потомству повѣсть, нами описанная.

— Что съ тобой, Ваня? спросилъ государь съ безпокойствомъ.

Блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ, Голицынъ ничего не могъ сказать; слова путались.

— Я видѣлъ... голова о камень... умеръ на мѣстѣ...

Государь всталъ. Вошелъ Гордонъ, и объяснилъ дѣло. Петръ упалъ на колѣни передъ образомъ Спасителя, и всѣ невольно, вставъ, крестились. Послѣ краткой молитвы, государь сказалъ:

— Наука! Но горе вамъ, нераскаянные злодѣи! Вѣдайте, яко справедливость, довѣренную мнѣ Господомъ,

сохраню строго до конца жизни. Помози, Господи!.. Позовите старуху! Умница!.. и добрая мать! Она исполнила свой долгъ; надо ее утѣшить... Но старухи нигдѣ не отъискали; не знали даже въ какую сторону она отправилась: изъ гостиницы она уѣхала на подводѣ съ трупомъ сына, но куда,—невѣдомо.

Гордонъ ходилъ по комнатѣ скорыми шагами. Надо было идти на казнь, быть спокойнымъ свидѣтелемъ картины ужасной. Вошелъ капитанъ и доложилъ, что какая-то старуха хочетъ его видѣть.

— Пустить! сказалъ отрывисто генералъ, и вошла Авдотья Петровна Лихончиха.

Непріятное свиданіе! Она знала, куда собирается нѣмецкій бояринъ.

— Что надо? спросилъ онъ, скрывая смущеніе.

— Сегодня дѣтей моихъ казнятъ.

— Да, казнятъ.

— Отдай мнѣ, боярине, тѣла ихъ.

— Изволь! хорошо!.. прощай. Мнѣ некогда... торопливо отвѣчалъ генералъ и почти бѣгомъ пустился въ путь отъ горькой благодарности горькой матери.

Прошло около мѣсяца. Въ Москвѣ царствовали Іоаннъ и Петръ, порядокъ и спокойствіе; народъ отдохнулъ отъ смутъ: всѣмъ казалось, что время бурное миновалось безъ возврата; но въ кельѣ Новодѣвичьяго монастыря новопостриженная монахиня, Сусанна, еще сохраняла мірскія надежды, еще обдумывала пути возвращенія къ земному величію. Петръ считалъ вмѣстѣ съ народомъ, что все кончилось, и спокойно предавался обученію новаго войска. Тринадцатаго октября, въ полѣ подъ Алексѣевскимъ, государь назначилъ собраться потѣшнымъ и стрѣльцамъ для выбора людей изъ старыхъ полковъ въ новые регименты. Утро встало какъ будто съ умысломъ такое ясное, румяное, свѣжее, съ легкой изморозью. На валахъ и на улицахъ отъ краснаго крыльца до

заставы, волновались пестрыя толпы народа, ожидали царскаго поѣзда. Послѣ ранней обѣдни у Спаса—За золотой рѣшеткой, государь выѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Ромодановскаго, Гордона, Лефорта, Головина, Прозоровскаго и многихъ другихъ. Миновали заставу, ѣхали лѣскомъ, какъ вдругъ на встрѣчу показалась страшная старуха: мочалой, въ видѣ обруча, обвязана была ея голова; сѣдые съ желтизной волоса бросало вѣтромъ; босыя ноги бодро несли дряхлую бабу; она опиралась не на клюку, но на цѣлую березу съ вѣтками, только безъ листьевъ; старыя плечи были безъ покрова. Она шла скоро, размахивая рукой, иногда пощелкивая пальцами, и громко говорила сама съ собою.

Государь и спутники остановились; старуха примѣтила ихъ, узнала царя и пала ницъ.

— Богъ въ помощь, матушка!.. куда и откуда?.. вставай, полно чиниться, сказалъ государь.

— Домой съ могилы, надежа-государь, отвѣчала старуха.

— Съ какой могилы?

— Да у дѣтокъ была!

— А кто твои дѣти?

— Лихонцы, батюшка государь!

— А гдѣ же они?

— Въ сырой землѣ, ненаглядный ты мой: вотъ ужь, надо быть, четвертая недѣля пошла,—стара стала, батюшка, и память плоха; да у меня на косякѣ зарублено... Каждый день, какъ приду, и зарублю.

— Зачѣмъ же ты къ нимъ ходишь?

— Что ты это, батюшка государь! Да кто же за нихъ молиться-то будетъ?.. А тебѣ вѣдомо, какіе они злодѣи: такъ ужь если я ихъ у Бога не вымолю, то навѣрное съ ними на томъ свѣтѣ не увижусь.

— Чѣмъ же ты живешь сама?

— Щепки по улицамъ собираю, да бѣднымъ ношу, кому на дрова денегъ не хватаетъ.

— А гдѣ живешь сама?

— Домъ свой, батюшка государь, мужнинъ домъ; вчера я была въ приходѣ и попу сказала: какъ помру, такъ возьми, ба-

тюшка, домъ нашъ на церковь, да молись за души грѣшниковъ Лихонцевъ.

— Послушай, старуха, мнѣ жаль тебя; я хочу тебя пристроить!

— Богъ пристроитъ, надежа-государь, а тебѣ деньги понужнѣе нашего. А за милость твою царскую благодарствую.

Старуха почтительно поклонилась до земли государю.

— Какъ хочешь, матушка, а я къ тебѣ буду, сказалъ государь и тронулся въ путь.

— Милости просимъ, солнышко мое! милости просимъ!.. На похороны! сказала старуха вослѣдъ государю и пошла своей дорогой.

Поздно ввечеру, когда совсѣмъ уже смерклось, къ дому Лихончихи подкатилась новая царская одноколка, впослѣдствіи единственный любимый экипажъ Петра Великаго. Въ домѣ всѣ двери были отперты; пронзительный холодъ и сырость обдали гостей. Сосѣди, примѣтивъ, что государь вошелъ въ домъ Лихончихи, гдѣ съ нѣкотораго времени вовсе не видали огня, поспѣшили, кто со свѣчей, кто съ фонаремъ къ старой Авдотьѣ. Но ея уже не было, ни дома, ни внѣ дома. Она переселилась въ лучшую обитель.

— Примѣрная мать! сказалъ государь. Генералъ, Богъ лишилъ ее дѣтей: заступимъ ихъ мѣсто.

— Я буду съ этимъ заниматься, ваше величество! Позвольте мнѣ принимать похороны на мой коштъ!

— Пополамъ, генералъ! отвѣчалъ государь, крѣпко сжавъ руку вѣрнаго своего слуги:—мы и проводимъ ее на могилу дѣтей, и первые бросимъ землю на гробъ доброй матери.

ИЗЪ РАЗСКАЗА

П. Р. Фурмана.

„САРДАМСКІЙ ПЛОТНИКЪ“.

Царь Петръ Алексѣевичъ каждое дѣло старался узнать самъ,—и узнать хорошо. Любознательность и трудолюбіе его были необычайны. Ему не исполнилось еще 25 лѣтъ, когда онъ уже прекрасно изучилъ четырнадцать ремеслъ.

Его очень занимала мысль о томъ, чтобы имѣть собственныя парусныя суда; въ то время у Россіи совсѣмъ не было флота, ни для войны, ни для торговли. Въ первый разъ, еще мальчикомъ, увидалъ Петръ иностранное судно, именно маленькій англійскій ботикъ въ Нѣмецкой слободѣ, находившейся близъ села Преображенскаго, гдѣ проводилъ царь свои младенческіе годы. Мало по малу онъ ознакомился съ другими судами, ѣздилъ по Бѣлому морю, гдѣ увидалъ впервые голландскіе и англійскіе корабли—и вотъ необычайная для того времени мысль пришла ему въ голову: онъ рѣшилъ *самъ* поѣхать за границу и изучить тамъ корабельное мастерство, притомъ задумалъ поѣхать не царемъ, а простымъ работникомъ. Онъ снарядилъ посольство въ Голландію, а себя велѣлъ записать въ немъ подъ именемъ «Петра Михайлова».

Въ маленькомъ приморскомъ голландскомъ городкѣ Саардамѣ, въ простомъ рабочемъ платьѣ, нашъ царь розыскалъ домикъ корабельнаго мастера Блундвика.

Минхеръ Блундвикъ, высокопочтенный корабельный мастеръ, объемистый какъ сороковая бочка, сидѣлъ въ своей рабочей комнатѣ за столомъ, на которомъ лежали рисунки, чертежи, смѣты и счеты.

По правую сторону, на особенно устроенной полкѣ, стояла въ порядкѣ полудюжина предлинныхъ, но тоненькихъ трубокъ; возлѣ нихъ зажженная свѣча въ чистомъ

серебряномъ подсвѣчникѣ, и въ глиняной кружкѣ множество узенькихъ бумажекъ для закуриванія трубокъ.

По лѣвую сторону на столѣ находилась низенькая, почти круглая, бутылка со свѣтлымъ виномъ, стаканъ, въ половину опорожненный, селедка, приправленная лукомъ, голландскій сыръ и бѣлый хлѣбъ. На невысокой скамеечкѣ возлѣ стула, на которомъ сидѣлъ хозяинъ, стояла фарфоровая чашка съ ручками, служащая у Голландцевъ плевальницей.

Не смотря на непозволительный объемъ своего живота, минхеръ Блундвикъ не даромъ заслужилъ званіе искуснѣйшаго корабельнаго мастера; онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ. Даже теперь, какъ вы видите, онъ исполнялъ три дѣла вдругъ: занимался, завтракалъ и курилъ; не говоря уже о томъ, что онъ еще безпрестанно плевалъ.

Молодой незнакомецъ вошелъ въ комнату и осмотрѣлся.

Толстый хозяинъ исчезалъ въ густомъ, непроницаемомъ облакѣ дыма; но наконецъ молодой человѣкъ увидѣлъ его, подошелъ поближе и, не снимая шапки, кивнулъ головою. Блундвикъ съ изумленіемъ вытаращилъ свои маленькіе глаза, потомъ, вынувъ на секунду трубку изо рта, произнесъ съ голландскимъ хладнокровіемъ:

— Шапку долой!

Незнакомецъ повиновался, и черныя кудри его разсыпались по плечамъ.

— Что тебѣ?—спросилъ Блундвикъ отрывисто.

— Работы,—также отрывисто отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Откуда?

— Изъ Амстердама.

— Паспортъ.

Незнакомецъ вынулъ бумагу и подалъ мастеру.

— Петръ Михайловъ,—прочиталъ Блундвикъ не безъ труда,—отъ роду 26 лѣтъ. Ага, Москвитянинъ?

— Русскій.

— Каждая селедка рыба, но не каждая рыба селедка,—отвѣчалъ Блундвикъ. Такъ ты просишь работы?

— Да.

— Изволь, почтеннѣйшій, и—взглянувъ на одну изъ бу-

магъ, лежавшихъ передъ нимъ, мастеръ продолжалъ: завтра можешь начать на верфи подъ нумеромъ третьимъ. Жалованье назначу, когда увижу твою работу.

— Я за большимъ жалованьемъ не гонюсь; я хочу учиться,—съ живостью возразилъ молодой человѣкъ.

— Не глупо, очень не глупо.

— А потому прошу тебя, мейстеръ, приставить меня къ такой верфи, гдѣ ты начнешь строить новый корабль.

У Блундвика чуть не выпала трубка изъ рукъ отъ изумленія.

— Что-о-о?—произнесъ онъ протяжно: *тебя? Ты!..* откуда такая смѣлость, пріятель?

— У насъ такой обычай.

— Мало ли что у *васъ!..* У насъ же, почтеннѣйшій, говорятъ хозяину: *вы!..* слышишь... Ну, да ладно, я на такія бездѣлицы не сержусь. Ступай съ Богомъ! завтра мы примемся за киль шестидесятипушечнаго корабля... На немъ ты наработаешься вволю!

— Спасибо, хозяинъ!—вскричалъ обрадованный Михайловъ.—Позволь мнѣ спросить тебя еще объ одномъ.

— Спрашивай.

— Дорого ли обойдется новый корабль?

Блундвикъ захохоталъ.

— Много знать будешь, скоро состарѣешься,—отвѣчалъ онъ, твое дѣло не цѣна, а работа.

— Но я бы желалъ знать...

— Изволь, изволь! Возьми столько, приложи еще немножко, да помножь на восемь, такъ все еще не будетъ доставать гульдена.

И весьма довольный этой шуткой, минхеръ Блундвикъ опять засмѣялся и движеніемъ руки показалъ молодому человѣку, что онъ можетъ идти.

На башенныхъ часахъ въ Саардамѣ пробило три четверти пятаго.

На верфяхъ колокола сзывали на работу и со всѣхъ сто-

ронъ стекались мастеровые и подмастерья. Иные отправлялись на разныя верфи, другіе сходились на открытую, довольно обширную площадку, посреди которой лежало огромное бревно.

Въ числѣ работниковъ былъ и Михайловъ, на котораго новые товарищи его смотрѣли съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

Но вотъ пробило пять часовъ и вдали показался тучный Блундвикъ.

На широкомъ плечѣ его покоился красивый топоръ, древко котораго было украшено серебромъ; круглый животъ былъ обтянутъ новымъ кожанымъ передникомъ; онъ былъ одѣтъ по праздничному, потому что заложеніе корабля всегда происходитъ съ нѣкоторымъ торжествомъ и церемоніями.

При появленіи его всѣ плотники сняли шапки и произнесли въ одинъ голосъ:

— Доброе утро, мейстеръ!

Блундвикъ съ важностью кивнулъ головою во всѣ стороны и, подойдя къ бревну, занялъ почетное мѣсто.

Тогда одинъ изъ подмастерьевъ, высокій, худощавый и рыжій Голландецъ, вышелъ изъ толпы и всталъ на бревно. Это былъ *краснобай*, на которомъ лежала обязанность говорить рѣчь при заложеніи кораблей.

Рыжій Голландецъ откашлянулся и, размахивая топоромъ, сталъ говорить:

„Братья и товарищи! хочу я вамъ сказать,
Что каждому изъ насъ надлежитъ вѣдать да знать.
Выстроить домъ нужно много затѣй,
Но выстроить корабль того еще трудпѣй.
Въ домѣ человѣкъ родится и умираетъ,
А на кораблѣ словно птица весь свѣтъ облетаетъ.
Домъ стоитъ на землѣ,
Корабль плыветъ по водѣ.
Въ домѣ щель—не бѣда!
Въ кораблѣ же—пробьется вода.
Въ водѣ же одпѣ рыбы живутъ,
А люди мрутъ.
Когда, надъ грозными волнами,
Надъ разъяренными водами,

Гонимый страшными вѣтрами,
Летитъ подъ всѣми парусами
Корабль, нами сотворенный,
Вѣрный, крѣпкій, неизмѣнный,
Бережетъ множество людей,
Отцовъ, братьевъ и дѣтей,—
Опасность очень велика,
Но храбраго моряка
Бережетъ Богъ да наше судно!
Это справедливо, хоть и чудно,
И такъ, на этомъ мѣстѣ,
Помолимся мы вмѣстѣ,
Чтобы Господь нашъ трудъ благословилъ
И будущихъ обитателей его хранилъ".

Съ этими словами подмастерье снялъ шапку; всѣ послѣдовали его примѣру, и, опустивъ голову, онъ сталъ говорить громкимъ голосомъ молитву Господню...

— Аминь!—повторили всѣ въ одинъ голосъ.

Краснобай продолжалъ:

„Теперь, братцы, еще одно слово.
Оно необходимо, хоть и не ново.
Да процвѣтаетъ наше милое отечество!

— Вивать!—закричали плотники.

Да здравствуетъ магистратъ и все купечество!

— Вивать!

Пѣсня еще не вся пропѣта;
Нашему мейстеру многія лѣта!

— Вивать! вивать!

А теперь каждый товарищъ и братъ
Да закричитъ другому вивать!

— Вивать! вивать! вивать!

Послѣднее *вивать* было громче и продолжительнѣе прежнихъ, потому что каждый кричалъ для себя.

Вы знаете, что конецъ
Всему дѣлу вѣнецъ.
А коли я не умѣлъ договорить,
Такъ прошу меня извинить.

— Вивать Видеману! вивать!—закричали плотники; славную рѣчь сказалъ, вивать!

Краснобай Видеманъ сошелъ съ бревна и, когда крики унялись, сказалъ:

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, посвятимъ это бревно тремя ударами на заложеніе новаго киля шестидесятипушечному кораблю. Минхеръ Блундвикъ, вамъ, какъ хозяину, принадлежитъ первый ударъ.

Мастеръ приблизился, снялъ шапку и, съ усиліемъ поднявъ свой красивый топоръ, сдѣлалъ первую зарубку на бревнѣ; но зарубка эта была едва замѣтна.

— Теперь моя очередь, какъ главнаго смотрителя за работами,—сказалъ краснобай и, снявъ шапку, сдѣлалъ вторую зарубку.—Гаарденъ, продолжалъ онъ, теперь тебѣ, старшему плотнику.

Гаарденъ хотѣлъ уже выступить, но кто-то схватилъ его сзади за руку. То былъ новичекъ, русскій плотникъ.

— Товарищъ,—произнесъ онъ умоляющимъ голосомъ,—уступи мнѣ!...

— Тебѣ?—угрюмо возразилъ старый плотникъ: молодъ больно! Заслужи сперва!

— Я уступлю тебѣ первый мѣсяцъ своего жалованья,—продолжалъ молодой человѣкъ умоляющимъ голосомъ.

— Пошелъ!—сердито отвѣчалъ Гаарденъ и двинулся къ бревну.

Михайловъ невольно послѣдовалъ за нимъ.

Толстый Блундвикъ слышалъ просьбу молодого человѣка и, будучи въ веселомъ расположеніи духа, хотѣлъ услужить ему.

— Пусти его!—сказалъ онъ старому плотнику, разъ можно сдѣлать исключеніе и пустить младшаго вмѣсто старшаго.

— Ни за что не пущу!—вскричалъ Гаарденъ.

— Гаарденъ!—строго произнесъ мастеръ: я приказываю тебѣ! я хозяинъ этой верфи!

Гаарденъ отступилъ, бросивъ грозный взглядъ на молодого человѣка.

На лицѣ Михайлова выразилась радость: онъ бросилъ шапку на земь, засучилъ рукава и твердыми шагами подошелъ къ бревну.

— Да узритъ моя отчизна этотъ новый корабль на своихъ моряхъ!—произнесъ онъ вполголоса по-русски;—и да будетъ ему прозваніе *Царь Петръ*!... Господи, благослови!...

Михайловъ перекрестился, замахнулся и нанесъ такой ударъ, что чуть не перерубилъ бревна пополамъ... щепки такъ и брызнули во всѣ стороны. Михайловъ взялъ одну изъ нихъ спряталъ ее въ карманъ.

Потомъ онъ поднялъ голову и выпрямился. Всѣ съ особеннымъ удовольствіемъ глядѣли на статнаго, прекраснаго молодого человѣка, въ черныхъ, огненныхъ глазахъ котораго блистали умъ и благородная гордость.

Самъ Блундвикъ чуть не снялъ шапки, взглянувъ на величественную наружность своего младшаго работника.

— Братцы!—сказалъ послѣдній,—сегодня вечеромъ я угощаю васъ всѣхъ. Принимаете приглашеніе?

— Принимаемъ! принимаемъ!—отвѣчали всѣ плотники исключая Гаардена, который не могъ простить Михайлову, что онъ лишилъ его принадлежащей ему чести.

— Странный парень! Настоящій Москвичъ! — сказалъ Блундвикъ, у котораго отъ смѣха трясся животъ. Правду говорятъ, что Русскіе тароваты; это, вѣроятно, какой нибудь маменькинъ сынокъ, которому изъ дому посылаютъ денежки.

— Видѣли ли,—спросилъ Видеманъ,—какъ онъ топоромъ владѣетъ? Я думалъ, что онъ испортитъ бревно.

— Да, да, сплачъ!

— А замѣтили ли вы какъ онъ спряталъ одну щепку въ карманъ? Видно хочетъ послать маменькѣ свою первую работу.

Блундвикъ продолжалъ смѣяться, но вспомнивъ, что не завтракалъ еще, сдѣлался весьма серьезнымъ, пожелалъ счастливаго начинанія плотникамъ и ушелъ домой.

Михайловъ съ прочими работниками приступилъ къ работѣ.

Петръ поселился въ Саардамѣ въ маленькой комнаткѣ, совершенно одинъ, самъ убиралъ ее и велъ незатѣйливую скромную жизнь про-

стого рабочаго. Великимъ умомъ понималъ онъ, что управлять другими, а особенно за ново устраивать государство, можетъ только тотъ, кто самъ умѣетъ повиноваться, и что вполнѣ понять какое нибудь дѣло можно только изучая его съ самаго начала, постепенно.

Время проходило.

Петръ Михайловъ продолжалъ прилежно работать и все болѣе заслуживалъ привязанность и уваженіе своихъ товарищей.

Корабль, при заложеніи котораго онъ находился, быстро приближался къ окончанію. Палуба была готова и съ высоты ея плотники глядѣли на обширное море, на которомъ должно было очутиться новое судно.

Однажды мейстеръ Блундвикъ пришелъ на верфь осмотрѣть работы. Въ сопровожденіи подмастерьевъ и старшихъ плотниковъ обошелъ онъ всѣ нижнія части корабля, разсматривалъ всѣ подробности съ видомъ человѣка, знающаго свое дѣло, и остался совершенно доволенъ.

Но этимъ осмотръ его не кончился; оставалось труднѣйшее, особенно для толстаго Блундвика, а именно осмотръ верхнихъ частей корабля. Не смотря на опасность, угрожавшую мейстеру, онъ рѣшился взобраться на верхъ по узенькой лѣстницѣ; но такъ какъ тучность препятствовала ему всходить обыкновеннымъ образомъ, то онъ долженъ былъ обернуться спиною къ ступенямъ.

Хотя одинъ изъ здоровѣйшихъ плотниковъ поддерживалъ Блундвика, ужь на пятой или шестой ступени тонкая перекладина переломилась подъ тяжестью широкой ноги корабельнаго мастера, который долженъ былъ удержаться на одной ногѣ, точно журавль.

— Помогите, помогите!—кричалъ Блундвикъ бычачьимъ голосомъ: снимите меня, а не то я сверну шею!.. Ай, ай, ай! Другая ступенька тоже трещитъ!.. Братцы! неужели вамъ не жаль вашего мастера?..

Двадцать сильныхъ рукъ счастливо сняли толстяка съ тоненькой жердочки и опустили его на твердую землю.

Блундвикъ вздохнулъ свободнѣе и отеръ крупный потъ, выступившій на лбу его во время опасности.

— Мейстеръ,—сказалъ одинъ изъ старшинъ,—вы должно быть еще болѣе растолстѣли съ тѣхъ поръ, какъ мы кончили послѣдній корабль. Тогда вы взбирались еще по этой лѣстницѣ.

— Или ваша лѣстница похудѣла, — сердито возразилъ Блундвикъ.—Вы, чего добраго, сами подпилили ее, чтобы я не могъ видѣть того, что вы тамъ на верху надѣлали.

— Мейстеръ!—вскричалъ сверху звучный, громкій голосъ: ты насъ обидѣлъ, и мы требуемъ удовлетворенія! Ты подозрѣваешь насъ въ безчестной продѣлкѣ, а потому я, отъ имени всѣхъ моихъ товарищей, требую, чтобы ты поднялся на верхъ.

— Ахъ ты, московскій выскочка! ты больно громко заговорилъ!—отвѣчалъ Блундвикъ.

— Я говорю дѣло!—возразилъ Михайловъ: какъ хочешь, мейстеръ, а ты долженъ придти сюда!

— Благодари Бога, что ты на верху, вскричалъ Блундвикъ, а не то я заставилъ бы тебя раскаяться въ твоей дерзости!..

— Братцы, — сказалъ опять Михайловъ, — мы должны оправдаться во что бы то ни стало, а потому принесите живѣе широкое, прочное кресло, мы усадимъ въ него хозяина и на веревкѣ втащимъ его на верхъ!

— Ура!—весело закричали плотники: спасибо Михайлову! Онъ вѣчно выпутается изъ затруднительнаго положенія!

Даже самъ минхеръ Блундвикъ одобрилъ предложеніе, которое немедленно было приведено въ исполненіе.

Осмотрѣвъ все на верху, корабельный мастеръ остался совершенно доволенъ и изъявилъ всѣмъ работникамъ свое удовольствіе.

— Хозяинъ,—сказалъ емуМихайловъ,—сегодня 11-еІюня...

— Знаю.

— А у насъ въ Россіи, 30-е Мая.

— Такъ что же?

— Это день моего рожденія,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Ага! поздравляю, поздравляю!—сказалъ Блундвигъ, и хотѣлъ уже идти далѣе, но Михайловъ остановилъ его.

— Я хочу просить тебя, мейстеръ...—сказалъ онъ.

— А, понимаю! Ты хочешь, вѣроятно, погулять сегодня; ну, изволь, изволь.

— Этого мало, мейстеръ. Я хочу просить тебя, чтобы ты освободилъ сегодня всѣхъ насъ отъ работы.

Блундвикъ съ крайнимъ изумленіемъ посмотрѣлъ на смѣлаго просителя.

— Мейстеръ,—продолжалъ послѣдній,—всѣ скажутъ, что ты мнѣ обязанъ тѣмъ, что мы такъ скоро кончили корпусъ корабля. Я обѣщалъ всѣмъ работникамъ, что если они кончатъ сегодня, ко дню моего рожденія, то я угощу ихъ на палубѣ. Это обѣщаніе произвело, какъ ты видишь, чудеса!

— Вижу, вижу, но....—возразилъ мейстеръ, почесывая за ухомъ.

— Помилуй, хозяинъ, при благополучномъ окончаніи дѣла, работникамъ позволено повеселиться...

— Конечно, конечно, но день-то сегодня рабочій....

— На одинъ разъ можно сдѣлать исключеніе, въ честь дня моего рожденія... Слушай, хозяинъ, ты не откажешь мнѣ, когда я сообщу тебѣ радостную вѣсть...

— Радостную вѣсть?—спросилъ Блундвикъ, устремивъ свои маленькіе, сѣрые глаза на Михайлова.

— Да, весьма радостную для тебя.

— Ну, ну, говори.

— Я нашелъ покупщика,—сказалъ Михайловъ, значительно улыбнувшись.

— Покупщика? какого покупщика?

— Такого, который купитъ твой корабль, если ты запросишь не слишкомъ дорого.

— А кто этотъ покупщикъ?—спросилъ хозяинъ, недовѣрчиво смотря на молодого человѣка.

— Мой добрый пріятель.

— Пошелъ ты!—вскричалъ Блундвикъ, отвернувшись;—я вижу, что ты съ утра ужь подгулялъ на радости! Что же будетъ еще послѣ обѣда, если я дамъ тебѣ позволеніе?... Теперь ты торгуешь корабль, который стоитъ около полумилліона гульденовъ, а послѣ обѣда, пожалуй, захочешь купить цѣлый флотъ!

— Тебѣ же лучше будетъ,—отвѣчалъ Михайловъ, улыбаясь;—ибо, увѣряю тебя, мой покупщикъ вѣрный плательщикъ. И такъ, ты просишь около полумилліона гульденовъ за этотъ корабль, когда онъ будетъ совершенно готовъ и оснащенъ?

— Да, да, около полумилліона,—насмѣшливо отвѣчалъ Блундвикъ.

— Хорошо, я подумаю, соображу, и если требованія твои благоразумны, то мы сдѣлаемся.

— Экой шутникъ!—воскликнулъ хозяинъ, громко захохотавъ.—Ужь ты, любезнѣйшій, не переодѣтый ли принцъ какой?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ молодой плотникъ,—я твой послушный работникъ, просящій у тебя позволенія угостить сегодня здѣсь, на палубѣ, моихъ товарищей.

— Ну, ладно, ладно!—отвѣчалъ Блундвикъ, продолжая смѣяться;—да только, смотрите, не слишкомъ кутите, такъ, чтобы завтра вы опять могли приняться за работу.

— Ура!—закричали всѣ плотники.—Вивать нашему мейстеру! Вивать Михайлову!

Въ то самое время, какъ Блундвикъ, спокойно усѣвшись въ кресло, опускался внизъ, онъ встрѣтился на полпути съ бочкой пива, подымавшейся вверхъ и нимало не уступавшей въ объемѣ почтенному корабельному мастеру.

На другой день всѣ плотники и толпа народа собрались на верфи.

Пасторъ благословилъ судно, произнесъ рѣчь, и всѣ присутствующіе запѣли псалмы. Потомъ Видеманъ произнесъ опять рѣчь въ родѣ той, которую онъ говорилъ при заложеніи корабля.

По окончаніи рѣчи толпа смѣльчаковъ и цѣлый оркестръ музыкантовъ взобрались на палубу новаго корабля, готовившагося къ спуску, и, при звукахъ трубъ и литавръ, плотники стали убирать послѣднія подпорки и мазать киль и лежавшія подъ нимъ брёвна саломъ, чтобы облегчить спускъ и чтобы дерево отъ сильнаго тренія не воспламенилось.

Наконецъ, все было готово, и взоры всѣхъ присутствую-

щихъ съ выраженіемъ нетерпѣливаго ожиданія обратились на мейстера Блундвика, который, нарядившись въ самое лучшее свое праздничное платье, стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Наконецъ, Блундвикъ поднялъ маленькой флагъ, бывшій у него въ правой рукѣ.

Въ то же мгновеніе великанъ застоналъ, приведенный въ движеніе соединенными усиліями нѣсколькихъ сотъ работниковъ, которые съ помощію машинъ и канатовъ старались пустить корабль въ ходъ.

Мало-по-малу онъ пошелъ шибче и шибче; съ глухимъ шумомъ и съ безпрестанно увеличивавшеюся быстротою скользилъ онъ по трещавшимъ и дымившимся бревнамъ, и, наконецъ, съ быстротою стрѣлы и оглушительнымъ шумомъ врѣзался въ воду...

На палубѣ раздалось громкое *ура*, на которое отвѣтствовали стоявшіе на берегу. Музыка гремѣла громче прежняго и смѣльчаки радостно размахивали шляпами.

Высоко брызнула вода и на минуту скрыла отъ всѣхъ взоровъ корабль, носъ котораго погрузился въ воду, такъ что вода нахлынула на палубу; но тотчасъ же онъ гордо поднялся, выпрямился и величественно, спокойно отплылъ отъ берега по сильно взволнованной водѣ...

Но вотъ съ палубы спустили тяжелые якоря; они погрузились въ воду, канаты натянулись и корабль остановился какъ прикованный, тихо покачиваемый волнами...

Опять воздухъ огласился радостными кликами и вскорѣ на берегу поднялась суматоха и бѣготня. Множество лодокъ причалили къ спущенному кораблю; любопытные взбирались на корабль, обнимались, цѣловались; на всѣхъ лицахъ была написана искренняя радость.

Даже самъ толстый Блундвикъ взобрался, хоть и не безъ труда, на корабль.

Между тѣмъ Петръ Михайловъ осматривалъ всѣ подробности счастливо оконченнаго корабля, отъ трюма до красивоубранной капитанской каюты. Онъ, разумѣется, былъ во время спуска на палубѣ и платье его промокло насквозь; но

онъ былъ такъ радъ, такъ счастливъ, что не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія.

Онъ еще долго бы остался на кораблѣ, еслибъ послѣдніе изъ оставшихся на немъ товарищей его не напомнили ему, что пора вернуться на берегъ.

Тамъ Блундвикъ угощалъ всѣхъ плотниковъ.

Между тѣмъ пребываніе «Москвитянина» въ Саардамѣ возбуждало любопытство. Его осанка, обращеніе, его щедрость показывали, что это не простой рабочій. За нимъ стали подглядывать. Увидали, что къ нему ходятъ какіе-то таинственные люди. Это приходили къ царю его приближенные для рѣшенія государственныхъ дѣлъ,—и вотъ, наконецъ, что случилось:

Нѣсколько дней спустя, Михайловъ ѣздилъ въ Амстердамъ, пробылъ тамъ два дня и вернулся домой около полудня.

Подходя къ своему дому, онъ съ удивленіемъ увидалъ тощаго, худощаваго человѣка, въ огромномъ парикѣ и въ черномъ платьѣ, стоявшаго передъ дверью; въ то же время замѣтилъ онъ на двери шнурокъ, прикрѣпленный двумя огромными печатями.

Не обращая особеннаго вниманія на это обстоятельство, Михайловъ вынулъ изъ кармана ключь и пошелъ прямо къ двери, но человѣкъ въ черномъ платьѣ преградилъ ему дорогу.

— Стой! закричалъ онъ съ важностью; кто ты?

Михайловъ осмотрѣлъ молодаго человѣка съ ногъ до головы, улыбнулся и отвѣчалъ:

— Что ты горячишься, словно пѣтухъ!

— Дерзкій! вскричалъ человѣкъ, надувшись: знаешь ли ты, съ кѣмъ говоришь?

— Не знаю, да и знать не хочу.

— Такъ я же тебѣ скажу...

— Незачѣмъ! Я вижу, что ты со своимъ парикомъ похожъ на чернильницу, заткнутую пробкой, отвѣчалъ Михайловъ, засмѣявшись.

Эта шутка взбѣсила важнаго человѣка.

— Какъ ты смѣешь грубить писарю высокопочтеннаго господина синдика!

— А мнѣ какое дѣло до тебя? возразилъ Михайловъ: я хочу идти къ себѣ, а ты преграждаешь мнѣ дорогу.

— А! такъ ты русскій плотникъ... Дѣло, дѣло!

— Пусти же меня!

— Назадъ! Развѣ ты не видишь, что на дверяхъ твоихъ наложена печать нашей высокой и могущественной республики, до которой ни одинъ смертный не дерзаетъ прикасаться! Назадъ! Или рука правосудія отяготѣетъ надъ тобою...

Послѣднія слова писарь произнесъ напыщеннымъ голосомъ.

— А! ты мнѣ надоѣлъ! нетерпѣливо возразилъ Михайловъ, отодвинулъ въ сторону писаря и сорвалъ запечатанный шнурокъ.

— О ужасъ! о преступленіе! о святотатство! завопилъ писарь и, опасаясь гнѣва человѣка, дерзнувшаго наложить руку на печать высокопочтенной республики, подобралъ полы своего чернаго камзола и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ.

Михайловъ же подошелъ къ себѣ и, забывъ о приключившемся, преспокойно сѣлъ къ столу и принялся писать.

Полчаса спустя, дверь растворилась и на порогѣ явился самъ высокопочтенный синдикъ, съ раскраснѣвшимся отъ гнѣва лицомъ.

Синдикъ былъ также одѣтъ въ черномъ; на головѣ у него былъ напудренный парикъ, подъ мышкой маленькая треугольная шляпа, а въ рукѣ огромная трость съ костянымъ набалдашникомъ.

— Гдѣ онъ, гдѣ дерзкій? вскричалъ онъ, съ важностью войдя въ комнату.

Въ толпѣ, слѣдовавшей за нимъ, показалось и полное, круглое лицо корабельнаго мастера Блундвика.

— Кого тебѣ надо? спросилъ Михайловъ, не вставая.

Одинъ голосъ его заставилъ синдика отступить; но оправившись, онъ спросилъ:

— Какъ ты осмѣлился сорвать печать высокой и могущественной Голландской республики?

— А какъ ты осмѣлился запачкать мою дверь сургучомъ и запрещать мнѣ войдти въ мою квартиру? Какъ ты осмѣлился войдти сюда безъ позволенія?...

Съ этими словами Михайловъ всталъ.

Синдикъ однимъ прыжкомъ выскочилъ на улицу.

— Этотъ Москвитянинъ, сказалъ онъ окружавшимъ,—настоящій дикарь. Слышали ли вы, какъ онъ мнѣ, высокопочтенному синдику, сказалъ: ты? Какая дерзость!

— Минхеръ,—отвѣчалъ Блундвикъ,—онъ и мнѣ никогда иначе не говоритъ, какъ: ты; я даже думаю, что онъ и господамъ властительнымъ сенаторамъ скажетъ: ты, если...

— Да!—прибавилъ подмастерье Видеманъ; — съ нимъ шутить нечего; коли онъ кого ударитъ, такъ тотъ не скоро опомнится...

Въ это время Михайловъ показался у двери, оставшейся отворенною, и захлопнулъ ее. Одно появленіе его такъ перепугало синдика, что онъ закричалъ:

— Защитите меня! защитите вашего синдика!

— Странное дѣло,—замѣтилъ одинъ изъ плотниковъ,— Михайловъ обыкновенно добръ и кротокъ какъ ягненокъ, но не любитъ, чтобы съ нимъ обходились грубо. О, тогда бѣда!

— Гмъ, гмъ!—произнесъ синдикъ;—порядка и благочинія ради надобно будетъ немножко смириться передъ этимъ дикаремъ... Господа,—продолжалъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ,—не отставайте отъ меня, не отставайте!

Осторожно, боязливо подошелъ синдикъ къ двери и, тихо постучавшись, произнесъ вѣжливымъ голосомъ:

— Минхеръ!... Почтеннѣйшій минхеръ Михайловъ, я пришелъ къ вашей милости по дѣлу...

— Что тебѣ надо?—послышался внутри голосъ русскаго плотника.

— Извольте видѣть, минхеръ, вы хоть и Русскій, но вѣроятно вашей милости не безъизвѣстно, что всякій человѣкъ подлежитъ закону, а законъ въ рукахъ начальства. Не знаю, есть ли въ вашей сторонѣ законы, но поелику вы изволите проживать у насъ, то подлежите нашимъ законамъ, въ силу которыхъ и прошу васъ выслушать меня.

— Давно бы такъ,—сказалъ Михайловъ, выйдя на улицу;—повиновеніе законамъ есть первый долгъ всякаго гражданина, а потому я готовъ выслушать тебя.

— Ага, струсилъ,—проворчалъ синдикъ; потомъ продолжалъ:—въ моей особѣ вы изволите видѣть значительную часть голландскаго начальства, а потому я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ должномъ уваженіи.

— Говори, что тебѣ надобно; я готовъ отвѣчать,—возразилъ Михайловъ съ кротостію.

— Во-первыхъ, я запечаталъ твою дверь для того, чтобы произвести обыскъ въ твоихъ бумагахъ; во-вторыхъ, я долженъ допросить тебя по пунктамъ, вслѣдствіе поданныхъ на тебя жалобъ...— сказалъ синдикъ, ободрявшійся по мѣрѣ того, какъ Русскій смягчался.

— Обыскивать бумагъ не позволю! на допросъ отвѣчать готовъ,—отвѣчалъ Михайловъ съ твердостью.

Этотъ рѣшительный отвѣтъ озадачилъ синдика, и онъ бросилъ значительный взглядъ на окружавшихъ его; но никто не понялъ этого взгляда.

Синдикъ прокашлялся и, развернувъ свертокъ, бывшій у него въ рукѣ, сталъ читать:

— Петръ Михайловъ, тебя по первому пункту обвиняютъ въ томъ, что къ тебѣ въ позднюю пору ходятъ часто подозрительные люди, закутанные въ плащи. Что ты на это скажешь?

— Зачѣмъ ты называешь моихъ гостей подозрительными?—спокойно спросилъ Михайловъ.—Не потому ли, что ихъ никто здѣсь не знаетъ? На это я тебѣ отвѣчу, что такъ какъ я самъ иностранецъ, то и принимаю у себя своихъ соотечественниковъ. Вечеромъ же я принимаю ихъ потому, что, находясь цѣлый день на работѣ, другого свободнаго времени не имѣю. Что же касается до плащей, то я не знаю закона, который бы запрещалъ кутаться въ нихъ.

— О! онъ тертый калачъ,—шепнулъ синдикъ своему писарю, и потомъ продолжалъ:

— Петръ Михайловъ, по второму пункту тебя обвиняютъ въ томъ, что ты часто угощаешь своихъ товарищей,

отдаешь свое жалованье другимъ и помогаешь нуждающимся. Откуда достаешь ты деньги на всѣ эти расходы?

— Это обвиненіе чрезвычайно ново!—возразилъ Михайловъ, засмѣявшись;—я въ жизнь свою не слыхивалъ, чтобы человѣка обвиняли за то, что онъ помогаетъ ближнимъ. Неужели тебѣ было-бъ пріятнѣе, еслибъ я приберегъ свои русскія денежки? Полно, минхеръ синдикъ, я увѣренъ, что ты самъ видишь и сознаешь безразсудство этого обвиненія.

Пристыженный синдикъ закашлялся.

— Третій пунктъ состоитъ въ томъ, что, заключивъ условіе съ почтеннымъ корабельнымъ мастеромъ Блундвикомъ, ты не объявилъ имя покупателя, а оставилъ пробѣлъ въ контрактѣ. Сознайся, что это очень подозрительно.

Михайловъ засмѣялся.

— Мейстеръ Блундвикъ,—сказалъ онъ, обратившись къ корабельному мастеру,—будь доволенъ тѣмъ, что ты получишь наличныя денежки за свой корабль. Имя покупателя ты скоро узнаешь, но все-таки стыдно мужчинѣ быть любопытнымъ, точно женщина...

— Я не виноватъ, сказалъ Блундвикъ; минхеръ синдикъ потребовалъ отъ меня, чтобы я открылъ ему, для кого ты купилъ корабль...

— Хорошо, хорошо! — перебилъ синдикъ,— послѣ объяснитесь; я-жь долженъ продолжать допросъ...

Толпа раступилась, чтобы пропустить синдика, который, пройдя нѣсколько шаговъ, остановился какъ вкопаный.

На концѣ улицы показался рядъ великолѣпныхъ экипажей, какихъ, можетъ быть, не бывало въ Саардамѣ съ самаго начала существованія его.

Экипажи остановились и изъ нихъ вышли люди въ великолѣпныхъ мундирахъ.

— Господа Генеральные Штаты! — вскричали всѣ присутствующіе въ одинъ голосъ.

Въ одно мгновеніе всѣ сняли шапки и колпаки.

Четверо вельможъ въ богатыхъ мундирахъ съ золотымъ шитьемъ и со звѣздами на груди, сопровождаемые голланд-

скими сенаторами въ черныхъ бархатныхъ костюмахъ, направили шаги къ дому Михайлова, который, облокотившись на косякъ двери, съ улыбкой смотрѣлъ на эту процессію и на изумленіе, выражавшееся на лицахъ всѣхъ присутствующихъ.

— Впереди идутъ англійскій, французскій и русскій посланники,—шепнулъ синдикъ на ухо своему писарю;—а четвертаго я не знаю.

— Это русскій князь, недавно прибывшій въ Амстердамъ,—отвѣчалъ писарь шопотомъ же.

Синдикъ счелъ обязанностью поспѣшить на встрѣчу знатнымъ посѣтителямъ и, остановившись посреди улицы, сталъ отвѣшивать низкіе поклоны.

Писарь послѣдовалъ за своимъ начальникомъ и, остановившись на два шага за нимъ, подражалъ ему, отвѣшивая поклонъ за поклономъ.

Когда процессія приближалась, синдикъ хотѣлъ угостить посѣтителей маленькою рѣчью, которую онъ однажды сочинилъ на всѣ случаи.

— Высокопочтенные, высокоуважаемые, высокоблагородные господа! Гдѣ найти словъ, чтобы выразить нашъ восторгъ, наше благополучіе, наше счастіе, нашу радость въ сей торжественный, радостный...

Синдикъ хотѣлъ перевести духъ, но въ это самое время замѣтилъ, что посланники и сенаторы, не обращая вниманія, шли прямо къ дому Михайлова.

Синдикъ вытаращилъ глаза и обидѣлся.

— Что это значитъ? — спросилъ онъ обратившись къ писарю.

Писарь пожалъ плечами.

— Высокопочтенные господа посланники и Генеральные Штаты, вѣроятно, не замѣтили меня...

И синдикъ хотѣлъ уже бѣжать впередъ и снова начать рѣчь свою, но не успѣлъ.

Посланники и сенаторы остановились передъ Михайловымъ и почтительно сняли шляпы...

Русскій посланникъ низко поклонился простому плотнику.

Всѣ присутствующіе разинули рты.

— Ваше Величество, всемилостивѣйшій Царь нашъ!— произнесъ посланникъ.

Всѣ присутствующіе невольно схватились за головы, забывъ, что они уже сняли шапки.

— Господа англійскій и французскій посланники и высокіе Генеральные Штаты Голландіи просятъ позволенія представится Вашему Царскому Величеству...

— Царское Величество!—шопотомъ произнесли всѣ присутствующіе, и у всѣхъ подкосились ноги, какъ-будто бы они готовы пасть на колѣни передъ Великимъ!

Гаарденъ, жена его и дѣти были такъ поражены, что безсмысленно глядѣли на происходившее.

Блундвикъ пыхтѣлъ, а синдикъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Писарь, подражавшій во всемъ своему начальнику, счелъ долгомъ также трястись какъ осиновый листъ.

Между тѣмъ посланники и сенаторы привѣтствовали Царя и въ высокопарныхъ рѣчахъ изъявили свое изумленіе насчетъ того, что онъ, великій и могущественный Государь Россіи, добровольно взялъ въ руки топоръ и нѣсколько времени велъ жизнь простого плотника.

— Господа!—возразилъ Петръ,—считаю долгомъ объяснить вамъ причину моего поведенія. Повѣрьте, господа, я дѣйствовалъ не изъ прихоти и не для пріобрѣтенія суетной славы... У меня были другія, гораздо болѣе благородныя и возвышенныя побудительныя причины. Во все время здѣсь моего пребыванія я ни разу не забывалъ священной обязанности, лежащей на мнѣ, правителѣ обширнаго царства... Въ этой скромной хижинѣ я такъ же неусыпно заботился о благѣ Россіи, какъ и въ своемъ великолѣпномъ Московскомъ дворцѣ. Мой народъ отъ природы добръ, трудолюбивъ, смѣтливъ, неустрашимъ; но, выѣхавъ изъ своего отечества въ иностранныя земли, я примѣтилъ великое различіе въ торговлѣ и промышленности; я увидѣлъ, что многаго еще недостаетъ въ моей отчизнѣ. Тогда я началъ помышлять о томъ

какъ бы искоренить загрубѣлые предразсудки моихъ праздныхъ дворянъ, препятствующіе распространенію просвѣщенія, главнаго источника благоденствія! Собственнымъ примѣромъ хотѣлъ я доказать, что трудъ не только не унижаетъ, но приноситъ честь и славу, облагораживаетъ человѣка... Вотъ почему я сдѣлался простымъ плотникомъ и вотъ почему съ гордостью и передъ цѣлымъ міромъ готовъ сказать, что башмаки, которые у меня на ногахъ, я заработалъ собственнымъ трудомъ!.. Кромѣ того, сношенія съ трудящимся народомъ научили меня познавать его нужды и печали, и мнѣ теперь легко будетъ заняться улучшеніемъ участи низшаго класса моего народа... Я избралъ преимущественно ремесло корабельнаго плотника потому, что, несмотря на изобиліе и богатство произведеній моего отечества, оно не такъ богато, какъ бы могло быть, ибо торговля его, по недостатку кораблей и мореплаванія, слишкомъ незначительна. Для быстрѣйшаго достиженія своей цѣли, я уговорилъ многихъ здѣшнихъ ремесленниковъ переселиться въ Россію, гдѣ они будутъ приняты съ удовольствіемъ и гдѣ имъ будетъ оказана всякая помощь. Ручаюсь въ томъ своимъ царскимъ словомъ. Что, любезный синдикъ, вѣришь ли ты теперь, что я завлекалъ твоихъ соотечественниковъ не одними пустыми обѣщаніями?

Синдикъ упалъ на колѣни.

— Ваше Величество!—вскричалъ онъ жалобнымъ голосомъ:—всемилостивѣйшій, всеавгустѣйшій, самодержавнѣйшій Царь! Простите униженнѣйшему, покорнѣйшему рабу вашему!

— Простите всеуниженнѣйшему, всепокорнѣйшему, преподлѣйшему рабу вашему! — проговорилъ и писарь, который тоже упалъ на колѣни.

— Встаньте, встаньте! — сказалъ Царь милостиво, — вы исполняли вашъ долгъ и я не имѣю права гнѣваться на васъ.

— О великій, великій Царь!—произнесли хоромъ посланники и сенаторы.

— Нѣтъ, господа,—произнесъ Петръ съ величественнымъ смиреніемъ,—не хвалите меня за то, что я, владѣтель обширнѣйшаго государства въ мірѣ, занимался ремесломъ простого плотника, жилъ въ этой бѣдной хижинѣ и самъ готовилъ

себѣ пищу... Поступокъ мой есть слабое подражаніе цѣлой жизни Того, Кто пострадалъ ради спасенія всего человѣческаго рода и во всю земную жизнь Свою не имѣлъ вѣрнаго мѣста, гдѣ преклонить утомленную главу!..

Великій Царь и всѣ присутствующіе въ благоговѣйномъ молчаніи опустили головы.

— Ну, мейстеръ Блундикъ!—ласково продолжалъ Русскій Царь, теперь я готовъ удовлетворить твое любопытство. Въ пробѣлѣ ты можешь теперь вставить имя покупателя, и новый корабль будетъ называться его же именемъ: „Царь Петръ Алексѣевичъ“. Надѣюсь, что онъ будетъ первымъ образцовымъ кораблемъ моего новаго флота. Друзья мои!—продолжалъ Петръ, обращаясь къ своимъ бывшимъ товарищамъ—я никогда не забуду счастливыхъ дней, которые провелъ между вами и въ этой хижинкѣ!

— Ура! ура! — закричали всѣ въ одинъ голосъ; — да здравствуетъ великій Русскій царь Петръ Алексѣевичъ!

АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Изъ повѣсти А. С. Пушкина.

Въ числѣ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для пріобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ государству преобразованному, находился его крестникъ, арапъ Ибрагимъ. Онъ обучался въ парижскомъ военномъ училищѣ, выпущенъ былъ капитаномъ артиллеріи, отличился въ испанской войнѣ—и, тяжело раненый, возвратился въ Парижъ. Императоръ, посреди обширныхъ своихъ трудовъ, не переставалъ освѣдомляться о своемъ любимцѣ и всегда получалъ лестные отзывы на счетъ его успѣховъ и поведенія. Петръ былъ чрезвычайно имъ доволенъ и неоднократно звалъ его въ Россію; но Ибрагимъ не торопился. Онъ отговаривался подъ различными предлогами: то рапою, то желаніемъ усовершенствовать свои познанія, то недостаткомъ въ деньгахъ—и Петръ снисходительствовалъ его просьбамъ, просилъ заботиться о здоровьи, благодарилъ за ревность къ ученію — и, крайне бережливый въ собственныхъ своихъ расходахъ, не жалѣлъ для него своей казны, присовокупляя къ червонцамъ отеческіе совѣты и предостерегательныя наставленія...

Однажды Ибрагимъ былъ у выхода герцога Орлеанскаго. Герцогъ, проходя мимо его, остановился и, вручивъ ему письмо, приказалъ прочесть на досугѣ. Это было письмо Петра I. Государь... писалъ герцогу, что онъ ни въ чемъ неволить Ибрагима не намѣренъ, что предоставляетъ его доб-

рой волѣ возвратиться въ Россію, или нѣтъ; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глубины сердца. Съ той минуты участь его была рѣшена. На другой день онъ объявилъ регенту свое намѣреніе немедленно отправиться въ Россію.

— Подумайте о томъ, что дѣлаете,—сказалъ ему герцогъ: Россія не есть ваше отечество; не думаю, чтобы вамъ когда нибудь удалось опять увидѣть знойную вашу родину; но ваше долговременное пребываніе во Франціи сдѣлало васъ равно чуждымъ климату и образу жизни полудикой Россіи. Вы не родились подданнымъ Петра. Повѣрьте мнѣ: воспользуйтесь его великодушнымъ позволеніемъ, останьтесь во Франціи, за которую уже вы проливали свою кровь, и будьте увѣрены, что и здѣсь ваши заслуги и дарованія не останутся безъ достойнаго вознагражденія.

Ибрагимъ искренно благодарилъ герцога, но остался твердъ въ своемъ намѣреніи.

— Жалѣю,—сказалъ ему регентъ: но, впрочемъ, вы правы.

Онъ обѣщалъ ему отставку и написалъ обо всемъ Русскому царю...

Путешествіе не показалось ему столь ужасно, какъ онъ того ожидалъ. Воображеніе его восторжествовало надъ существенностью. Чѣмъ болѣе удалялся онъ отъ Парижа, тѣмъ живѣе, тѣмъ ближе представлялъ онъ себѣ предметы, имъ покидаемые навѣкъ.

Нечувствительнымъ образомъ очутился онъ на русской границѣ. Осень уже наступала; но ямщики, не смотря на дурную дорогу, везли его съ быстротою вѣтра—и въ 17 дней своего путешествія прибылъ онъ утромъ въ Красное Село, черезъ которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось 28 верстъ до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человѣкъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту, облокотясь на столъ, читалъ гамбургскія газеты. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову.

— Ба, Ибрагимъ! — закричалъ онъ, вставая съ лавки: здорово, крестникъ!

Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову.

— Я былъ предувѣдомленъ о твоемъ пріѣздѣ,— сказалъ Петръ: и поѣхалъ тебѣ навстрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня.

Ибрагимъ не находилъ словъ для изъявленія своей благодарности.

— Вели же,—продолжалъ государь: твою повозку везти за нами, а самъ садись со мною—и поѣдемъ ко мнѣ.

Подали государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ—и они поскакали. Черезъ полтора часа они пріѣхали въ Петербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію своего Государя. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты, повсюду являли недавнюю побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома, казалось, наскоро построены. Во всемъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца, т. е. у Царицына Сада.

На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ:

— Узнала ли ты, Катенька, моего крестника? Прошу любить и жаловать его по прежнему.

Екатерина устремила на него черные, проницательные глаза и благосклонно протянула ему руку. Двѣ юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія, какъ розы, стояли за нею и почтительно приблизились къ Петру.

— Лиза,—сказалъ онъ одной изъ нихъ: помнишь ли ты маленькаго арапа, который для тебя кралъ у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вотъ онъ; представляю тебѣ его.

Великая княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ

столовую. Въ ожиданіи Государя, столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда Государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, разспрашивалъ его объ испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и разсказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостью, что никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяинѣ не могъ бы подозрѣвать героя полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послѣ обѣда Государь, по русскому обыкновенію, пошелъ отдохнуть. Ибрагимъ остался съ императрицей и великими княжнами. Онъ старался удовлетворить ихъ любопытству, описывалъ образъ парижской жизни, тамошніе праздники и своенравныя моды. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ особъ, приближенныхъ къ Государю, собрались во дворецъ. Ибрагимъ узналъ великолѣпнаго князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крутого совѣтника Петра; ученаго Брюса, прослывшаго въ народѣ русскимъ Фаустомъ; молодого Рагузинскаго, бывшаго своего товарища — и другихъ пришедшихъ къ Государю съ докладами и за приказаніями.

Государь вышелъ часа черезъ два.

— Посмотримъ,—сказалъ онъ Ибрагиму: не забылъ ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску, да ступай за мною.

Петръ заперся въ токарнѣ и занялся государственными дѣлами. Онъ поочереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генералъ-полиціймейстеромъ Девіеромъ и продиктовалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній.

Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣятельности. По окончаніи трудовъ, Петръ вынулъ карманную книжку, чтобы справиться, все ли имъ предполагаемое на

сей день исполнено. Потомъ, выходя изъ токарни, сказалъ Ибрагиму:

— Ужь поздно; ты, я чай, усталъ: ночуй здѣсь, какъ бывало встарину; завтра я тебя разбужу.

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, едва могъ опомниться. Онъ находился въ Петербургѣ; онъ видѣлъ вновь великаго человѣка, близъ котораго, еще не зная ему цѣны, провелъ онъ свое младенчество... Онъ увидѣлъ, что новый образъ жизни, ожидающій его, дѣятельность и постоянныя занятія могутъ оживить его душу, утомленную страстями, праздностью и тайнымъ унынiемъ. Мысль—быть сподвижникомъ великаго человѣка и совокупно съ нимъ дѣйствовать на судьбу великаго народа—возбудила въ немъ въ первый разъ благородное чувство честолюбія. Въ этомъ расположенiи духа онъ легъ въ приготовленную для него походную постель—и тогда привычное сновидѣнiе перенесло его въ дальнiй Парижъ...

На другой день Петръ, по своему обѣщанiю, разбудилъ Ибрагима и поздравилъ его капитанъ-лейтенантомъ бомбардирской роты преображенскаго полка, въ которой онъ самъ былъ капитаномъ. Придворные окружили Ибрагима, всякiй по своему стараясь обласкать новаго любимца. Надменный князь Меншиковъ дружески пожалъ ему руку; Шереметевъ освѣдомился о своихъ парижскихъ знакомыхъ, а Головинъ позвалъ обѣдать. Сему послѣднему примѣру послѣдовали и прочiе, такъ что Ибрагимъ получилъ приглашенiй по крайней мѣрѣ на цѣлый мѣсяцъ.

Ибрагимъ проводилъ дни однообразные, но дѣятельные—слѣдственно не зналъ скуки. Онъ день ото дня болѣе привязывался къ Государю, лучше постигалъ его высокую душу. Слѣдовать за мыслями великаго человѣка есть наука самая занимательная. Ибрагимъ видалъ Петра въ сенатѣ, оспариваемаго Бутурлинымъ и Долгорукимъ, разбирающаго важные вопросы законодательства; въ адмиралтейской коллегiи, утверждающаго морское величiе Россiи; въ часы отдохновенiя видалъ его съ Θеофаномъ, Гавриiломъ Бужинскимъ и Коniевичемъ, разсматривающаго переводы иностранныхъ публи-

цистовъ, или посѣщающаго фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинетъ ученаго. Россія представлялась Ибрагиму огромной мастерскою, гдѣ движутся однѣ машины, гдѣ каждый работникъ, подчиненный заведенному порядку, занятъ своимъ дѣломъ. Онъ почиталъ и себя обязаннымъ трудиться у собственнаго станка, и старался какъ можно менѣе сожалѣть объ увеселеніяхъ парижской жизни...

Однажды утромъ сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный дѣловыми бумагами, какъ вдругъ услышалъ громкое привѣтствіе на французскомъ языкѣ. Ибрагимъ съ живостью оборотился—и молодой К., котораго оставилъ онъ въ Парижѣ, въ вихрѣ большого свѣта, обнялъ его съ радостными восклицаніями.

— Я сейчасъ только пріѣхалъ, сказалъ К. и прямо прибѣжалъ къ тебѣ. Всѣ наши парижскіе знакомые тебѣ кланяются, жалѣютъ о твоемъ отсутствіи...

— Какъ я радъ, продолжалъ К., что ты еще не умеръ со скуки въ этомъ варварскомъ Петербургѣ! Что здѣсь дѣлаютъ? чѣмъ занимаются? кто твой портной? заведена ли у васъ хоть опера?

Ибрагимъ въ разсѣяніи отвѣчалъ, что вѣроятно Государь работаетъ теперь на корабельной верфи. К. засмѣялся.

— Вижу,—сказалъ онъ,—что тебѣ теперь не до меня; въ другое время наговоримся досыта; ѣду представляться Государю.

Съ этимъ словомъ онъ перевернулся на одной ножкѣ и выбѣжалъ изъ комнаты...

... Дверь отворилась и самъ К. явился опять. Онъ уже представлялся Государю—и, по своему обыкновенію, казался очень собою доволенъ.

— Entre nous *),—сказалъ онъ Ибрагиму: Государь престранный человѣкъ; вообрази, что я засталъ его въ какой-то холстяной фуфайкѣ, на мачтѣ новаго корабля, куда принужденъ

*) Между нами.

я былъ карабкаться съ моими депешами. Я стоялъ на веревочной лѣстницѣ и не имѣлъ довольно мѣста, чтобы сдѣлать приличный реверансъ, и совершенно замѣшался, чего отъ роду со мною не случалось. Однакожъ Государь, прочитавъ бумаги, посмотрѣлъ на меня съ головы до ногъ и вѣроятно былъ пріятно пораженъ вкусомъ и щегольствомъ моего наряда; по крайней мѣрѣ, онъ улыбнулся и позвалъ меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я въ Петербургѣ—совершенно чужестранецъ: во время пятилѣтняго отсутствія я вовсе позабылъ здѣшнія обыкновенія; пожалуйста, будь сегодня моимъ ментором, заѣзжай за мной и представь меня.

Ибрагимъ согласился и спѣшилъ обратить разговоръ къ предмету болѣе для него занимательному...

Онъ одѣлся и поѣхалъ за К.

К. сидѣлъ въ шлафрокѣ, читая французскую книгу.

— Такъ рано?—сказалъ онъ Ибрагиму, увидя его.

— Помилуй!—отвѣчалъ тотъ: ужь половина шестого, мы опоздаемъ; скорѣй одѣвайся и поѣдемъ.

К. засуетился, сталъ звонить изо всей мочи; люди сбѣжались; онъ сталъ поспѣшно одѣваться. Французъ-камердинеръ подалъ ему башмаки съ красными каблуками, голубые бархатные штаты, розовый кафтанъ, шитый блестками; въ передней наскоро пудрили парикъ; его принесли; К. всунулъ въ него стриженную голову, потребовалъ шпагу и перчатки, разъ десять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ готовъ. Гайдуки подали имъ медвѣжьи шубы—и они поѣхали въ зимній дворецъ.

К. осыпалъ Ибрагима вопросами: кто въ Петербургѣ первая красавица? кто славится первымъ танцовщикомъ? какой танецъ нынче въ модѣ? Ибрагимъ весьма неохотно удовлетворялъ его любопытству. Между тѣмъ они подъѣхали ко дворцу. Множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливреяхъ и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажи, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ—

свита, необходимая по понятіямъ бояръ того времени. При видѣ Ибрагима поднялся между ними общій шопотъ: арапъ, арапъ, царскій арапъ! Онъ скорѣе провелъ К. сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворилъ имъ двери настежъ; и они вошли въ залу. К. остолбенѣлъ... Въ большой комнатѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ, толпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывныхъ звукахъ духовой музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ; молодыя убраны были со всею роскошью моды. Золото и серебро сіяло на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались направо и налѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимой стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кириловны, а ротонды и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ, присутствовали на этихъ нововведенныхъ игрищахъ и съ досадою косились на женъ и дочерей голландскихъ шкиперовъ, которыя, въ канифасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собою смѣялись и разговаривали, какъ будто дома.

Замѣтя новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносѣ. К. не могъ опомниться.

— Que diable est ce que tout cela? *)— спрашивалъ К. въ полголоса у Ибрагима.

Ибрагимъ не могъ не улыбнуться. Императрица и великія княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. К., желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся

*) Что за чортъ всё это?

толпу. Тамъ сидѣли большею частію иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма, и Государь такъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника, что не замѣтилъ К., какъ онъ около нихъ ни вертѣлся. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались, и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и К.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцовальной залы, при звукахъ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ налѣво, тамъ опять прямо, опять направо, и такъ далѣе. К., смотря на это затѣйливое препровожденіе времени, таращилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекратились, и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ.

К. обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостьми одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ; она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. К. къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ и, казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. К. ждалъ ея рѣшенія; но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, отвелъ на средину залы и важно сказалъ:

— Государь мой, ты провинился; во-первыхъ, подошелъ къ этой молодой персонѣ, не отдавъ ей три должные рове-

ранса, а во-вторыхъ, взявъ на себя самому ее выбрать, тогда какъ въ менуэтахъ право сіе подобаетъ дамѣ, а не кавалеру; сего ради имѣешь ты быть весьма наказанъ, именно: долженъ выпить кубокъ большого орла.

К. часъ отъ часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услыша хохотъ и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ толпа раздвинулась, и онъ вступилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ маршалъ ассамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіей. Онъ тщетно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону.

— Ага!—сказалъ Петръ, увидя К.: попался, братъ! Изволь же, мосье, пить и не морщиться.

Дѣлать было нечего: бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его маршалу.

— Послушай К.,—сказалъ ему Петръ: штаны-то на тебѣ бархатные, какихъ и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это—мотовство; смотри, чтобъ я съ тобой не побранился.

Выслушавъ сей выговоръ, К. хотѣлъ выйти изъ круга, но зашатался и чуть не упалъ, къ неописанному удовольствію Государя и всей веселой компаніи. Этотъ эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присѣдать и постукивать каблуками съ большимъ усердіемъ и ужь вовсе не наблюдая каданса. К. не могъ участвовать въ общемъ весельѣ. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію отца своего, Гаврилы Аѳанасьевича Ржевскаго, подошла къ Ибрагиму и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ протанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ ея на прежнее мѣсто; потомъ, отыскавъ К., вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и отвезъ домой. Дорогою К. сначала невнятно лепеталъ: „проклятая ассамблея!.. проклятый кубокъ большого орла!..“, но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили, а проснулся на другой день съ головною болью,

смутно помня шарканья, присѣданья, табачный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большого орла.

Теперь долженъ я благосклоннаго читателя познакомить съ Гаврилою Аѳанасьевичемъ Ржевскимъ. Онъ происходилъ отъ древняго боярскаго рода, владѣлъ огромнымъ имѣніемъ, былъ хлѣбосолъ, любилъ соколиную охоту, дворня его была многочисленна; словомъ, онъ былъ коренной русскій баринъ; по его выраженію, не терпѣлъ нѣмецкаго духа и старался въ домашнемъ быту сохранить обычай любезной ему старины. Дочери его было семнадцать лѣтъ отъ роду. Еще ребенкомъ лишилась она матери. Она была воспитана по старинному, т. е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сѣнными дѣвушками; шила золотомъ и не знала грамоты. Отецъ ея, не смотря на отвращеніе свое отъ всего заморскаго, не могъ противиться ея желанію учиться пляскамъ нѣмецкимъ у плѣннаго шведскаго офицера, живущаго въ ихъ домѣ. Этотъ заслуженный танцмейстеръ имѣлъ лѣтъ пятьдесятъ отъ роду; правая нога была у него прострѣлена подъ Нарвою, и потому была не весьма способна къ менуэтамъ и курантамъ, за то лѣвая съ удивительнымъ искусствомъ и легкостью выдѣлывала самыя трудныя па. Ученица дѣлала честь его стараніямъ. Наталья Гавриловна славилась на ассамблеяхъ лучшею танцовщицей, что и было отчасти причиною проступка К., который на другой день пріѣзжалъ извиниться передъ Гаврилою Аѳанасьевичемъ; но ловкость и щегольство молодого франта не понравились гордому барину, который прозвалъ его остроумно—французской обезьяною.

День былъ праздничный. Гаврила Аѳанасьевичъ ожидалъ нѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ старинной залѣ накрывали длинный столъ. Гости съѣзжались съ женами и дочерьми, наконецъ освобожденными отъ затворничества домашняго указами Государя и собственнымъ его примѣромъ. Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный подносъ, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпилъ свою, жалѣя, что поцѣлуй, получаемый встарину при такомъ случаѣ, вышелъ ужь изъ обыкновенія. Пошли за столъ. На первомъ мѣ-

стѣ, подлѣ хозяина, сѣлъ тесть его, князь Борисъ Алексѣевичъ Лыковъ, семидесятилѣтній бояринъ; прочіе гости, наблюдая старшинство рода и тѣмъ помпная счастливыя времена мѣстничества, сѣли—мужчины по одной сторонѣ, женщины по другой; на концѣ заняли свои привычныя мѣста—барская барыня, въ старинномъ шушунѣ и кичкѣ; карлица—тридцатилѣтняя малютка, чопорная и сморщенная, и плѣшивый танцмейстеръ въ синемъ, поношенномъ мундирѣ. Столъ, уставленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суетливой и многочисленной челядью, между которою отличался дворецкій строгимъ взоромъ, толстымъ брюхомъ и величавой неподвижностью. Первыя минуты обѣда посвящены были единственно на вниманіе къ произведеніямъ старинной нашей кухни; звонъ тарелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяинъ, видя, что время занять гостей пріятною бесѣдою, оборотился и спросилъ:

— А гдѣ же Екимовна? Позвать ее сюда!

Нѣсколько слугъ бросились-было въ разныя стороны, но въ ту же минуту старая женщина, набѣленая и нарумяненая, убранная цвѣтами и мишурою, въ штофномъ роброндѣ, съ открытой шеей и грудью, вошла, припѣвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

— Здравствуй, Екимовна,—сказалъ князь Лыковъ, — каково поживаешь?

— По-добру, по-здорову, кумъ: поючи да пляшучи, женишковъ поджидаючи.

— Гдѣ ты была, дура?—спросилъ хозяинъ.

— Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божія праздника, по царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по нѣмецкому манеру.

При этихъ словахъ поднялся громкій хохотъ, и дура стала на свое мѣсто, за стуломъ хозяина.

— А дура-то вретъ, вретъ, да и правду совретъ, — сказала Татьяна Аѳанасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно имъ уважаемая.

— Подлинно, нынѣшніе паряды — на смѣхъ всему міру. Коли ужь и вы, батюшка, обрили себѣ бороду и надѣли

кургузый кафтанъ, такъ про женское тряпье толковать, конечно, нечего; а право жаль сарафана, дѣвичьей ленты и повойника! Вѣдь посмотрѣть на нынѣшнихъ красавицъ — и смѣхъ, и жалость: волоски-то взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны французской мукою; животикъ перетянутъ такъ, что еле не перервется; исподницы напялены на обручи: въ колымагу садятся бочкомъ, въ двери входятъ—нагибаются; ни стать, ни сѣсть, ни духъ перевесть — сущія мученицы, мои голубушки!

— Охъ, матушка Татьяна Аѳанасьевна! сказалъ Кирила Петровичъ Т., бывшій въ Рязани воеводой, гдѣ нажилъ себѣ 3,000 душъ и молодую жену-то и другое съ грѣхомъ пополамъ: по мнѣ, жена какъ хочешь одѣвайся, хоть кутафьей, хоть болдыханомъ, только-бъ не каждый мѣсяцъ заказывала себѣ новыя платья, а прежнія бросала повешенькія. Бывало, внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ, а нынѣшнія робронды—поглядишь: сегодня на барынѣ, а завтра на холопкѣ. Что дѣлать? Разореніе русскому дворянству! бѣда, да и только!

При этихъ словахъ онъ со вздохомъ посмотрѣлъ на свою Марью Ильиничну, которой, казалось, вовсе не правились ни похвалы старинѣ, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали, ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностью молодой женщины.

— А кто виноватъ?—сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ, напѣвая кружку кислыхъ щей: не мы ли сами? Молоденькія бабы дурачатся, а мы имъ потакаемъ.

— А что намъ дѣлать, коли не наша воля?—возразилъ Кирила Петровичъ: иной бы радъ былъ запереть жену въ теремѣ, а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на ассамблею; мужъ за плетку, а жена за наряды. Охъ, ужь эти ассамблеи! наказалъ насъ ими Господь за прегрѣшенія наши.

Марья Ильинишна сидѣла, какъ на иголкахъ; языкъ у ней такъ и свербѣлъ; наконецъ она не вытерпѣла, и обратясь къ мужу, спросила его съ кисленькой улыбкой, что̀ находитъ онъ дурного въ ассамблеяхъ?

— А то въ нихъ дурно,—отвѣчалъ разгорячепный супругъ,—что съ тѣхъ поръ, какъ онѣ завелись, мужья не сладятъ съ женами; жены позабыли слово апостольское: жена да боится своего мужа; хлопочутъ не о хозяйствѣ, а объ обновахъ; не думаютъ, какъ бы мужу угодить, а какъ бы приглянуться офицерамъ-вертопрахамъ. Да и прилично-ли, сударыня, русской боярынѣ или боярышнѣ находиться вмѣстѣ съ Нѣмцами-табачниками, да съ ихъ работницами? Слыхано ли дѣло, до ночи плясать и разговаривать съ молодыми мужчинами! и добро бы еще съ родственниками, а то съ чужими, съ незнакомыми!

— Сказалъ-бы словечко, да волкъ недалечко,—сказалъ, нахмурясь, Гаврила Аоанасьевичъ: а признаюсь, ассамблеи и мнѣ не по праву — того и гляди, что на пьянаго натолкнешься, аль и самого на смѣхъ пьянымъ напоятъ. Того и гляди, чтобъ какой-нибудь повѣса не напроказилъ чего съ дочерью, а нынче молодежь такъ избаловалась, что ни на что не похоже. Вотъ, напримѣръ, сынъ покойнаго Евграфа Сергѣевича К. на прошедшей ассамблеѣ надѣлалъ такого шуму съ Наташей, что привелъ меня въ краску. На другой день, гляжу, катитъ ко мнѣ прямо на дворъ; я думалъ: кого-то Богъ несетъ—ужь не князя ли Александра Даниловича? Не тутъ-то было: Ивана Евграфовича! Небось, не могъ остановиться у воротъ да потрудиться пѣшкомъ дойти до крыльца — куда? влетѣлъ, расшаркался, разболтался, что и Боже упаси! Дура Екимовна уморительно его передразниваетъ; кстати: представь, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во всѣ стороны, приговаривая: „мусье... мамзель... ассамблея... пардонъ“. Общій и продолжительный хохотъ снова изъявилъ удовольствіе гостей.

— Ни дать, ни взять К.,— сказалъ старый князь Лыковъ, отирая слезы отъ смѣха, когда спокойствіе мало-по-малу возстановилось;—а что грѣха таить? Не онъ первый, не онъ послѣдній воротился изъ Нѣмечины на святую Русь скоморохомъ. Чему тамъ научаются наши дѣти? Шаркать, болтать

Богъ вѣсть на какомъ нарѣчіи, не почитать старшихъ да волочиться за чужими женами. Изо всѣхъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ (прости Господи!), царскій арапъ всѣхъ болѣе на человѣка походитъ.

— Ахти-батюшки, князь,—сказала Татьяна Аѳанасьевна:—видѣла, видѣла его близехонько... какая-жь у него страшная морда! перепугалъ онъ меня, грѣшную!

— Конечно,—замѣтилъ Гаврила Аѳанасьевичъ:—человѣкъ онъ степенный и порядочный, не чета вѣтрогону... Это кто еще въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужь не опять ли обезьяна заморская? Вы что зѣваете, скоты? продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ: бѣгите отказать ему; да чтобъ и впредь...

— Старая борода, не бредишь-ли?—прервала дура Екимовна:—али ты слѣпъ?—сами-то государевы; Царь пріѣхалъ.

Гаврила Аѳанасьевичъ всталъ поспѣшно изъ-за стола; всѣ бросились къ окнамъ и въ самомъ дѣлѣ увидѣли Государя, который всходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего денщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился на встрѣчу Петра; слуги разбѣгались, какъ одурѣлые; гости перетрусились; иные даже думали, какъ бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра; все утихло, и Царь вошелъ въ сопровожденіи хозяина, оторопѣлаго отъ радости.

— Здорово, господа!—сказалъ Петръ съ веселымъ лицомъ.

Всѣ низко поклонились. Быстрые взоры Царя отыскали въ толпѣ молодую хозяйскую дочь; онъ подозвалъ ее. Наталья Гавриловна приблизилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плеча.

— Ты часъ отъ часу хорошѣешь,—сказалъ ей Государь, и по своему обыкновенію поцѣловалъ ее въ голову; потомъ, обратясь къ гостямъ:—что же? я вамъ помѣшалъ? вы обѣдали? прошу садиться опять, а мнѣ, Гаврила Аѳанасьевичъ, дай-ка анисовой водки.

Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него подносъ, самъ налилъ золотую чарочку и подалъ ее съ поклономъ Государю. Петръ, выпивъ, закусилъ кренделемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ.

Всѣ заняли свои прежнія мѣста кромѣ карлицы и барской барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоеннымъ царскимъ присутствіемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ щей. Государевъ деньщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо Петръ никогда не употреблялъ другого прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минуту предъ тѣмъ шумно оживленный весельемъ и говорливостью, продолжался въ тишинѣ и принужденности.

Хозяинъ, изъ почтенія и радости, ничего не ѣлъ; гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ Государь по-нѣмецки разговаривалъ съ плѣннымъ Шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошаемая Государемъ, отвѣчала съ какою-то робкой холодностью, что (замѣчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ обѣдъ кончился. Государь всталъ, за нимъ и всѣ гости.

— Гаврила Аѳанасьевичъ,—сказалъ онъ хозяину:—мнѣ нужно съ тобою поговорить наединѣ, — и взявъ его подъ руку, увелъ въ гостиную и заперъ за собою дверь.

Гости остались въ столовой, шопотомъ толкуя объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи и опасаясь быть нескромными, вскорѣ разъѣхались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъ-соль.

Чрезъ полчаса дверь отворилась, и Петръ вышелъ. Важнымъ наклоненіемъ головы отвѣтствовалъ онъ на тройной поклонъ князя Лыкова, Татьяны Аѳанасьевны и Наташи, и пошелъ прямо въ переднюю. Хозяинъ подалъ ему красный его тулупъ, проводилъ его до саней и на крыльцѣ еще благодарилъ за оказанную честь.

Петръ уѣхалъ.

Возвратясь въ столовую, Гаврила Аѳанасьевичъ казался очень озабоченъ: сердито приказалъ онъ слугамъ скорѣе собирать со стола, отослалъ Наташу въ ея свѣтлицу, и объявилъ сестрѣ и тестю, что ему съ ними надобно поговорить, повелъ ихъ въ опочивальню, гдѣ обыкновенно отдыхалъ онъ

послѣ обѣда. Старый князь легъ на дубовую кровать; Татьяна Аѳанасьевна сѣла на старинныя штофныя кресла, придвинувъ подъ ноги скамеечку; Гаврила Аѳанасьевичъ заперъ всѣ двери, сѣлъ на кровать въ ногахъ князя Лыкова и началъ въ полголоса слѣдующій разговоръ.

— Не даромъ Государь ко мнѣ пожаловалъ: угадайте, о чемъ онъ со мною изволилъ бесѣдовать?

— Какъ намъ знать, батюшка-братецъ!—сказала Татьяна Аѳанасьевна.

— Не приказалъ-ли тебѣ Царь вѣдать какое-либо воеводство?—сказалъ тесть: давно пора; али предложилъ быть въ отвѣтѣ? что-же? вѣдь не однихъ дьяковъ—и знатныхъ людей посылаютъ къ чужимъ государямъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ зять, нахмурясь:—я—человѣкъ стараго покроя, а нынѣ служба наша не нужна, хоть, можетъ быть, православный русскій дворянинъ стоитъ нынѣшнихъ новичковъ, блинниковъ да басурмановъ. Но это статья особая.

— Такъ о чемъ-же, братецъ,—сказала Татьяна Аѳанасьевна:—изволилъ онъ такъ долго съ тобою толковать? Ужь не бѣда-ли какая съ тобою приключилась? Господь упаси и помилуй!

— Бѣда не бѣда, а признаюсь, я было призадумался.

— Что-же такое, братецъ? О чемъ дѣло?

— Дѣло о Наташѣ: Царь пріѣзжалъ ее сватать.

— Слава Богу!—сказала Татьяна Аѳанасьевна, перекрестясь:—дѣвушка на-выданьи, а каковъ сватъ, таковъ и женихъ. Дай Богъ любовь да совѣтъ, а чести много. За кого Царь ее сватаетъ?

— Гмъ!—крякнулъ Гаврила Аѳанасьевичъ:—за кого? то-то, за кого!

— А за кого-же?—повторилъ князь Лыковъ, начинавшій уже дремать.

— Отгадайте,—сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ.

— Батюшка-братецъ,—отвѣчала старушка: —какъ намъ угадать! Мало-ли жениховъ при дворѣ: всякій радъ взять за себя твою Наташу. Долгорукій, что-ли?

— Нѣтъ, не Долгорукій.

— Да и Богъ съ нимъ: больно спѣсивъ. Шеинъ? Троекуровъ?

— Нѣтъ, ни тотъ, ни другой.

— Да и мнѣ они не по сердцу: вѣтрогоны, слишкомъ понабрались нѣмецкаго духу. Ну, такъ Милославскій?

— Нѣтъ, не онъ.

— Богъ съ нимъ: богатъ и глупъ. Что-же? Елецкій? Львовъ? Неужто Рагузинскій? Воля твоя: ума не приложу. Да за кого—же Царь сватаетъ Наташу?

— За арапа Ибрагима.

Старушка ахнула и всплеснула руками. Князь Лыковъ приподнялъ голову съ подушекъ и съ изумленіемъ повторилъ:

— За арапа Ибрагима?

— Батюшка-братецъ!—сказала старушка слезливымъ голосомъ:—не погуби ты своего родимаго дитяти, не дай ты Наташеньки въ когти черному дьяволу.

— Но какъ-же,—возразилъ Гаврила Аѳанасьевичъ:—отказать Государю, который за то обѣщалъ намъ свою милость, мнѣ и всему нашему роду?

— Какъ!—воскликнулъ старый князь, у котораго сонъ совсѣмъ прошелъ:—Наташу, внучку мою, выдать за купленнаго арапа?

— Онъ роду не простаго,—сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ:—онъ—сынъ арапскаго султана. Басурмане взяли его въ плѣнъ и продали въ Цареградѣ, а нашъ посланникъ выручилъ и подарилъ его Царю. Старшій братъ арапа пріѣзжалъ въ Россію съ знатнымъ выкупомъ и...

— Слыхали мы сказку про Бову Королевича да Еруслана Лазаревича!

— Батюшка, Гаврила Аѳанасьевичъ!—прервала старушка:—разскажи-тко намъ лучше, какъ отвѣчалъ Государю на его сватанье.

— Я сказалъ, что власть его съ нами, а наше холопье дѣло повиноваться ему во всемъ.

Въ эту минуту раздался за дверью шумъ. Гаврила Аѳанасьевичъ пошелъ отворить ее, но почувствовалъ сопротивле-

ніе. Онъ сильно ее толкнулъ—дверь отворилась, и увидѣли Наташу въ обморокѣ, простертую на окровавленномъ полу.

Сердце въ ней замерло, когда Государь заперся съ ея отцомъ: какое-то предчувствіе шепнуло ей, что дѣло касается до нея, и когда Гаврила Аѳанасьевичъ отослалъ ее, объявивъ, что долженъ говорить ея теткѣ и дѣду, она не могла противиться влеченію женскаго любопытства, тихо черезъ внутренніе покои подкралась къ дверямъ опочивальни и не пропустила ни одного слова изъ всего ужаснаго разговора; когда-же услышала послѣднія отцовскія слова, бѣдная дѣвушка лишилась чувствъ, и падая, ударилась головою о кованый сундукъ, гдѣ хранилось ее приданое.

Люди сбѣжались; Наташу подняли, понесли въ ея свѣтлицу и положили на кровать. Черезъ нѣсколько времени она очнулась, открыла глаза, но не узнала ни отца, ни тетки. Сильный жаръ обнаружился; она твердила въ бреду о царскомъ арапѣ, о свадьбѣ и вдругъ закричала жалобнымъ и пронзительнымъ голосомъ:

— Валерьянъ, милый Валерьянъ, жизнь моя! спаси меня: вотъ они, вотъ они!..

Татьяна Аѳанасьевна съ безпокойствомъ взглянула на брата, который поблѣднѣлъ, закусивъ губы, и молча вышелъ изъ свѣтлицы. Онъ возвратился къ старому князю, который, не могши взойти на лѣстницу, оставался внизу.

— Что Наташа?—спросилъ онъ.

— Худо,—отвѣчалъ огорченный отецъ:—хуже, нежели я думалъ: она въ безпамятствѣ бредитъ Валерьяномъ.

— Кто этотъ Валерьянъ?—спросилъ встревоженный старикъ: неужели тотъ сирота, стрѣлецкій сынъ, что воспитывался у тебя въ домѣ?

— Онъ самъ, на бѣду мою!—отвѣчалъ Гаврила Аѳанасьевичъ:—отецъ его во время бунта спасъ мнѣ жизнь, и чортъ меня догадалъ принять въ свой домъ проклятаго волченка. Когда, тому два года, по его просьбѣ, записали его въ полкъ, Наташа, прощаясь съ нимъ, расплакалась, а онъ стоялъ, какъ окаменѣлый. Мнѣ показалось это подозрительнымъ, и я говорилъ о томъ сестрѣ. Но съ тѣхъ поръ Наташа о немъ

не упоминала, а про него не было ни духу, ни слуху. Я думалъ, она его забыла; анъ видно нѣтъ. Но рѣшено: она выйдетъ за арапа.

Князь Лыковъ не противорѣчилъ: это было бы напрасно; онъ поѣхалъ домой; Татьяна Аѳанасьевна осталась у Наташиной постели; Гаврила Аѳанасьевичъ,ославъ за лекаремъ, заперся въ своей комнатѣ, и въ его домѣ все стало тихо и печально.

Неожиданное сватовство удивило Ибрагима, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ и Гаврилу Аѳанасьевича. Вотъ какъ это случилось. Петръ, занимаясь дѣлами съ Ибрагимомъ, сказалъ ему:

— Я замѣчаю, братъ, что ты пріунылъ; говори прямо, чего тебѣ недостаетъ?

Ибрагимъ увѣрялъ Государя, что онъ доволенъ своей участью и лучшей не желаетъ.

— Добро,—сказалъ Государь:—если ты скучаешь безо всякой причины, такъ я знаю, чѣмъ тебя развеселить.

По окончаніи работы, Петръ спросилъ Ибрагима:

— Нравится-ли тебѣ дѣвушка, съ которой ты танцовалъ минуэтъ на прошедшей ассамблеѣ?

— Она, Государь, очень мила и, кажется, дѣвушка скромная и добрая.

— Такъ я-жь тебя съ нею познакомлю покороче. Хочешь-ли ты на ней жениться?

— Я, Государь?..

— Послушай, Ибрагимъ: ты человѣкъ одинокій, безъ роду и племени, чужой для всѣхъ, кромѣ одного меня. Умри я сегодня, завтра, что съ тобою будетъ, бѣдный мой арапъ? Надобно тебѣ пристроиться, пока есть еще время, найти опору въ новыхъ связяхъ, вступить въ союзъ съ русскимъ боярствомъ.

— Государь, я счастливъ покровительствомъ и милостями вашего величества. Дай Богъ мнѣ не пережить моего Царя и благодѣтеля—болѣе ничего не желаю; но еслибъ и имѣлъ

въ виду жениться, то согласится ли молодая дѣвушка и ея родственники? Моя наружность...

— Твоя наружность? какой вздоръ! чѣмъ ты не молодецъ? Молодая дѣвушка должна повиноваться волѣ родителей, а посмотримъ, что скажетъ старый Гаврила Ржевскій, когда я самъ буду твоимъ сватомъ.

При этихъ словахъ Государь велѣлъ подавать сани и оставилъ Ибрагима, погруженнаго въ глубокія размышленія.

„Жениться! — думалъ африканецъ: — зачѣмъ-же нѣтъ? Уже ли суждено мнѣ провести жизнь въ одиночествѣ и не знать лучшихъ наслажденій и священнѣйшихъ обязанностей человѣка потому только, что я родился подъ знойнымъ градусомъ? Мнѣ нельзя надѣяться быть любимымъ: дѣтское возраженіе! Развѣ можно вѣрить любви? развѣ существуетъ она въ женскомъ легкомысленномъ сердцѣ? Отказавшись навѣкъ отъ милыхъ заблужденій, я выбралъ иныя обольщенія, болѣе существенныя. Государь правъ: мнѣ должно обезпечить будущую судьбу мою. Свадьба съ молодою Ржевскою присоединитъ меня къ гордому русскому дворянству, и я перестану быть пришельцемъ въ новомъ моемъ отечествѣ. Отъ жены я не стану требовать любви: буду довольствоваться ея вѣрностью, а дружбу пріобрѣту постоянной нѣжностью, довѣренностью и снисхожденіемъ.

Ибрагимъ, по своему обыкновенію, хотѣлъ заняться дѣломъ, но воображеніе его слишкомъ было развлечено. Онъ оставилъ бумаги и пошелъ бродить по Невской набережной. Вдругъ услышалъ онъ голосъ Петра, оглянулся и увидѣлъ Государя, который, отпустя сани, шелъ за нимъ съ веселымъ видомъ.

— Все, братъ, кончено!—сказалъ Петръ, взявъ его подъ руку:—я тебя сосваталъ. Завтра поѣзжай къ своему тестю, но, смотри, потѣшь его боярскую спѣсь: оставь сани у воротъ, пройди черезъ дворъ пѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знатности—и онъ будетъ отъ тебя безъ памяти.— Теперь, продолжалъ онъ, потряхивая дубинкою: заведи меня къ плуту-Даниличу, съ которымъ надо мнѣ перевѣдаться за его новыя проказы.

Ибрагимъ, сердечно отблагодаривъ Петра за его отече-

скую заботливость о немъ, довелъ его до великолѣпныхъ палатъ князя Меншикова и возвратился домой.

Тихо теплилась лампада передъ стекляннымъ кивотомъ, въ которомъ блистали золотые и серебряные оклады наслѣдственныхъ иконъ. Дрожащій свѣтъ ея слабо озарялъ занавѣшенную кровать и столикъ, уставленный стклянками съ ярлыками. У печки сидѣла служанка за самопрялкою, и легкій шумъ ея веретена прерывалъ одинъ тишину свѣтлицы.

— Кто здѣсь?—произнесъ слабый голосъ.

Служанка встала тотчасъ, подошла къ кровати и тихо приподняла пологъ.

— Скоро ли разсвѣтетъ?—спросила Наталья.

— Теперь уже полдень,—отвѣчала служанка.

— Ахъ, Боже мой, отчего же такъ темно?

— Окна закрыты, барышня.

— Дай же мнѣ поскорѣе одѣваться.

— Нельзя, барышня: дохтуръ не приказалъ.

— Развѣ я больна? давно-ли?

— Вотъ ужь двѣ недѣли.

— Неужто? а мнѣ казалось, будто я вчера только легла...

Наташа умолкла; она старалась собрать разсѣянныя мысли: что-то съ нею случилось, но что именно—не могла вспомнить. Служанка стояла передъ нею, ожидая приказаній. Въ это время раздался внизу глухой шумъ.

— Что такое?—спросила больная.

— Господа откушали,—отвѣчала служанка: встаютъ изъ-за стола. Сейчасъ придетъ сюда Татьяна Аѳанасьевна.

Наташа, казалось, обрадовалась; она махнула слабою рукою. Служанка задернула занавѣсъ и сѣла опять за самопрялку. Чрезъ нѣсколько минутъ изъ-за двери показалась голова въ бѣломъ широкомъ чепцѣ съ темными лентами и спросила въ полголоса:

— Что Наташа?

— Здравствуй, тетенька,—сказала тихо больная, и Татьяна Аѳанасьевна къ ней поспѣшила.

— Барышня въ памяти,—сказала служанка, осторожно придвигая кресла.

Старушка со слезами поцѣловала блѣдное, томное лицо племянницы и сѣла подлѣ нея. Вслѣдъ за нею нѣмецъ-лекарь, въ черномъ кафтанѣ, въ черномъ парикѣ, вошелъ, пощупалъ у Натальи пульсъ и объявилъ по-латыни, а потомъ по-русски, что опасность миновалась. Онъ потребовалъ бумаги и чернильницу, написалъ новый рецептъ и уѣхалъ; а старушка встала и, снова поцѣловавъ Наталью, тотчасъ отправилась съ доброю вѣстью внизъ къ Гаврилѣ Аѳанасьевичу...

Эта повѣсть Пушкина осталась неоконченной; но хорошо извѣстно дѣйствительно бывшее окончаніе того, что послужило ея содержаніемъ. Арапъ Ибрагимъ, женившись, породнился съ русскимъ дворянствомъ и однимъ изъ его потомковъ былъ самъ нашъ славный поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

ИЗЪ РАЗСКАЗА

Н. В. Кукольника.

ПРОКУРОРЪ.

Было время зимнее, досужее... День такой коротенькій: мигнетъ глазкомъ, да и зажмурится, словно въ шутку свѣтло станетъ; солнца во всю зиму и въ поминѣ не было; между работниками ходили слухи, будто свейскіе Нѣмцы, нечѣмъ взять, такъ того... на питерское солнышко туманъ навели. И дѣлать-то нечего: ни каналовъ копать, ни липъ и дубковъ сажать, ни невскій флотъ къ морю неволить, ни кораблей спускать, да бѣлыми крылышками убирать, ни фонтановъ подъ Стрѣлинской мызой проводить, ни домовъ строить,— ничего дѣлать нельзя: просто такой гнилой досугъ, что со скуки плакать, а отъ лѣни спать приходится. То-то должно быть скучно батюшкѣ Петру Алексѣевичу!.. Какъ бы не такъ!

Государь давно уже за бумагами сидитъ: читаетъ, да надписываетъ резолюціи, а Александръ Ивановичъ у стола стоитъ: передъ нимъ корзина съ пакетами: знать почта. Онъ то все бумаги шелушитъ: на полу гора обвертышей, передъ Государемъ другая разныхъ писаній; Александръ Ивановичъ знай только подкладываетъ. Государь на окно глянулъ, потомъ на часы; стрѣлка, ростомъ чуть не съ якорь, четыре показываетъ. Да и у Александра Ивановича въ исподнемъ карманѣ куранты жалованной луковицы четыре проиграли.

— Далеко еще до свѣта, — сказалъ Петръ Алексѣевичъ, и пошелъ опять писать да читать. Прошелъ еще добрый часъ..

Государь всталъ и, снимая плафоръ, сказалъ въ полголоса:—„Ухъ, уморился!“

На немъ осталась каппфасная фуфайка съ костяными пуговками... Скоро и работа кончилась. Румянцевъ нагрузилъ обвертышами ту же корзину, понесъ въ лакейскую мазанку и, бросивъ на полъ, сказалъ: „Вотъ вамъ затапливать печи, обувать свѣчи...“—и воротился въ домикъ государевъ. Государь на всѣхъ бумагахъ письменныя отмѣтки подѣлалъ, только двѣ отложилъ. Когда Александръ Ивановичъ воротился, Государь пересматривалъ отложенныя бумаги съ особеннымъ вниманіемъ.

— Что ты будешь дѣлать?—сказалъ Государь съ примѣтною досадой.—Право, надоѣли! Видно, Черныпевъ съ Крейцомъ въ Адмиралтецъ-коллегіи ужиться не могутъ; обоихъ вонъ нельзя: люди на мѣстѣ и дѣло смыслятъ; одного вонъ, другой зачванится. Ахъ ты, Господи! Бѣда, право, доносъ за доносомъ, и объясняются безъ обиняковъ, такъ, даже неприлично! И всегда у нихъ размолвка оттого, что оба на одну и ту же вещь съ разнаго бока смотрятъ. Будь у нихъ умный и толковый прокуроръ—и все бы пошло на ладъ. Не знаешь ли ты, Александръ, на это мѣсто человѣка честнаго и способнаго?

— Гмъ! Честнаго и способнаго?—отвѣчалъ Александръ Ивановичъ Румянцевъ, деньщикъ государевъ.—Способность и честность, Государь, несворная пара; коли одна лошадка ретивая, такъ другая пристаетъ. — Есть у меня одинъ на примѣтѣ, — куда способенъ, а безъ батога честнымъ не будетъ. Развѣ изволишь, Государь, впередъ его порядкомъ напугать...

Государь уже не слушалъ Александра Ивановича, разсматривая другую бумагу. Прочитавъ два раза сряду, Петръ Алексѣевичъ подалъ ее Румянцеву.

— Прочти!—сказалъ Государь.—Что бы это могло значить?

— Ума не приложу,—отвѣчалъ Александръ Ивановичъ.—Должно быть, ты, Государь, наскоро его воеводой назначилъ; не довольно поразсмотрѣлъ.

— Да гдѣ-же всякаго, словно въ школѣ, экзаменовать! Только это право странно; на Олонцѣ дѣлъ не мало, а у воеводы третій годъ въ канцеляріи нѣтъ чиновниковъ. Что пошлютъ изъ коллегіи въ Олонецъ нужныхъ людей,—мѣсяцъ, два пройдетъ, по рапортамъ гляжу: всѣ выбыли или перемѣстились... И это уже въ третій разъ!

— Въ третій разъ всѣ чиновники изъ воеводской канцеляріи въ отставку пошли!—воскликнулъ Александръ Ивановичъ, всплеснувъ руками.—Вотъ долженъ быть пила, сварливый хрычъ, брюзга, ябедникъ, или что нибудь и того хуже.

Государь примѣтно измѣнился въ лицѣ и сказалъ угрюмо:—Не гадай дурного, Александръ, а то я себѣ не прощу, что три года злу расти позволилъ. Лошадей! Одѣваться!..

— Куда ты это, Государь?

— Въ Олонецъ!

— Сейчасъ?

— Сію минуту!

На самомъ концѣ мыса, образуемаго соединеніемъ рѣки Олонки съ Мерегою, въ многолюднѣйшей части города, стояла Богоявленская Олонецкая ярмарка уже дней пять. Купцы жаловались на морозы и на покупателей: не только сушеная рѣпа, главный продуктъ Олонецкаго уѣзда, даже чернобурыя лисицы не шли съ рукъ. Многіе заключили, что должно быть къ войнѣ, и собирались въ обратный путь. Не знали только навѣрно, съ кѣмъ будетъ война: съ султаномъ ли Турскимъ или съ Свейскимъ покойнымъ королемъ, потому что Карлъ XII былъ въ Турціи, и во всей Россіи назывался покойнымъ. Полтавскую побѣду считали его смертію. Уже было часовъ одиннадцать утра, а купцы и на сто рублей не наторговали. Съ горя почти всѣ отправились сводить барыши въ заведеніе... Тогда еще роскошь не подточила патріархальныхъ нравовъ жителей Олонца: все заведеніе заключалось въ одной широкой избѣ. Въ углу стоялъ столъ съ чашками и чарками; на тарелкахъ и дощечкахъ лежало множество растегаевъ съ соленою рыбою, и между ними три бутылки, больше ради украшенія, потому что посѣтители заведенія бо-

лѣе придерживались штофнаго, нежели бутылочнаго. За столомъ, въ самомъ углу избы, была печь на нѣмецкій манеръ; съ исподу топилась, а на верху стояли кастрюли съ олонецкой рѣпой и разными рыбами. Заведеніе въ одно мгновеніе наполнилось купечествомъ, которое расположилось вокругъ стѣнъ на прилавкахъ. Буфетчикъ и половой были въ ужасныхъ хлопотахъ, тѣмъ болѣе, что дурной торгъ Богоявленской ярмарки дѣлалъ посѣтителей и взыскательными, и сварливыми...

Рано по утру того же дня, олонецкій воевода пришелъ въ узаконенный часъ въ воеводскую канцелярію. Сторожъ, Архипъ, зналъ воеводскую походку, и всегда отворялъ дверь въ самое то мгновеніе, когда Иванъ Михайловичъ протягивалъ ногу, чтобы толкнуть половинку, которую во всегдашней плотности съ другой половинкой содержали два кирпича, привязанные къ веревкѣ съ блокомъ. Три года сряду Иванъ Михайловичъ каждый день говорилъ въ эту минуту: Здравствуй, Архипъ! и получалъ въ отвѣтъ: Здравія желаю, ваше высокоблагородіе...—Что, никого не было?—Никого! Съ этимъ словомъ Архипъ принималъ воеводскую трость и шляпу, вѣшалъ на деревянные точеные гвозди; потомъ принималъ и туда же вѣшалъ шубу; между тѣмъ Иванъ Михайловичъ садился на большой ларь и протягивалъ обѣ ноги... Архипъ снималъ съ нихъ длинные сапоги на волчьемъ мѣху и ставилъ къ печкѣ, а засимъ уже Иванъ Михайловичъ отправлялся въ присутствіе. Воевода садился на свое мѣсто; прочія оставались незанятыми, потому что во всей канцеляріи не было ни одного чиновника; вынималъ очки, протиралъ ихъ большимъ цвѣтнымъ платкомъ, и принимался читать бумаги; но какъ на столѣ таковыхъ не оказывалось, то Иванъ Михайловичъ очки снималъ, платокъ пряталъ, и около получаса сидѣлъ въ размышленіи, изрѣдка поглядывая въ окно.

— Архипъ! Поди сюда!—крикнулъ Иванъ Михайловичъ, и отставной бомбардиръ, на деревянной ногѣ, явился къ услугамъ своего повелителя. Архипъ носилъ свой старый артиллерійскій мундиръ; былъ кривъ на одинъ глазъ; сапоги и во-

лоса всегда были смазаны свѣчнымъ саломъ; однимъ словомъ, Архипа можно было почесть образцомъ чистоты и опрятности.

— Ну такъ что?—спросилъ Иванъ Михайловичъ.

— Не могимъ знать! Какъ прикажете!

— Ярмарка идетъ плохо?

— Говорятъ.

— Да, говорятъ.

Засимъ послѣдовало продолжительное молчаніе.

— А что, Архипъ, былъ ты въ воскресенье у обѣдни?..

— И у заутрени былъ.

— Ходи, ходи, Архипъ! Богу молиться надо...

— Христіанское дѣло, ваше высокоблагородіе...

— То-то же...

Молчаніе второе.

— Ну, а не прочитать ли тебѣ, Архипъ, о Кончеозерскихъ минеральныхъ водахъ, что у насъ въ уѣздѣ? Самъ Государь изволилъ пользоваться ими, и приказалъ тѣ воды описать и напечатать книгой, для всеобщей извѣстности. Вѣдь это нашему уѣзду по всему государству честь. Не такъ-ли?

— Какъ же не честь!

— Такъ не прочитать ли тебѣ Архипъ, а?

— Не извольте, ваше высокоблагородіе, трудиться. Я уже эти маральныя воды наизусть знаю: двадцать разъ мы читали ихъ цѣликомъ, да малыми пріемами разъ со сто. Пускай, ваше высокоблагородіе, маленько позабудутся...

— Экой ты какой, Архипъ! Вотъ Государь—царство къ ученью неволитъ, а вы такіе неблагодарные!

— Да воды-то я уже выучилъ: развѣ что другое ваше высокоблагородіе придумаете.

— Ну, хорошо, Архипъ, такъ генеральный регламентъ...

— Тоже знаю; да и что мнѣ: я бурмистеромъ не буду.

— Эко ты какой, Архипъ! А погляди, что тутъ въ зерцалѣ написано: Не смѣй никто отговариваться незнаніемъ законовъ.

— Да вѣдь, ваше высокоблагородіе, помилуйте, я не отговариваюсь. У меня все по закону, и еще ни одинъ проситель съ шляпой и тростью въ присутствіе не входилъ...

Молчаніе третіе.

— Послушай, Архипъ, раскажи пожалуй, какъ это тебѣ глазъ покривило и ногу оторвало.

— Да я вашему высокоблагородію, надо быть, уже сотню разъ объ моей причинѣ докладывалъ: оскому набилъ да и вамъ прискучится...

Тутъ вдругъ воевода ни съ того, ни съ сего, будто осердился и сказалъ: Смирно, Архипъ! Твоя рѣчь впереди. Ступай на мѣсто! Челобитчики идутъ.

Не успѣлъ воевода этого вымолвить, какъ на улицѣ послышались крики, блокъ на канцелярской двери завизжалъ, и вошелъ въ присутствіе Архипъ съ докладомъ:—горожане съ просьбами.

— Пускай по одному...—сказалъ Иванъ Михайловичъ, надѣвая очки.

— Всѣ разомъ просятся.

— Да развѣ всѣ съ просьбами?

— Двое, а иные прочіе за свидѣтелей.

— Свидѣтелей на улицу; позовутъ, когда нужно.

Вошли Романъ Иванычъ и Иванъ Романычъ, избитые, исцарапанные; платье также было не безъ признаковъ удалой схватки; оба упали въ ноги воеводѣ, и заговорили разомъ. Нельзя было понять, о чемъ они просили, на что жаловались. Воевода молчалъ, и когда обидчики истощили всѣ свои обвиненія и оправданія, и подавали ему на колѣняхъ челобитныя, Иванъ Михайловичъ, отодвинувъ ихъ рукою, сказалъ гнѣвно:

— Драться, пьянствовать! Вотъ я васъ! Архипъ, сбѣгай за городничимъ.

— Государь воевода, помилуй!—завопили челобитчики.

— Да миловать-то мнѣ васъ не приходится. Ну, возьму я отъ васъ просьбы; я одинъ, у меня чиновниковъ нѣтъ; кто ихъ запишетъ, кто ихъ къ докладу приготовитъ, кто ихъ будетъ слушать; кто приговоръ положитъ? А приговоръ,—извѣстно дѣло,—батоги.

— Пусть меня высѣкутъ...—сказалъ Иванъ Романычъ,—только бы и Рѣпкина отодрали.

— Пожалуй, да вѣдь по міру пойдешь; вотъ сейчасъ велю всю рѣпу подъ секвестръ, на казну...

— Да, рѣпа-то чѣмъ виновата?

— Не умничай! Законъ свое дѣло знаетъ. Домъ твой на казну...

— Рѣпкина?..

— И его на казну!

— Пускай берутъ!

— Да ты еще рублей сорокъ приплатишь.

— А Рѣпкинъ?

— Нѣтъ, вѣдь не Рѣпкинъ, а ты искъ начинаешь.

— Не я, государь воевода: онъ, ей Богу, онъ...

— Не слушай его, государь воевода, не я, а онъ; я насилу подъячаго сыскалъ, чтобы отписаться.

— Вотъ видишь—сорокъ рублей плати!

— Государь воевода! Ужь если съ Рѣпкина ты сорока рублей взять не хочешь, такъ возьми съ меня одного, только Рѣпкина по приговору присуди...

— А, взятки! Въ тюрьму, въ острогъ! Тамъ и сгніешь, а Рѣпкинъ на свободѣ по міру ходить будетъ.

— Да вѣдь не я истецъ. Я отъ иска отрекаюсь, а онъ на ябедѣ стоитъ: у него двоюродная сестра за подъячимъ.

— Врешь ты, озорникъ, я отвѣтчикъ, я никакого иска не имѣю...

— Полно ссориться! Мнѣ некогда; дѣлъ много. Ну, кто зачинщикъ? Подавай челобитную!..

Никто не рѣшился. Воевода поглядѣлъ на нихъ съ улыбкою и продолжалъ:

— Ну, что за охота ссориться! Одинъ другому торгу не отобьешь; рѣпа олонецкая всегда разойдется; сушеная не испортится; день, недѣлю лишнюю пролежитъ, и оба будете съ барышами, а вотъ изъ глупости, вы оба по одному заведенію больше барышей протранжирили. И прилично ли такимъ бѣднымъ горожанамъ пиво и вино пить? Вѣдь грѣхъ! Ваше дѣло—пѣнное и то по воскресеньямъ, да послѣ трудной работы; а вы... Нѣтъ, родимые, если помиритесь, то и тяжбы не будетъ, а при тяжбѣ безъ батоговъ не обойдется...

— Помилуй, государь воевода!

— Помиритесь, такъ помилую; да и то на кондиціяхъ, чтобы впередъ про ваши ссоры я не слыхалъ.

— Да я изубыточился.....

— А я разорился.

— Все-таки домъ и рѣпа остались. Ну, что-жь, миритесь, или нѣтъ? Право, некогда.

Оба молчали и поглядывали искоса, не начнетъ ли мириться противникъ. Воевода изъ-подъ очковъ наблюдалъ за ихъ нѣмымъ разговоромъ, и примѣтивъ, что обоихъ въ краску бросило, сказалъ торжественно:

— Ну, нечего дѣлать, коли не хотите сами, такъ я васъ помирю.

Полагая, что тайный смыслъ сего предложенія заключается въ батогахъ, оба вскричали разомъ:

— Миримся, миримся, государь воевода!—и стали другъ другу кланяться.

— Поцѣлуйтесь!—сказалъ воевода.—Поцѣловались.

— Три раза.—Три раза.

— Ну, теперь въ церковь Рождества Богоматери, да отслужите молебенъ, а чтобъ не убыточиться, вотъ вамъ полтина, пошли съ Богомъ!.. Челобитчики откланялись и вышли. На улицѣ ожидали ихъ свидѣтели, и закричали въ одинъ голосъ: Ну, чья взяла? Челобитчики расказали. Свидѣтели остались весьма недовольны.—Экой воевода! ворчали тихо:—только и знаетъ, что на миръ сводитъ. И поссориться въ Олонцѣ нельзя... И самъ-то въ волчьей шубѣ ходитъ, а у городничаго, поди, и у самого, и у жены, и у дѣтей—шубки изъ черныхъ лисицъ... Между тѣмъ Архипъ воротился отъ городничаго.

— Ну, что?—спросилъ воевода.

— Его благородію нельзя быть,—отвѣчалъ Архипъ.

— А что?

— Да съ купцами завтракалъ,—лежитъ.

— Погоди же: миръ хорошъ, да не со всякимъ; съ нимъ я поссорюсь... Погляди, Архипъ, какіе это офицеры ѣдутъ?

— Батюшки свѣты!—вскричалъ радостный Архипъ.—Государь, самъ Государь!..

— Государь!—воскликнулъ воевода и уронилъ очки.—Пойдемъ на встрѣчу, на крыльцо... Но пока воевода собирался, Государь вошелъ уже въ присутствіе... На лицѣ Государя примѣтны были гнѣвъ и подозрѣніе; сбросивъ шубу на ларь, онъ вошелъ въ присутствіе въ валеныхъ сапогахъ, и, развертывая съ шеи родъ шали, или толстаго гаруснаго шарфа, спросилъ гнѣвно: Гдѣ—воевода?

— Здѣсь, государь!—отвѣчалъ, дрожа, Иванъ Михайловичъ.

— Одинъ?

— Одинъ.

— А гдѣ же твои чиновники?

— Въ отставкѣ.

— Въ отставкѣ,—почти крикнулъ Государь.—А покажика дѣла!

— Дѣла?—запинаясь, спросилъ воевода.—Какія дѣла?

— Какъ какія? Тѣ, которымъ въ воеводской канцеляріи быть слѣдуетъ... Напримѣръ, челобитныя.

— Челобитныя!

— Ну, да!..

Иванъ Михайловичъ совершенно смутился, поглядывалъ на Архипа, не выручитъ ли его изъ бѣды; подозрѣнія Государя оправдывались, гнѣвъ возрасталъ.

— Ну, что же ты стоишь!—сказалъ Государь, топнувъ ногою.—Показывай дѣла.

— Ахъ ты Господи!—подумалъ Иванъ Михайловичъ.—Не показать ли ему старыхъ дѣлъ изъ архива, да Архипъ ключъ потерялъ, уже больше года будетъ. Иванъ Михайловичъ совершенно растерялся, и только хлопалъ глазами, согнувшись кольцомъ.

— Э, старый плутъ, ты отъ меня не отмолчишься,—сказалъ Государь, и собственноручно отстегнулъ кожаный клапанъ съ гвоздика, замыкавшій шкафъ. Тамъ въ величайшей чистотѣ и опрятности стояла запасная пара сапоговъ Архипа, его же амуниція и казенные подсвѣчники...

— Гдѣ же твои дѣла?—еще разъ спросилъ Государь.—

Говорю тебѣ, не отдѣлаешься: а я только за этимъ и въ Олонецъ пріѣхалъ...

— Ну...,—подумалъ воевода:—кончено! Изъ бѣды не выскочишь. Видно, злые люди постарались. Нечего дѣлать! Повинюсь, авось помилуетъ... и съ этими мыслями, бухъ Государю въ ноги.

— Ага!—сказалъ Царь.—Давно бы такъ!

— Не буду!—завопилъ Иванъ Михайловичъ. — Не буду, только помилуй!

— О милости послѣ, а велика ли твоя вина? Расказывай!

— Все раскажу, батюшка государь! Право не буду! Не утаю ничего, хоть въ Сибирь посылай. Не я виноватъ, а глупость моя; ужь это стало быть отъ рожденія Богъ смѣтки не далъ, а теперь право не буду; все по законамъ пойдетъ.

— Да расказывай ты мнѣ о томъ, что я спрашиваю: плутовать умѣешь, а оправдываться трусишь; ну, видно ты еще не важный ябедникъ, не изъ самыхъ злодѣевъ...

— Ябедникъ!—завопилъ Иванъ Михайловичъ.—Какъ хочешь казни, только ябедникомъ не пазывай!..

— Покажи дѣла, я самъ разсмотрю...

— Да гдѣ мнѣ дѣлъ взять, коли ихъ нѣтъ, и въ три года ни одного не было!

— Какъ не было!—спросилъ Государь, примѣтно изумленный неожиданнымъ отвѣтомъ.

— Были бы, Государь, грудами были бы, когда бы ты самъ не указалъ по всѣмъ тяжбамъ, искамъ къ миру клонить; такъ я и раздумалъ: двѣ стороны во всякомъ дѣлѣ— не могутъ быть обѣ правы; отыскать виновнаго не трудно, когда добрая воля есть; я обоихъ и выслушаю, бумаги пересмотрю, и знаю съ кѣмъ что говорить, а челобитень до времени не беру. Виноватъ, Государь! Чиновниковъ у меня нѣтъ; такъ я прежде должность стряпчаго справлю: потомъ виноватаго напугаю, праваго умилостивлю, да изъ присутствія обоихъ къ себѣ на домъ, пошлю за протопопомъ, да и поставлю изъ собственнаго жалованья мировую бутылочку; отъ одной рюмки такого вина, знаешь, Государь, право, вся-

кій страхъ пройдетъ. Ты меня напугалъ только, государь! Я сразу не понялъ, а теперь вижу, что я дѣло дѣлалъ!

Иванъ Михайловичъ всталъ самъ собою, выпрямился и, смѣло смотрѣлъ въ глаза Государю. Память добрыхъ дѣлъ воскресла и укрѣпила добродѣтельнаго воеводу. Государь глядѣлъ на него со слезами на очахъ.

— Ну, воевода!—сказалъ Государь. — Помиримся! Чего хочешь, говори!

Воевода посмотрѣлъ на часы и отвѣчалъ: — Время присутствія отошло: можно мнѣ и домой, жена къ обѣду блины готовитъ, а Архипъ за мировою сбѣгаетъ, такъ, можетъ быть, не откажешь...

— Послушай, воевода! Я самъ терпѣть не могу ссоръ и ябеды, а у меня въ адмиралитецъ-коллегіи каждый день Чернышевъ съ Крейцомъ ссорятся; теперь пойдемъ обѣдать, и выпьемъ мировую бутылочку, не за олонецкаго воеводу,— я сюда другого пришлю...

Въ это время и Государь и воевода вышли на крыльцо.

— Поздравь меня, Александръ!—сказалъ Государь:—въ адмиралитецъ-коллегію знатнаго прокурора нашелъ! Иванъ Михайловичъ, помири мнѣ пожалуйста Крейца съ Чернышевымъ; право, спасибо скажу. Ну, Александръ, ступай съ нами: выпьемъ за новаго прокурора, Ивана Михайловича.

— Какъ? что?—спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Пойдемъ, пойдемъ!—отвѣчалъ государь:—за обѣдомъ все раскажу.

„ПРИ ПЕТРѢ“.

изъ повѣсти

В. К. Кельсіева и В. Б. Клюшникова.

I.

Ничего кромѣ камыша въ болотѣ, да лѣсовъ.

Свѣтловоднѣйшая въ мірѣ рѣка течетъ въ глухой пустынѣ, кое-гдѣ подъ навѣсомъ сосенъ.

Нужно было быть геніемъ, чтобъ помыслить даже поставить на этомъ болотѣ цѣлый городъ—тотъ Петербургъ, который мы видимъ...

Великій Государь началъ строить городъ, вернувши Невскія устья отъ Шведовъ, на томъ островѣ, что называемъ мы Петербургскою стороной; близь зачатой земляной крѣпости, Меншиковъ распорядился при самомъ же началѣ постройкою крошечнаго домика Петру Великому, который хранится и теперь на Петербургской сторонѣ въ каменномъ футлярѣ.

Повсюду лѣса рубились, строилась верфь, и въ рѣдкіе пріѣзды сюда за всѣмъ наблюдалъ самъ Великій Государь. Онъ, какъ любитель всего иноземнаго, даже многія мѣста въ Петербургѣ назвалъ иностранными именами, такъ наприм. имъ дано сохранившееся до сихъ поръ названіе Адмиралтейства корабельному судовому двору...

Алексѣй Парамоновичъ Свѣчниковъ родился и выросъ въ Ростовѣ, а потомъ жилъ въ Москвѣ, подъ тѣмъ вліяніемъ, которымъ были насквозь пропитаны современники царя Алексѣя Михайловича, и состоялъ при дворѣ его въ приспѣшникахъ. Стремле́ніе подѣлаться во что́ бы то ни стало европейцами, сбросить подавляющій гнетъ старыхъ обрядовъ, старыхъ обычаевъ, всосалось въ его плоть и кровь. Когда пришла вѣсть, что царь Петръ собственноручно стрижетъ бороды у всѣхъ ближнихъ бояръ и велитъ всѣмъ одѣваться по европейски. — хотя и при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ уже велѣно было всѣмъ одѣваться въ венгерки, — Алексѣй Парамоновичъ съ радости позвалъ брадобрѣя и смахнулъ у себя изъ усердія не только бороду, но даже и усы.

Приходился Алексѣй Парамоновичъ—человѣкъ уже не молодой въ описываемое нами время—какимъ-то неизмѣримо дальнѣйшимъ родственникомъ съ женской стороны князю Меншикову и на этомъ основаніи вздумалъ рабски просить свѣтлѣйшаго князя, герцога Ингерманландскаго, пожаловать его своей высокой милостью—перевести къ себѣ подъ бокъ въ Петербургъ. Алексѣй Парамоновичъ чувствовалъ, что при такомъ царѣ, который просвѣщенныхъ людей требуетъ, можно было себя показать и кое-какъ въ люди выйдти. Онъ былъ вдовецъ, изъ всей семьи у него остался только сынъ Константинъ. Князь былъ съ Царемъ въ походѣ—со Шведомъ воевалъ и послѣ цѣлаго года ожиданія удостоилъ отвѣтомъ. Самъ, какъ извѣстно, писалъ свѣтлѣйшій съ трудомъ и въ большинствѣ случаевъ отвѣчалъ черезъ своихъ приближенныхъ. и Свѣчниковъ получилъ чрезъ управляющаго имѣньемъ записку, само собою разумѣется не собственноручную, слѣдующаго содержанія:

„Жалуетъ тебя его свѣтлость, родня твоя по жене, князь Александръ Данилычь и позволяетъ тибе, холопу его, переехать въ новосозидаемый градъ Санктъ-Петербурхъ и держать въ семъ граде вольный дворъ такожде и перевозъ чрезъ рѣку Неву, понеже бывшій содержатель вольнаго двора Митрофанъ Иванычь Собакинъ волею Божею умре а содержать оный дворъ таперече не кому“.

Не прошло трехъ недѣль, какъ любитель всякой заморщины и замѣчатель повыхъ порядковъ, человѣкъ до такой степени просвѣщенный, что даже латинскія буквы разбирать умѣлъ, старикъ Парамонычъ очутился въ строющемся градѣ святаго Петра.

Была скверная погода — одна изъ тѣхъ, которыя петербургскимъ жителямъ не въ диковину; не дождикъ лилъ, а моросило; небо было хмурное, сѣрое, даже вѣтеръ былъ теплый, а между тѣмъ пробирало до костей.

По извилистой улицѣ, ведшей отъ Адмиралтейскаго двора къ царской усадьбѣ, къ вольному двору и къ перевозу шелъ одинъ одинехонекъ человѣкъ плечистый, непомѣрно-высокаго роста. На немъ были поношенный сукопный охобень по колѣно и низенькая, лакированная голландская шляпа, въ какихъ ходятъ моряки. На ногахъ у него были высокія русскаго приготовленія ботфорты. Онъ шелъ большими шагами къ вольному двору по берегу Невы, запахнувшись въ охобень и угрюмый, сосредоточенный, чѣмъ-то взбѣшенный. Углы губъ у него вздрагивали и лицо подергивалось первною судоргой, голова слегка тряслась, а правая рука судорожно сжимала желѣзную трость, описывая въ воздухѣ разные круги и какъ бы намекая, что страннику великану крѣпко хотѣлось кого нибудь отвозить ею приличнымъ образомъ по хребту и по бокамъ. Лицо у него было смуглое, гладко выбритое, по тогдашнему порядку; коротко-подстриженные усы были завернуты кверху. Во всей его манерѣ было нѣчто повелительное, грозное, такъ и говорившее: не шути со мной, потому что шутки я шучу не хорошія, и не стой ты мнѣ на дорогѣ.

Парамонычъ былъ человѣкъ обрядливый: во что бы то ни стало, возставъ отъ сна, ему нужно было выдти на крылечко, подышать чистымъ воздухомъ—что онъ сдѣлалъ и въ этотъ день; къ нему тутъ же присосѣдился, на другой сторонѣ крылечка, двадцатипятилѣтній сынъ его, Константинъ, съ моделью водяной мельницы, которую онъ самъ выдумалъ. Чай только еще вводился въ употребленіе русскаго общества, и отецъ съ сыномъ, какъ самые цивилизованные

люди, съ большой важностью и съ пущимъ достоинствомъ тянули его изъ стакановъ. Вдругъ явилась эта высокая, смуглая фигура, съ поддернутыми кверху усами, и остановилась предъ ними.

— Ей ребята,—сказалъ онъ,—Иванычъ-то гдѣ?

— Какой-тѣ Иванычъ?—отвѣчалъ Парамонычъ.

— Собакинъ, настойчиво сказалъ пришедшій. еще пуще задергавши губами и широко раздувая ноздри.

— Да ты кто такой? Мало васъ шляться будетъ всякихъ мастеровъ. Будетъ мнѣ что я третью недѣлю въ Питербурхѣ, а отъ васъ отбою нѣтъ.

— Слушай,—сказалъ, подступая ближе, пришедшій,—ты мнѣ скажи толкомъ: гдѣ Собакинъ?

Парамонычъ всталъ, потому что въ жестахъ пришельца было столько внушительнаго, что онъ невольно ему покорялся, несмотря на всю свою гордость содержателя вольнаго двора и перевоза въ Санктъ-Питербурхѣ.

— Богу душу отдалъ,—сказалъ онъ довольно почтительно.

— Ну, спаси Богъ его душу—онъ все это дѣло въ порядкѣ держалъ. Такъ это ты на его мѣсто поступилъ? Посмотримъ, каковъ то ты будешь?

Парамонычъ сталъ какъ-то къ дверямъ сторониться, ему почудилось въ этомъ прохожемъ что-то такое, что тутъ не сдерешь лишней деньги или лишнаго алтына. Несмотря на странный костюмъ, на это загорѣлое лицо, онъ чувствовалъ предъ собой силу и власть, и невольно робѣлъ. Костантинъ, напротивъ того, сидѣлъ спокойно и разсматривалъ прохожаго съ любопытствомъ.

— Анисовка у тебя есть, какъ была у покойника?—спросилъ прохожій.

— Анисовка водится,—пріободрился Парамонычъ.

Подергиваніе губъ исчезло и прохожій усмѣхнулся.

Онъ, не спрашивая позволенія Парамоныча, шагнулъ на крылечко—и какъ человѣкъ, очевидно знающій расположеніе дома, пошелъ, сѣлъ на лавку прямо въ красный уголъ, подъ образа, сбросилъ шляпу свою и отсырѣвшій охобень и остался

въ синемъ суконномъ бострогѣ и такого же цвѣта штанахъ, запрятанныхъ въ ботфорты по колѣно.

— Слушай, — сказалъ онъ Парамонычу, — дай ты мнѣ рюмку анисовки, да чего-нибудь закусить.

Парамонычъ, попавшій изъ захолустья въ новостроющуюся столицу, наконецъ вломился въ амбицію; дома онъ былъ не послѣдняя спица въ колесницѣ, сюда онъ пріѣхалъ, чтобъ всякихъ вельможъ видѣть, а можетъ быть и самаго Великаго Государя, и такое обращеніе человѣка, у котораго подъ охобнемъ ничего особеннаго не оказалось, съ нимъ, съ Парамонычемъ, немножко его передернуло.

— Полтора алтына,—брюзгливо сказалъ онъ.

Великанъ-гость посмотрѣлъ нъ него ласково, съ усмѣшкой.

— Я сегодня получилъ жалованье,—сказалъ онъ, — и вотъ тебѣ въ залогъ крестовикъ, только ужь ты меня для перваго знакомства угости. Видно ты, дядя, меня совсѣмъ не знаешь?

Парамонычъ посмотрѣлъ на серебряный рубль, выложилъ его на столъ, повернулъ во всѣ стороны, попробовалъ на зубъ и спросилъ весьма основательно:

— Такъ ты это при Собакинѣ сюда, значитъ, постоянно ходилъ?

Гость разсмѣялся своимъ звучнымъ смѣхомъ, подергалъ своими короткими, загнутыми къ верху усами.

— Ничего,—отвѣчалъ онъ,—дверей намъ Собакинъ, дай Богъ ему царствіе небесное, не запиралъ; да вотъ я долго очень въ отлучкѣ былъ — а онъ мнѣ долго жить приказалъ. Ну, такъ дай мнѣ рюмку водки да крендель.

И опять это было сказано такъ повелительно, что Парамонычу словно неловко сдѣлалось.

— Да и позови-ка ты ко мнѣ твоего этого вотъ молодца, что съ тобою сидѣлъ. Что онъ тебѣ, сынъ, что-ли, приходится? Кликни-ка его сюда.

Парамонычъ пошелъ за анисовкой, которую онъ держалъ въ стекляннномъ кувшинѣ, и сказалъ Константину, вышедши на крыльцо:

— Ступай—добро, къ этому мастеру, что-то больно онъ диковинный человѣкъ.

Константинъ вошелъ, таща съ собою модель своей мельницы.

— Эй, молодецъ, подойди-ка сюда,—сказалъ гость.

— Чего тебѣ надобно?—отвѣчалъ Константинъ.

— Надо посмотрѣть твою машину,—сказалъ гость такъ настойчиво, что Константинъ посмотрѣлъ на него и поставилъ передъ нимъ на столъ свою модель.

— Ариѳметику и геометрію знаешь?—спросилъ гость.

Константинъ обидѣлся.

— Да ты чего?—спросилъ онъ.

Гость разсмѣялся.

— Да ты мнѣ прямо скажи,—говорилъ смуглый великанъ,—знаешь или не знаешь? Мнѣ любопытно знать, отчего вотъ эта шестерня у тебя о восьми зубцахъ?

— Это мое дѣло,—отвѣчалъ Константинъ. Много вашего брата, мастеровъ, тутъ таскается, а какъ поглядишь на васъ, мало кто въ счетномъ художествѣ силенъ. Мы вотъ съ тятенькой недавно изъ Ростова пріѣхали; у насъ въ Ярославской сторонѣ люди—Господи Твоя воля—какъ счетомъ убиваются!

— Правда?—воззрился на него гость, закусывая кренделемъ,—учатся.

— Что-жь, слава Тебѣ Господи,—сказалъ Константинъ,—не совсѣмъ въ лѣсу живемъ, не совсѣмъ на пень Богу молимся. Какъ Царское Величество сталъ это новые порядки вводить. такъ много-много народу кинулось всему учиться.

— А ты самъ, молодецъ, допрашивалъ великанъ, — отъ кого научился математикѣ?

— Отъ кого научился? Первое—это не твое дѣло; а ужь коли тебѣ любопытно, научился я отъ Нѣмца; такой голанскій Нѣмецъ у насъ живетъ тамъ, въ самомъ Ярославлѣ, у такого-жь Нѣмца на конторѣ служитъ. Шесть рублевъ тятенька ему за науку далъ.

— Мѣлокъ есть?—спросилъ гость.

— Есть.

— Подай сюда.

И молодой человѣкъ опять точно невольно повиновался. Великанъ всталъ и заскорузлыми пальцами написалъ на стѣнѣ алгебраическую задачу. Блѣдный, худенькій, русый Константинъ, ухмыляясь ему въ лицо, взялъ у него мѣлокъ, подошелъ къ стѣнѣ и тутъ же написалъ разрѣшеніе.

— Вѣрно,—сказалъ незнакомецъ.—Ну, а теперь объясни ты мнѣ, коли ты знаешь это дѣло, какъ снять лонгитуду и латитуду.

— Какъ снять?—отвѣчалъ Константинъ, — а вотъ такъ!

Онъ поставилъ палецъ противъ праваго глаза въ видѣ зрительной трубы.

— Видишь ты, мастеръ: въ полдень поймать солнце на меридіанѣ.

Парамонычъ, не смотря на все свое величіе бывшаго приспѣшника и на свои связи съ Меньшиковымъ, молчаливо и смирно сидѣлъ на лавкѣ подлѣ великана и ломалъ голову, кто бы это могъ быть: онъ слышалъ, что въ Петербургѣ многіе, даже и родовитые люди топорами работаютъ.

— Ну, молодецъ,—продолжалъ гость, — покажи-ка мнѣ твою машину.

— Эхъ, мастеръ, чего добраго, ты у меня ее высмотришь, да потомъ самому Царю покажешь?

Гость расхохотался.

— Я тебѣ говорю, покажи.

И они вмѣстѣ принялись разсматривать модель.

— Не пойдетъ,—сказалъ гость.

— Отъ чего не пойдетъ?—обидѣлся Константинъ.

— Считай, сталъ толковать гость,—у тебя въ шестернѣ восемь зубцовъ, а главное, у тебя все на этомъ колесѣ вертится; обломится—и все твое зданіе прахомъ пойдетъ. развалится.

Молодой человѣкъ задумался. Замѣчаніе было вѣрно.

— Слушай, мастеръ,—раззадорившись сказалъ онъ,—пойдемъ-ка мы въ сарай, тамъ у меня другая машина. Сказать тебѣ теперь ничего не могу на счетъ моей мельницы, а ты другое посмотри.

— Пойдемъ,—сказалъ весьма охотно гость и лицо его окончательно просвѣтлѣло, — пойдемъ. Я въ этомъ дѣлѣ кое-что смыслю... и отчего мнѣ тебѣ не помочь!

Константинъ дружески пошелъ рядомъ съ гостемъ, а Парамонычъ, въ головѣ котораго засѣла догадка, что гость не простой человѣкъ, и вертѣлось даже имя этого человѣка, глубокомысленно и почтительно шагалъ за ними.

— Видишь, —говорилъ Константинъ, почесывая рукою подбородокъ, гдѣ недавно у него была русая борода, — вотъ-тѣ тоже механика. Вотъ поди ты и разбери: винтъ такой у меня простой, деревянный — такъ отъ руки взялъ и вырѣзалъ— это чтобъ землю копать. Станетъ землю буравить—и ты хоть до самой глубины землю буравь, такъ и пробуравишь.

— Ты это съ собой изъ Ростова привезъ?

— Съ собой, изъ Ростова. Мало чего у меня, какихъ затѣй въ головѣ нѣтъ!

— Да ужь онъ у меня затѣйникъ,—вмѣшался Парамонычъ робко вглядываясь въ лицо гостя. — Что́ до этихъ махинъ, такъ даже, государь мой, уши мнѣ просверлилъ, а руки у него золотыя, да и голова не кашей набита.

Гость стоялъ въ сараѣ и какъ-то особенно пристально смотрѣлъ на нихъ. Наконецъ, размахнувшись могучимъ кулакомъ, онъ треснулъ по стѣнѣ, такъ что стѣна, какъ показалось Константину и отцу его, дрогнула.

— Вотъ они гдѣ прячутся, кого мнѣ нужно!—прогремѣлъ гость.

Но вдругъ глаза его сверкнули какимъ-то грознымъ блескомъ и губы опять задрожали.

— Ага, и тѣ ѣдутъ,—крикнулъ онъ,—милости просимъ!

Онъ выскочилъ изъ сарая и какъ былъ, въ одной курткѣ, простоволосый, выбѣжалъ на дорогу. Какъ ни размокла эта болотистая земля, которая теперь составляетъ Англійскую и Дворцовую набережную, но все-таки былъ слышенъ звукъ лошадиныхъ копытъ и подъѣзжающаго экипажа, — и будь ухо Парамоныча попривычнѣе, онъ разобралъ бы, что это ѣдетъ одноколка, а не четырехъ-колесная телѣга.

Ухо гостя было разборчивѣе. Сжавши кулаки, онъ стоялъ

посреди дороги въ своемъ синемъ бострогѣ и не обращалъ вниманія на то, что вѣтеръ раскидывалъ его черные какъ смоль волосы. Смуглое широкое лицо его было блѣдно.

— Развѣ такъ дѣлается?!—кричалъ онъ страшнымъ голосомъ.—Развѣ такъ дѣла дѣлаются? Я прихожу—я *самъ* прихожу на работы, а васъ нѣту! Спрашиваю: гдѣ твое сіятельство и гдѣ твое благородіе?—а васъ и не видали. Я за топоръ — я, вашъ Царь, работаю какъ никто другой не работаетъ,—а гдѣ вы въ это время были?!

Парамонычъ и Константинъ, стоя у воротъ, обмерли.

Такъ вотъ страшный Царь, котораго имъ хотѣлось хоть изъ-за угла посмотрѣть, явился воочію, анисовки выпилъ посмотрѣлъ всякія затѣи Константина!.. „Господи, да будетъ воля Твоя!“—думалъ Парамонычъ: „можетъ быть онъ намъ головы посымаетъ, да впредь того велитъ въ Преображенскомъ приказѣ побывать, — грубенько съ нимъ обошелся“.

Тутъ Парамонычъ увидѣлъ, какъ изъ одноколки проворно выскочили двое вельможъ, сбросивъ съ себя мѣховые плащи. До сихъ поръ они сидѣли какъ статуи: они-было окаменѣли отъ ужаса.

Одинъ изъ нихъ очень маленькій, съ лицомъ пухлымъ и небольшими умными глазами, былъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, директоръ петербургскихъ строеній; другой, худощавый, роста выше средняго, блѣднолицый съ жесткими черными волосами при усахъ, былъ Наумъ Акимовичъ Сенявинъ, раздѣлявшій съ княземъ Черкасскимъ завѣдываніе петербургскими работами, дѣлецъ исполнительный и аккуратный, большой хлопотунъ, но примѣрной честности и не слишкомъ податливый на требованія вельможъ и приближенныхъ.

— Отчего желѣзо до сихъ поръ не принято?—продолжалъ великанъ, понижая голосъ, когда тѣ двое подошли къ нему:—пріѣзжаю сегодня на работы и что же мнѣ кровельный мастеръ говоритъ: „желѣза нѣтъ“. Почему до сихъ поръ не принято?

Цаловальники *) всѣ въ разгонѣ, Государь, отвѣчалъ князь Черкасскій съ поклономъ.

— Собрать поскорѣе,—нетерпѣливо перебилъ Государь:—Демидовъ тоже вонъ жаловался на проволочку, что люди его проѣдаются здѣсь, а желѣзо лежитъ даромъ, ржавѣетъ...

— Нѣ позволь, Государь,—заговорилъ Сенявинъ, выступая въ свою очередь:—демидовское желѣзо зря принимать негоже, надо съ осторожностью: тамъ у него между хорошимъ-то браку много, а послѣ и пойдутъ трещины въ полосахъ...

— Ну, ну, дѣлай какъ знаешь, только справь проворнѣй,—сказалъ смягченный Государь, кивнувъ головой, и затѣмъ, обернувшись назадъ, крикнулъ:

— Эй, ты, какъ тебя звать?

— Алешка,—робко отвѣчалъ Парамонычъ.

— А тебя, молодецъ, какъ звать?

— Костька,—проговорилъ Константинъ.

— Ботъ мнѣ сюда!..

Парамонычъ со всѣхъ ногъ кинулся на перевозъ. Государь пошелъ слѣдомъ, разговаривая съ двумя строителями и поглядывая впередъ на рѣку. По Невѣ катились крупныя свинцовыя волны, изрѣдка пѣнясь и какъ бы подпрыгивая; вѣтеръ крѣпчалъ и гналъ темныя, грозовыя тучи, отороченныя золотистымъ солнечнымъ отсвѣтомъ; широко и все еще какъ-то пустынно раскинулась бурливая рѣка, сдерживаемая сваями; обрывки мелкихъ облаковъ быстро неслись по блѣдной синевѣ... Петръ вошелъ въ поданный ботъ одинъ одинехонекъ, сильной рукою поднялъ и закрѣпилъ мачту; парусъ трепеща надулся будто грудь могучаго лебедя, Государь взялъ весло—и судно тихо пошло противъ теченія къ домику на Городскомъ острову, нынѣ Петербургской сторонѣ.

— Слышь, Константинъ! внезапно крикнулъ Государь, оборачивая голову черезъ плечо,—токарную мою знаешь?

---

*) Цаловальниками назывались выборные пріемщики, которые не получали жалованья и вступая въ отправленіе должности цаловали крестъ, принимая присягу.

— Слыхалъ, Ваше Царское Величество, отвѣтилъ молодой человѣкъ, и сердце его дрогнуло въ предчувствіи чего-то нежданно-желаннаго.

— Приходи завтра пораньше—ты мнѣ нуженъ, сказалъ Петръ, сильно работая весломъ; ботъ покачивался, ныряя въ сизыхъ волнахъ, становясь малъ-мала-меньше, постепенно скрадывая въ глазахъ стоявшихъ на берегу образъ великана-кормчаго съ загорѣлымъ лицомъ и развѣвающимися изъ-подъ шляпы черными волосами...

На другой день утромъ Великій Государь Петръ Алексѣевичъ работалъ въ своей токарной, на Городскомъ острову. Царь то присаживался къ станку, то вставалъ.—и нога его, обутая въ кожаную ботинку съ круглымъ носкомъ, проворно и въ тактъ ударяла въ педаль. Колесо визжало и вертѣлось, такъ-что сливалось въ одинъ туманный кругъ. Подлѣ него лежала бѣлая глиняная трубка; возлѣ этой трубки на станкѣ стоялъ ящикъ съ табакомъ и кружка пива.

Царь былъ одинъ въ своей крохотной комнаткѣ и, раздумывая о своей войнѣ со Шведомъ, быстро приставлялъ подпилокъ къ куску слоновой кости толщиною въ вершокъ.

У Царя было съ часъ свободнаго времени послѣ того, какъ онъ выслушалъ докладъ, и ему хотѣлось остаться одному, для того чтобъ сообразиться.

Нога работала усердно, кость обтачивалась быстро.

—Вели войти, Государь,—раздался голосъ за дверью.

— Ушаковъ, ты? спросилъ Петръ, продолжая усиленно бить ногой по педали.

— Ушаковъ, Государь,—раздалось за дверью.

— Ну, входи.

Любимый деньщикъ Государя вошелъ и сталъ у косяка, прижавшись къ нему спиной.

— Стоятъ у тебя предъ крыльцомъ, Государь, молодцы наши; съ чужихъ сторонъ воротились — посмотри самъ: каковы.

— Зови ребятъ,—сказалъ Государь.

Ушаковъ отворилъ дверцу царской избы, которую мы называемъ теперь домикомъ Петра Великаго, и вышелъ на улицу.

— Ну-ка, ребятушки,—сказалъ онъ,—ступайте къ Царскому Величеству. Коли правы, кнута не отвѣдаете.

А Петръ все точилъ.

Трепеща всѣмъ тѣломъ, замирая всѣмъ сердцемъ и подталкивая другъ друга впередъ, вошли трое молодыхъ людей въ домикъ.

Царь бросилъ работать, повернулся на своей табуреткѣ спиной къ станку и ласково взглянулъ на молодежь.

— Который изъ васъ Римскій-Корсаковъ?—спросилъ онъ.

— Я, Ваше Царское Величество,—отвѣчалъ одинъ, а двое другихъ поклонились въ ноги.

— Изъ Французской земли?—спросилъ Петръ.

— Изъ Французской, Государь, изъ Тулона,—отвѣчалъ первый.

— Фортификаціи и артиллеріи обучался?

— По твоему приказу, Великій Государь, обучался.

— Ну, выучился?

— Сколько умишка моего хватило, Великій Государь, выучился.

— А фортецію съумѣешь начертить?—спросилъ Государь.

— Коли твое Царское Величество прикажетъ,—отвѣчалъ съ достоинствомъ Римскій-Корсаковъ, встряхивая напудреннымъ парикомъ,—такъ—не во гнѣвъ тебѣ будь сказано—въ грязь лицомъ не ударю.

— „Когда Царское Велчество прикажетъ!“ Къ тому что-ли я клоню, чтобъ вы только по приказу Царскаго Величества дѣлали?—сами дѣлайте!—Инъ ты не пугайся,—спохватился Петръ:—это я такъ, съ сердцовъ; а теперь давай-ка лучше смотрѣть, какъ ты чертежъ сдѣлалъ бы. Ты моего гнѣва не бойся. Присядь и дѣлай.

Юный Римскій-Корсаковъ замялся; онъ никогда предъ Царемъ еще не сиживалъ.

Петръ подалъ ему бумагу, готовальню, карандаши, линейки, ящикъ красокъ и задумался.

— Что-жь, Государь, чертить прикажешь?—спросилъ Римскій-Корсаковъ, пріободрясь.

— Нарву хорошо знаешь?

— Твердо знаю, Государь. У меня тамъ даже и дворъ стоитъ.

— Ну и я хорошо Нарву знаю,—сказалъ Государь.— Сядь и начерти ты мнѣ фортификацію города Нарвы, такъ-что если бы я самъ ее сталъ брать, а ты бы въ ней комендантомъ былъ, такъ чтобъ я ее взять не могъ.

— Ну, Великій Государь,—молвилъ уже совершенно пришедшій въ себя юноша,—коли ты самъ, своимъ царскимъ словомъ, велишь противъ тебя Нарву защищать, то подожди часа три; я начерчу, какъ я противъ тебя бунтовать стану.

Великій Государь всталъ, подошелъ къ нему, положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— Коли съумѣешь, молодецъ, Нарву защитить. обниму и расцѣлую тебя завтра въ ассамблеѣ, при всѣхъ. Вишь что мнѣ нужно: чтобъ завелись у насъ на Руси такіе люди, которыхъ понукать бы не нужно было.

Римскій-Корсаковъ, сотворивъ крестное знаменіе, набросалъ планъ Нарвы и сталъ окружать ее всякими бастіонами, шпицами, рвами, причемъ не пощадилъ нѣсколькихъ огородовъ, мельницу и одну подгородную слободу срылъ, обративъ ее въ кронверкъ. Другіе два молодыхъ человѣка тоже заслужили одобрѣніе Государя и имъ всѣмъ велѣно явиться на первую же ассамблею. Петръ Великій изучивъ обычаи иноземцевъ, сталъ заводить такіе же и у насъ, между прочимъ общія собранія съ танцами и игрою въ карты и кости; эти собранія назывались ассамблеями и на нихъ должны были являться жены и дочери бояръ. Теремному затворничеству пришелъ уже конецъ.

По уходѣ молодыхъ людей, явившихся изъ-за границы, царь продолжалъ еще работать; въ это время ему сказали о томъ, что по его велѣнію пришелъ Константинъ Свѣчниковъ.

— Подойди-ка сюда, молодецъ, сказалъ Петръ Константину, который натянулъ на себя кафтанъ изъ зеленаго сукна, стамедовый камзолъ, зеленые штаны и гарусные

чулки. Онъ держалъ подъ мышкой трехъугольную шляпу, не такую, что мы недавно видали на нашихъ воинахъ, а ту французскую шляпу, у которой три уголка въ три разныя стороны смотрѣли.

— Ваше Царское Величество,—сказалъ замирая отъ какого-то непонятнаго чувства Константинъ,—прислалъ ко мнѣ чтобъ я къ Вамъ явился.

И онъ преклонилъ колѣно.

— Встань,—сказалъ Петръ,—я сегодня о тебѣ вспомнилъ, и послалъ за тобою. Только ты подумай—есть у тебя голова на плечахъ?

Константинъ посмотрѣлъ Царю въ глаза, не робко, но и не дерзновенно, а просто и прямо.

— Въ смерти и животѣ моемъ ты, Государь, воленъ,—отвѣчалъ онъ покорно, и Петру почудилось во взглядѣ его именно то, что̀ сказалъ молодой человѣкъ—какая-то на всякій часъ готовность къ смерти.

— Толковый ты парень. Дамъ я тебѣ такое дѣло, для котораго голова нужна. Въ математикѣ ты показалъ мнѣ, что умень; а по тому, что́ ты дѣлаешь, руки у тебя золотыя. Обдѣлай ты мнѣ одно дѣльцо.

Константинъ слегка покраснѣлъ отъ удовольствія, но всегдашняя сдержанность не дозволила этому чувству выразиться чѣмъ нибудь посильнѣе.

— Приказывай, Государь,—проговорилъ онъ съ обычной простотой.

— Видишь,—сказалъ Петръ, подумавши минуты двѣ,—надо такъ, чтобы ни кто на свѣтѣ объ этомъ дѣлѣ не зналъ.

Царь поручилъ Константину Свѣчникову разузнать на канатной фабрикѣ одного Голландца, какія машины употребляются для выдѣлки канатовъ и почему нашимъ мастерамъ это дѣло до сихъ поръ не удавалось. Затѣмъ Петръ Великій спросилъ Константина, отчего онъ грустенъ и узналъ отъ него, что ему полюбилась дочь знатнаго и богатаго Куроѣдова, Луша, что еще въ Ростовѣ они встрѣчались, но онъ и подумать не смѣетъ за нее свататься. Государь обѣщалъ помочь дѣлу, если онъ хорошо исполнитъ его порученіе и ему тоже велѣлъ быть на ассамблеѣ.

Петербургъ того времени представлялъ собою какъ бы разрозненные члены великанскаго тѣла, разбросанные по двумъ островамъ Невскимъ, Городскому и Васильевскому, по берегу Невки, при впаденіи ея въ Неву, и на материкѣ, который обходитъ теченіе Большой Невы, заворачиваясь отъ Смольнаго двора къ устью мимо крѣпости. Восточная часть Городскаго острова уже десятка полтора лѣтъ застроилась почти сплошной массой улицъ, площадокъ, домовъ и дворовъ чуть не до самой Карповки. Пунктомъ наибольшаго движенія были такъ называемые Ростовскіе ряды за Кронверкомъ, къ которымъ вели съ разныхъ сторонъ проложенные деревянные мостки черезъ болото, отъ населенныхъ слободъ, по берегамъ двухъ Невокъ. У Ростовскихъ рядовъ стояли обыкновенно извозчики, лѣтомъ предлагавшіе одноколку для объѣзда по всему Городскому острову съ его немощенными трущобами; зимою же пошевни и санки, за безцѣнокъ по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, отхватывали безъ дальнихъ споровъ здоровые концы отъ однихъ крайнихъ слободъ въ другія,—примѣрно изъ Казачьей отъ Сада (на Выборгской, гдѣ Новый арсеналъ) къ Катерингофу на полотняные заводы,—или изъ слободки отъ Невскаго монастыря къ Городовому батальону на Выборгской. Служебная полу-знать, привезя волею-неволею сюда семьи свои для постояннаго пребыванія, пользовалась услугами подобныхъ возницъ для доставки женскаго пола на царскія ассамблеи по указу. Ѣхали чаще всего *на свѣтъ*, такъ какъ приставленная къ стеклу оконъ пара свѣчей была вѣрнымъ признакомъ мѣстонахожденія ассамблеи.

На этотъ разъ ассамблея состоялась въ Большой Дворянской улицѣ, въ длинномъ двухэтажномъ домѣ, въ 12 оконъ, съ крылечкомъ на Неву. Отъ фасада этого зданія, въ голландскомъ вкусѣ, лился свѣтъ, и рабочіе отъ подрядчика Семена Карпова, тѣснясь у крыльца, почтительно глазѣли въ освѣщенныя окна. Очередные караульные уговаривали рабочій людъ не шумѣть, боясь въ свою очередь, чтобы палка полицейскаго солдата по приказу поручика не наказала ихъ за поблажку. У подъѣзда стояло нѣсколько экипажей, и лив-

рейные лакеи тараторили на крыльцѣ, не смѣя идти далѣе по уставу ассамблеи. Фонари на чугунныхъ балясахъ, даромъ данныхъ домовладѣльцамъ, освѣщали улицу съ Невы, но перерывы переулковъ темнѣли пятнами непроницаемой мглы.

Подъ ассамблею были отведены три комнаты. Разставленныя на маленькихъ столикахъ свѣчи, хотя и хорошаго сала вологодскаго, все-таки тускло горѣли въ табачномъ дыму.

Въ послѣдней комнатѣ ассамблеи сидѣлъ самъ мастеръ Piter, въ черномъ бархатномъ кафтанѣ, на подкладкѣ объяри песочнаго цвѣта, съ обшитыми золотомъ пуговками; бѣлый галстухъ съ кружевами рѣзко выдѣлялъ его смуглый обликъ съ черными усами и блестящій взглядъ. Петръ сидѣлъ не съ русскими, а съ иностранными шкиперами и мастеровыми,— и предъ нимъ, какъ и предъ каждымъ изъ его компаніи, стояло по кружкѣ пива и у всѣхъ въ зубахъ были трубки...

— А вотъ и не бѣлоручка идетъ,—сказалъ Царь, увидя входящаго Константина. Ступай-ка сюда. Здорово. По голландски не говоришь?

Константинъ былъ самъ не свой: одно—честь была велика, а другое—съ тѣхъ поръ какъ Царь далъ ему слово, передъ нимъ словно стѣны разступились и онъ со страхомъ заглядывалъ впередъ, смутно чувствуя, что тамъ или счастье заповѣдное или конечная гибель...

— Жаль, братецъ, жаль!..

При этомъ Петръ тяжело поднялся, развелъ руками тѣснившихся у стола, и обнявъ Константина за шею, вышелъ съ нимъ во вторую комнату. Одни только игроки, углубясь въ карты, не замѣтили проходившихъ; прочіе почтительно давали дорогу.

— Слушай,—говорилъ Государь, понизивъ голосъ,—вотъ этотъ толстякъ тотъ самый Гармсенъ, о которомъ я тебѣ намедни говорилъ. Замѣть его себѣ... А покажи, гдѣ сидитъ твоя писаная красавица?

И они дошли до первой комнаты, гдѣ уже начинались приготовленія къ менуэту. Кавалеры стояли кучками въ одномъ углу; а дамы сидѣли вдоль стѣнокъ на стульяхъ, сложивъ руки подъ грудью по старому русскому обычаю. Маменьки пыхтѣли, потому-что онѣ были болѣе привычны къ перинѣ и къ лежанкѣ,—тутъ же царской волею, а не то пожалуй и милостью, должны были не только въ этотъ окаянный корсетъ затянуться, а еще и на голову взгородить высокій фонтанжъ. Дѣвицы краснѣли изъ подъ бѣлилъ и такъ сказать чопорились, но въ глубинѣ души каждая изъ нихъ была рада, что наконецъ указалъ Великій Государь не всю жизнь сидѣть у батюшки въ терему, у родимаго въ высокомъ. Дико имъ было, крѣпко дико, и въ тоже время крѣпко забавно; вотъ, дескать, и наша копѣйка не щербата. Прежде мужчины пировали въ одиночку, а наша сестра сиди себѣ да сиди взаперти, а теперь пришли новыя времена, значитъ и наша сестра къ чему-нибудь понадобилась. Страшно только, жутко. „Что скажетъ мой Екимычъ“, думала миловидная, но блѣдная молодая жена угрюмаго строителя, крѣпко-пожилаго Трезини,—„какъ подойдетъ ко мнѣ какой-нибудь кавалеръ и станетъ звать на менуэтъ да раскланиваться передо мной!“

И она искоса поглядывала на Голланокъ и Нѣмокъ, которыя тутъ же сидѣли и чулки вязали, по привычкѣ даже и здѣсь не обходясь безъ этого милаго занятія. Манерамъ ихъ дочекъ, учившихся у танцмейстеровъ, Русскія старались подражать—и внимательнымъ, женскимъ, зоркимъ окомъ оглядывали своихъ собесѣдницъ, какъ онѣ присѣдаютъ и какъ онѣ себя держатъ. Не одна спина выгибалась, чтобъ сѣсть такъ, какъ сидитъ какая-нибудь дочь мастера корабельнаго, либо шпалернаго. Ноги старались поставить не такъ, какъ въ старину на Руси онѣ ставились, подъ прямымъ угломъ, а немножко ступни выдвинуть впередъ и показать башмакъ...

Прогулка Государя съ молодымъ человѣкомъ по заламъ весьма высоко поставила Константина Алексѣевича въ глазахъ всѣхъ присутствующихъ. Несмотря на весьма простое

обращеніе Петра, все-таки оказанное имъ кому-нибудь особенное вниманіе незамѣченнымъ не проходило.

Пристально и нѣсколько подозрительно посмотрѣлъ на Константина сидѣвшій въ углу и игравшій въ шахматы герцогъ Ингерманландскій, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ... „Это кого онъ подхватилъ?“ мелькало у него въ головѣ: „въ первый разъ вижу! Или выдумалъ онъ что-нибудь въ авантажъ Россіи? коли парень не глупъ, инъ лучше его поддержать“. Онъ подозвалъ своего адъютанта и велѣлъ освѣдомиться, что за птица.

За исключеніемъ всѣхъ этихъ шкиперовъ, всякихъ корабельныхъ, канатныхъ, кузнечныхъ, слесарныхъ и другихъ мастеровъ-иноземцевъ, общество было блестящее. Тутъ были молодые и старики, и приказные изъ новыхъ коллегій, и моряки, и иностранные офицеры, и плѣнные Шведы.

— Гдѣ же,—спрашивалъ Петръ, стоя въ дверяхъ танцовальной залы,—гдѣ твоя красавица писаная?

— Ея здѣсь нѣтъ, Государь.

Петръ засмѣялся.

— И ты туда же: „Государь“... Прешкодить?.. А штрафъ-отъ „великаго орла“?

— Нѣтъ, мастеръ Piter, помилуй!

— То-то; ты помни, здѣсь мы всѣ равны.

— Только что онъ сказалъ, какъ дверь изъ передней отворилась.

— Выручай, Государь!—проговорилъ задыхаясь и мгновенно блѣднѣя Константинъ,—вотъ, это она вошла!

Онъ дѣйствительно только *ее* и видѣлъ—и совершенно не замѣтилъ, какъ слѣдомъ вошли боярыня Куроѣдова, сестра ея боярыня Болдырева, тетка ея Спѣсивцева, сноха тетки Кузнецова, дальняя родственница Кузнецовой, Пѣтухова, и еще какая-то княгиня Тулуповская,—какъ вошелъ четвероюродный по женской линіи братъ боярина старичекъ, который еще на Стеньку Разина хаживалъ,—Константинъ видѣлъ только ее одну. Оба, и Петръ и Константинъ, невольно остановились.

Изъ средины этой массы новоприбывшихъ гостей высту-

пила дѣвушка лѣтъ шестнадцати, средняго роста, бѣлая какъ снѣгъ,—не отъ бѣлилъ и румянъ, а по той странной прозрачности кожи, которая встрѣчается у нѣкоторыхъ женщинъ, такъ что при взглядѣ на нихъ вамъ иногда сдается, будто вы видите, какъ подъ этой кожей жилки сквозятъ и бьются. Волосы ея, взбитые кверху, были того рѣдкаго цвѣта, что принято называть пепельнымъ. Талія ея, затянутая въ корсетъ, колыхалась какъ на пружинахъ. Ножка въ сафьянномъ черевикѣ на высокомъ каблучкѣ то и дѣло выскакивала и пряталась; дѣвушка держала въ рукахъ вѣеръ—и увидя предъ собою Государя, отдала ему реверансъ, низко присѣвъ, но поднимаясь она такъ и зардѣлась, потому что подлѣ Государя она узнала Константина Алексѣевича Свѣчникова.

Петръ прижалъ его рукою и, поклонившись вошедшимъ, увелъ его, дрожавшаго какъ осиновый листъ, въ другую комнату.

— Ну, братъ,—сказалъ онъ ему,—губа-то, я вижу, у тебя не дура, а языкъ не лопата. Далъ я тебѣ вчера слово... Ну, да пусть будетъ по твоему—твоя такъ твоя! Какъ вошла, такъ ровно сіяніе полилось въ покои!

Въ эту секунду грянула музыка. Придворные трубачи и кларнетисты, отпускаемые на ассамблеи, заиграли тушъ. Тутъ не было артистовъ,—артистамъ въ Петербургъ и въ Россію въ ту пору ѣздить еще не приходилось; къ намъ тогда попадали такъ-себѣ простые добрые люди, кое-какіе заваляще музыканты, которымъ въ Европѣ до тошноты приходилось. Тутъ были Саксонцы, Пруссаки, плѣнные Шведы, одинъ Чехъ былъ, неизбѣжная принадлежность всякаго оркестра. Англійскій рожокъ въ то время былъ любимымъ инструментомъ.

Константинъ какъ-то невольно держался поближе къ Петру, какъ ребенокъ льнетъ къ матери, хотя Государь начиналъ уже забывать объ немъ и разсѣянно слѣдилъ за приготовленіемъ къ танцу. Лукерья сидѣла поджавши руки—и Константину въ самомъ дѣлѣ казалось, что отъ нея лился какой-то неуловимый свѣтъ и какъ бы наполнялъ залу. Какъ удавъ въ кролика впивается глазами, такъ впивался въ нее

глазами Константинъ; а она, подобно всѣмъ дамамъ, оправляла юбки и училась какъ слѣдуетъ выставлять носокъ. Вдругъ она нечаянно обернула голову къ дверямъ—и опять вздрогнула и покраснѣла. „Что за странность! теперича Константинъ и Государь? Зачѣмъ Константинъ съ Государемъ ходитъ? давича думала—это такъ случилось, дескать рядомъ стоятъ, а теперича... Разбойникъ этотъ Коська! продолжала она разсуждать,—вишь куда залетѣлъ! Вѣдь чего добраго и въ самомъ дѣлѣ замышляетъ меня сосватать! Вишь, стоитъ себѣ съ Царемъ—не боится, воръ!“

Она было отвела глаза въ сторону, но ихъ опять потянуло къ двери.

— Шушукуются,—сказала она сама себѣ.—Каковъ? А кафтанишка у него проще, чѣмъ у другихъ... Вотъ вѣдь придетъ, подойдетъ—чего добраго станетъ звать въ плясъ.

Въ эту самую минуту подошелъ къ ней братъ ея, подъ руку съ какимъ-то молодымъ щеголемъ. Куроѣдовъ былъ солдатъ Преображенскаго полка и носилъ зеленый мундиръ съ красными отворотами, съ выпуклыми мѣдными пуговицами. напудренный парикъ съ косою, штиблеты, башмаки съ крагеномъ. Но тотъ, кого онъ подвелъ къ сестрѣ—на первыхъ порахъ какъ бы ослѣпилъ дѣвушку своимъ нарядомъ, до того не походилъ онъ на прочихъ. Одѣтъ онъ былъ по послѣдней парижской модѣ и одинъ одинехонекъ въ такомъ кафтанѣ; почти всѣ прочіе гости были въ кафтанахъ довольно простого сукна и большею частію польской фабрикаціи, которая въ то время только-что заводилась въ большихъ размѣрахъ. На щеголѣ былъ кафтанъ бѣлый, объяринный въ шелковыхъ цвѣтахъ, съ бархатными красными пуговицами. вышитыми золотомъ; всѣ петли на кафтанѣ, камзолѣ и у клапановъ проложены позументомъ. Тонкія какъ паутина, алансонскія кружева, небрежно затянутыя въ петлю вокругъ шеи и спущенныя широкими концами, составляли жабо; изъ подъ рукавовъ кафтана выглядывали мелко-сплоенныя манжеты. Тѣльнаго цвѣта чулки съ яркими стрѣлками, башмаки со стразовыми пряжками, на высокихъ каблукахъ краснаго сафьяна, широкія перчатки чуть не по локоть, самой тонкой

замши, дополняли его нарядъ. Изъ кармана камзола небрежно свѣшивалась цѣпочка часовъ; въ рукѣ онъ держалъ трость, а тупей его былъ завитъ въ крупные локоны двумя ярусами надъ головой.

Только тутъ, въ другой или въ третій разъ глянувъ на лицо щеголя, Лукерья узнала своего парѣченнаго, съ которымъ бывало игрывала въ дѣтствѣ, а теперь лѣтъ пять уже въ глаза не видала.

— Луша,—сказалъ Куроѣдовъ,—помнишь-ли? прошу любить да жаловать по прежнему! Только что вернулся изъ-за рубежа, я и не чаялъ его здѣсь встрѣтить. Какъ начнутъ менуэтъ, вотъ тебѣ кавалеръ.

Римскій-Корсаковъ поклонился ей, шаркнувъ ногой, прижимая шляпу къ груди, глядя съ улыбкой на свою невѣсту.

— Здравствуй, Михаилъ Андреевичъ!—проговорила наконецъ молодая дѣвушка, вспыхивая безбокойнымъ румянцемъ и косясь въ ту сторону къ дверямъ, куда ее притягивало что-то такое, въ чемъ она сама себѣ еще не отдавала отчета.

Константинъ стоялъ блѣдный, впившись въ нее взоромъ, между тѣмъ какъ Римскій-Корсаковъ, наклонясь къ Лушѣ, что-то говорилъ ей.

Петръ глядѣлъ на молодыхъ людей, любуясь сіяющей красотою Луши. Онъ мгновенно понялъ, въ чемъ дѣло. Луша, немножко раскрывши ротъ, молчала, точно ожидая себѣ отъ кого нибудь спасенья, потому что у ней составился за нѣсколько секундъ передъ этимъ планъ: пройтись въ менуэтѣ со Свѣчниковымъ и распросить его... а о чемъ именно, ей самой было еще не въ домекъ...

Споконъ вѣку Русскіе цари любили быть сватами и женить своихъ приближенныхъ: устроить свадьбу было для нихъ величайшею утѣхою. Такъ любила устраивать свадьбы впослѣдствіи императрица Елисавета Петровна; такъ Екатерина Великая выдавала за мужъ своихъ фрейлинъ. Петръ же, въ лѣта своей юности, съ любовью брался быть посаженымъ отцемъ и шаферомъ—и теперь, прежде чѣмъ Луша успѣла опомниться отъ нежданной встрѣчи, толкнулъ расте-

рявшагося Константина и, взявъ его подъ мышки, подвелъ къ Лукерьѣ.

— Это твоя сестра, Куроѣдовъ?—спросилъ онъ брата ея.

— Моя, Государь,—отвѣчалъ Куроѣдовъ, почтительно, но съ какою-то сдержанностью, замѣтно бросавшеюся въ глаза.

— Красавица, сказалъ Петръ.—Вотъ я ей и кавалера привелъ на менуэтъ.

Куроѣдовъ поблѣднѣлъ.

— Государь... началъ было онъ.

— Здѣсь Государя нѣтъ, возразилъ Петръ,—а здѣсь есть кубокъ „великаго орла“! А ты, парень, подойди-ка сюда, обратился онъ къ Римскому-Корсакову,—ты мнѣ припомни это хорошенько—по обычаю французскаго инженера Вобана доселева ничего не начертилъ; ты потолкайся сегодня въ ассамблеѣ, а завтра, другъ любезный, приходи ко мнѣ съ чертежемъ Нарвы сколько есть готоваго.

Тотъ поклонился съ изящнымъ выгибомъ спины и милѣйшей улыбкой—точь въ точь настоящій французскій маркизъ.

— Не то что завтра, отвѣчалъ онъ,—я и сегодня готовъ, коли ты, мастеръ Piter, прикажешь...

Музыканты, послѣ краткаго отдыха, заиграли менуэтъ. Константинъ подошелъ и подалъ руку Лукерьѣ...

Маленькій антрактъ — и Константинъ, какъ вѣжливый кавалеръ, отвелъ Лушу на ея мѣсто, посадилъ на стулъ, и въ силу даннаго Царемъ приказа, усѣлся рядомъ съ нею и оглядывался, какъ всякіе Голландцы, Англичане занимали своихъ дамъ.

Куроѣдовъ и Римскій-Корсаковъ, ничего не понимавшіе, какъ-то съ недоумѣніемъ косились на юную чету, которая между тѣмъ неумолчно шепталась...

Константинъ думалъ, что она смотритъ на все это дѣло чисто по женски—труситъ и робѣетъ, что оно выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ; а извѣстно, что все, выходящее изъ

ряда обыкновеннаго —большинству женщинъ на первыхъ порахъ не подъ силу и какъ-то безпокоитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока или опостылитъ имъ, или совсѣмъ завладѣетъ ими.

Было уже около десяти часовъ,—время, когда въ Питербурхѣ тогда спать ложились,—какъ мастеръ Piter вышелъ и прошелъ мимо танцующихъ.

Дежурный деньщикъ у входа подалъ ему верхнюю одежду. Царь взялъ неизмѣнную трость, и пѣшкомъ пошелъ въ свой крошечный домикъ.

Гости стали, раскланиваясь другъ другу, расходиться.

Смущенныя поступкомъ Царя, всѣ эти тетки, свояченицы, невѣстки Лукерьи, однимъ словомъ, весь боярскій родъ Куроѣдовыхъ закопошился и сталъ собираться, прощаясь съ Константиномъ,—впрочемъ не грубо, потому что видѣли въ немъ царскаго любимца, но какъ-то со страхомъ и съ недоумѣніемъ. Самъ Куроѣдовъ подошелъ къ нему и, по мѣрѣ возможности, ласково распросилъ его, кто онъ таковъ, откуда и проч. Лукерья была блѣдна, ей было не до разговора: у ней все время въ головѣ крутились такіе канаты, какихъ никакому Гармсену, ни Константину ни свить, ни распутать. Пріѣхавъ домой, она тотчасъ легла спать,—и какъ ее ни будили по утру сѣнныя дѣвушки—не добудились. Она только открывала глаза, лепетала: „дайте спать, вчера больно изморилась“—и опять засыпала. А когда, наконецъ добудясь ее, дѣвушки стали распрашивать, ладно-ли почивала и кого во снѣ видѣла,—она вдругъ улыбнулась какой-то знойной улыбкой, заломивъ руки надъ головой и глядя задумчиво счастливыми глазами куда-то... не то внутрь себя, не то въ высь недосягаемую...

— Кого видѣла-то?—повторила она разсѣянно-ласковымъ голосомъ:—ахъ, дѣвушки-дѣвушки, кабы вы знали, *кого*!

Воротясь домой, Константинъ проворно раздѣлся, бросился въ постель, и долго вертѣлся съ боку на бокъ на мягкомъ тюфякѣ; то холодно, то жарко становилось ему, и на распросы отца о томъ, какъ онъ былъ съ Царемъ? и что́ въ ассамблеѣ было? и кто тамъ былъ? и какъ все

устроено? и пилъ-ли онъ пиво? и хорошо-ли онъ танцовалъ? онъ коротко отвѣтилъ:

— Прости, Христа ради, батюшка, завтра все разскажу...

. . . . .

Константинъ разузналъ все, что надо было, про канаты, соорудилъ такую же, какъ и у Гармсена, машину и заслужилъ царскую милость. Но Луша ему отказала. Онъ едва не помѣшался съ горя. Царь сжалился надъ нимъ и послалъ его въ чужіе края, чтобы онъ тамъ изучилъ получше свое ремесло и при этомъ разсѣялся бы. Въ попутчики и дядьки дали Свѣчникову Клементьича. По дорогѣ они пріѣхали въ городъ Кенигсбергъ.

Константинъ, проснувшись рано, вышелъ изъ гостинницы, надѣвъ свое лучшее платье—Клементьичъ съ отцемъ о туалетѣ его много заботились при отправленіи, и, по мнѣнію стараго содержателя вольнаго дома, Костя его нуждаться не могъ въ одеждѣ—но вышло совсѣмъ непредвидѣнное. День былъ праздничный, и народъ толпился вездѣ. Со своимъ костюмомъ, выфрантившійся молодой Свѣчниковъ, на улицахъ нѣмецкаго Кенигсберга, казался какимъ-то выходцемъ съ того свѣта. Кафтановъ саксонскихъ показывалось много на гуляющихъ, но сшиты они были какъ словно вырѣзаны на человѣкѣ; а на немъ сидѣло платье — мѣшокъ мѣшкомъ. Башмаки носилъ Нѣмецкій людъ все тонкіе, лакированные, съ красными каблуками, съ серебряными пряжками; а у нашего русопета—здоровая кожа заскорузлая, безъ всякаго глянца, покрой чуть не квадратный, носки разъѣхались, каблучищи чуть не пудовые. Одно слово: все не такъ, не на ту стать какъ надобно. А малый былъ примѣтливый, на ассамблеѣ петербургской не хуже другихъ.

— Вотъ оно что! Чѣмъ Лушѣ-то я не показался супротивъ Корсакова—не статенъ, да невольяженъ... Ходить не умѣю. Э, да все это пустяки! Смотри, какъ выфранчусь! И ворогу моему еще будетъ въ диковину.

Въ этихъ мысляхъ молодецъ повернулъ домой, прогулявъ часа съ три и запримѣтивъ всѣ здѣшнія особенности. Высо-

кіе дома, съ изукрашенными верхушками, да окошечками росписанными. Соборъ превысочайшій. Сады съ рѣшетчатыми фигурными заборами, набережныя чисто обдѣланныя, впрочемъ такъ же какъ и въ Петербургѣ начали. Должно быть и житье въ здѣшнихъ узкихъ да высокихъ домахъ не нашему чета? Можетъ и веселятся не въ примѣръ лучше.

Только подумалъ—глядь, на поворотѣ ѣдетъ, тихо и чинно, должно-быть свадебный поѣздъ, съ музыкой, съ цвѣтами, съ лентами! „Точно—свадьба“ рѣшилъ Константинъ и послѣдовалъ за поѣздомъ, прибавивъ шагу. Въ концѣ улицы—длинной-предлинной—свадьба остановилась у параднаго дома, а домъ-то этотъ приходился какъ разъ противъ гостинницы, гдѣ остановились наши пріѣзжіе. Придя къ себѣ, увидѣлъ передъ собою Константина—изъ окошка въ окошко и только черезъ узенькую улицу—свадебную залу, и во весь остатокъ дня. не отходя отъ окошка, смотрѣлъ какъ что́ дѣлалось на свадебно-брачномъ пиру. Черезъ Клементьича, мороковавшаго по нѣмецки, узналъ нашъ путешественникъ, кто и женился—часовой мастеръ; а выходила за него дочь торговца щепнымъ товаромъ, попросту сказать *бондаря*. А ужь великатство такое на свадьбѣ было, что и сказать нельзя! Не только невѣста—и поѣзжане всѣ въ перчаткахъ длинныхъ весь день просидѣли. Обносили гостей шоколатомъ и чаемъ. Танцевъ-танцевъ было: во всю ночь гремѣла музыка, да такая пріятная, что слушать бы ее одну—и ѣсть не хочется. Видя ходившихъ парами по залѣ Нѣмцевъ, молодыхъ, Константинъ рѣшилъ сшить себѣ такую же пару и обзавестись всѣмъ, чтобы никакъ не отстать отъ заморскаго народу ни въ чемъ; на томъ и рѣшено было. Клементьичъ не прекословилъ, объявивъ, что старикъ Свѣчниковъ далъ двѣсти рублевиковъ ему на нужды Кости, опричь царскаго положенія. Заботы о костюмѣ заняли весь слѣдующій день, а къ вечеру, возвращаясь домой, нашъ герой составилъ знакомство съ нашимъ Русскимъ, молодымъ же человѣкомъ его лѣтъ: подьячимъ изъ числа трехъ-сотъ здѣсь учившихся правамъ и нѣмецкому языку. Молодой Свѣчниковъ завелъ къ себѣ новаго

знакомаго, угостили его съ Клементьичемъ, а онъ имъ наговорилъ съ три короба: какъ здѣсь живется и что́ самое замѣчательное. Было темно и тихо совсѣмъ въ городѣ, когда разстались пріѣзжіе съ гостемъ и полегли спать. Мысли Константина теперь окончательно занялись блистательной перспективою европейскихъ порядковъ и жизни. Луша ни на одно мгновеніе не приходила на умъ воспріимчивому юношѣ, поглощенному новостью ощущеній. Вмѣсто дня Кенигсбергъ занялъ на недѣлю путниковъ; Берлинъ столько же.

А онъ еще всюду бывалъ: смотрѣлъ всякія замѣчательности, равно интересуясь блескомъ красной пыли на крыльяхъ суринамской бабочки и сложнымъ приводомъ машины, съ помощью которой вычищались амстердамскія канавы. Письма въ Петербургъ сталъ онъ писать аккуратно, увѣдомляя отца о своихъ успѣхахъ, надеждахъ, планахъ и стремленіяхъ. Отецъ, въ очкахъ, по складамъ читывалъ бывало Ивану-болвану эти сыновнія писулечки по десяти разъ на день, а все не могъ начитаться. И каждый разъ, крестясь и творя молитву Іисусову, кладя письмо, шепталъ: „Ой, что-то будетъ съ моимъ Костей!.. больно затѣйливъ, ненаглядный мой!..“ Отецъ, по приказу сына, даже два раза носилъ письмо отъ него къ Государю. И Его Величество читалъ и старика Алексѣя Нарамоновича удостоить изволилъ оба раза своимъ монаршескимъ поцѣлуемъ въ голову. „Вотъ — говорилъ — тебѣ за то, что сына мнѣ такого предоставилъ!“

Прислалъ Константинъ и свой портретъ отцу: не вдругъ узналъ старичекъ сынка, въ парикѣ высокомъ такомъ взбитомъ, съ буклями чинно прибранными. Смотрѣлъ смотрѣлъ сперва, да вдругъ какъ заплачетъ: „точка въ точку покойница моя Глафира Симоновна съ личика! Не дай Господи только, чтобы Костинька такой недолговѣкъ былъ какъ она, моя голубушка, да и вся родня ея! Вотъ какимъ бариномъ смотритъ! Фу ты, ну ты какіе брызжи выпустилъ, да все плойное дѣло! А глазки-то у сердешнаго что-то туманны! Здоровъ-ли голубчикъ?“

Сомнѣнія нѣжнаго отца были на этотъ счетъ, впрочемъ, совершенно безосновательны. При своихъ громадныхъ заня-

тіяхъ, Константинъ Алексѣевичъ Свѣчниковъ былъ здоровъ физически и мысль его росла и окрѣпла, какъ у Русскихъ людей, спознавшихся съ наукою въ ту пору. Посланникъ русскаго двора, Александръ Гавриловичъ Головкинъ, приглашалъ его къ себѣ на-домъ почасту, и вокругъ молодого Русскаго собирался кружокъ ученыхъ тамошнихъ и заводилась бесѣда дѣльная и интересная. Многіе расточали комплименты послу насчетъ ума и знаній молодого его соотечественника, но большинство скрытныхъ Голландцевъ отходили молча, съ недовольнымъ видомъ, думая про себя: совсѣмъ пропасть будетъ, когда Казеръ Питеръ обзаведется такими людьми, какъ этотъ Свѣчинкопфъ!—А нашъ Константинъ работаетъ себѣ, учится, пишетъ и только книгъ покупаетъ да на рѣдкости таровать. Клементьичъ хмурится, а въ душѣ очень доволенъ, что молодецъ, ему ввѣренный, съ одною книгою знается, хмѣльнымъ либо инымъ баловствомъ какимъ не зашибается. А время летитъ быстрѣе чѣмъ на крыльяхъ. Вотъ уже Константинъ сдалъ экзамены и писаньице свое подалъ старшему на разсмотрѣнье, а самъ сталъ объѣзжать приморскіе пункты, да подмѣчать какія тамъ ни на есть самыя первыя строенія. Пріѣдетъ, да такъ Клементьичу словно изъ мѣшка и примется выкладывать, какъ по книгѣ читаетъ: это такъ, а то этакъ. А старикъ только позѣвываетъ, креститъ ротъ, да думаетъ: „хоть-бы и кончилъ, такъ будетъ. Ну что я, старый песъ, въ премудрости-то твоей смыслю! Онъ-же думаетъ да доходитъ до всего, а нашему брату, подъ иной часъ и на умѣ не то. Недуги стали сказываться: то заболитъ или другое“. Если-же не въ объѣздъ, и нѣтъ ассамблеи какой ученой, либо чего другого занятнаго, то Константинъ нашъ Алексѣевичъ любилъ больше дома сидѣть. Горница его окнами на каналъ, обсаженный душистыми липками, такая сама по себѣ пригожая и уютная, не вышелъ бы. Все чистота—пороху нѣтъ пыли—самъ Клементьичъ смотритъ за работницей Гертрудой, чтобы все стирала до чиста и со стола, и въ углахъ, и за цвѣтниками на окошкѣ, и въ уголкахъ, и подъ кроватями даже. Старина самъ порядокъ любилъ да и работница Голландка истинно-святой человѣкъ

была; все за работой, все за дѣломъ, такъ что жилище русскаго искателя знаній было просто игрушечка. И чего тамъ не было!.. Книги все въ печатанной оберткѣ, съ краснымъ обрѣзомъ. Глобусы, реторы, скелеты, чучелы птицъ. Всего много и все это развѣшено, разложено, уставлено съ пола до потолка, на потолкѣ даже. Во весь полъ ковры посланы; по нимъ дорожки холстинныя. Рабочій столъ заваленъ грудами и книгъ и бумагъ, рисунковъ и чертежей. Краски и циркуля въ открытой готовальнѣ. Съ окошекъ луковицы цвѣтныя своего сажанья разливаютъ благоуханія да цвѣтутъ. Не вышелъ бы изъ этого гнѣзда!

Прошло нѣсколько лѣтъ. За это время, среди своихъ занятій и воспоминаній о прошломъ, Константину все же сильно приглянулась красивая Маріамна, у матери которой онъ нанималъ квартиру въ Амстердамѣ. Онъ очень ухаживалъ за молодой дѣвушкой и чувствовалъ, что и ей онъ нравится, но дѣло у нихъ еще не дошло до объясненія.

За свѣтлыми минутами въ жизни, какъ извѣстно, всегда слѣдуютъ мгновенія грустныя. Судьба какъ бы подстерегаетъ неосторожныхъ и наноситъ имъ сердечные удары тогда именно, когда они менѣе всего къ тому приготовлены. Такъ было и въ этотъ вечеръ. Послѣ прогулки Константинъ получилъ коротенькую записку отъ Головкина, приглашающую его пожаловать немедленно. Несвоевременный призывъ переполошилъ не однихъ жильцовъ, но и хозяевъ.

Почти всѣ окна помѣщенія Головкина были совершенно темны; только черезъ гардины его кабинета сквозилъ какой-то неопредѣленный свѣтъ. Подъѣздъ уже былъ запертъ, и послѣ трехъ ударовъ молотка, расположившійся было спать швейцаръ неторопливо отворилъ входъ въ жилище посланника. Хорошо знакомый съ расположеніемъ дома, Константинъ и по неосвѣщенной лѣстницѣ нашелъ ближайшій проходъ въ кабинетъ.

Привѣтливый всегда Головкинъ видимо былъ не въ духѣ, и отмѣривая широкіе шаги вдоль и поперекъ своей рабочей

комнаты, какъ-то нетерпѣливо сжималъ концы пальцевъ, видимо затрудняясь начать объясненіе о дѣлѣ, для котораго нужно было ему видѣть Константина. Посолъ былъ безъ парика, и потому гладко обстриженные волосы давали ему видъ нѣсколько рѣзкій.

— Какъ здоровъ, ваша милость?—кланяясь раза три повторилъ Свѣчниковъ, при приближеніи посла, который молча и какъ бы не обращая вниманія опять уходилъ вдаль, пока наконецъ, въ отвѣтъ на послѣднее привѣтствіе, заговорилъ, собравъ всѣ свои силы.

— Здоровъ, благодарю... Но долженъ сообщить нерадостную вѣсть—строгій приказъ... Вонъ онъ тамъ на столѣ—посмотри.

И самъ снова сталъ ходить.

Константинъ, при неполномъ свѣтѣ лампы, поставленной на столѣ, нашелъ бумагу, какъ видно скомканную отъ неудовольствія благодушнымъ посланникомъ.

Это былъ ордеръ изъ тайнаго кабинета, гласившій: *Ея Императорское Величество Высочайшимъ Своего Императорскаго Величества указомъ повелѣла:* изъ русскихъ робятъ Алексѣя Свѣчникова выслать бы вамъ изъ Голландіи немотчавъ, понеже науки его опытовъ доселѣ никакихъ не прислано, а живетъ онъ долгіе годы...

Дальше Константинъ уже не читалъ, ошеломленный и вперивъ глаза въ титулъ ордера.

— Какъ? Ея Императорское Величество? невольно выговоривъ вслухъ, взглянулъ онъ въ глаза Головкину, ожидая отъ него подтвержденія.

— Да, Константинъ Алексѣевичъ,—со вздохомъ сказалъ посолъ,—не стало великаго государя, потому-то тебя видно и требуютъ... Новые люди тебя не знаютъ, но если нужно, отговориться можно... Одно: могутъ уменьшить твой пансіонъ или совсѣмъ...

Онъ не договорилъ. Впрочемъ, тутъ же поправившись, прибавилъ: „ты мнѣ скажи, какъ твои дѣлишки здѣсь?“

Вмѣсто прямаго отвѣта на послѣдній вопросъ, нѣсколько

пришедшій въ себя Константинъ спросилъ въ свою очередь „да что же съ Государемъ-то сдѣлалось?..“

Головкинъ, и безъ того сильно боровшійся съ своимъ чувствомъ, заплакавъ ничего не отвѣтилъ, а только показалъ рукою вверхъ.

— Такъ его нѣтъ уже?—вырвалось съ какимъ-то воплемъ изъ надорванной груди Свѣчникова, съ ливнемъ слезъ.

Нѣсколько минутъ слышались одни всхлипиванія, заглушаемые вздохами. Наконецъ, нѣсколько оправившись, утеревъ слезы, Головкинъ подошелъ и, положивъ руку на плечо Константина, повторилъ прежній вопросъ: „успокойся, ты скажи мнѣ, что ты думаешь съ собой дѣлать“?

— Ѣхать!—коротко отвѣтилъ Константинъ.

— А здѣшнихъ стало быть совсѣмъ оставляешь?

— Кого?—съ невольнымъ вздохомъ спросилъ Константинъ, схватясь за грудь, какъ бы его что̀ кольнуло.

— Можетъ жаль кого будетъ изъ здѣшнихъ?—еще настойчивѣе и прямо допытываясь, кротко спрашивалъ Головкинъ, а самъ смотрѣлъ въ глаза Свѣчникова.

— О здѣшнихъ послѣ... теперь ни о чемъ не спрашивайте,—мрачно отвѣтилъ Свѣчниковъ, смотря въ землю, и самъ взялся за шляпу.

— Послѣ такъ послѣ!—провожая его до лѣстницы, дружески говорилъ посолъ,—будь увѣренъ только, что я готовъ сдѣлать что̀ пожелаешь.

Головкинъ, какъ извѣстно, былъ человѣкъ молодой еще, привлекателенъ и не отличался особенной скрытностью. Начальническаго тона также никогда не принималъ на себя, по крайней мѣрѣ съ Константиномъ, что очень естественно. Взросшій за границей, по манерамъ своимъ онъ былъ чистый европеецъ—и если впослѣдствіи отличался нерѣшительностью дѣйствій, то никто никогда не могъ пожаловаться на его холодность къ чужимъ непріятностямъ.

Константинъ шелъ домой тихой походкой, понуривъ голову. Ночь была свѣтлая, тихая; въ струившейся рябью канала золотистымъ снопомъ разбивалась отраженная луна; рѣзкія тѣни липъ черными шапками лежали по набережной; свѣжій

морской вѣтерокъ заигрывалъ съ волосами Свѣчникова. Странное что то дѣялось въ душѣ молодого человѣка. Всѣ планы его, всѣ надежды какъ будто порвались вмѣстѣ съ кончиною Великаго Государя. Но это не было то безвыходное отчаяніе, которое овладѣло Константиномъ лѣтъ пять тому назадъ, при разрывѣ съ Лушей. Тихая грусть, словно подъ ладъ этой ночи, какимъ-то сумракомъ осѣняла его душу, сильнѣе сказывалось одиночество, но умъ его не былъ подавленъ и сердце почти внятно просило чего-то вѣдомаго, о чемъ даже думать не надо было, а просто придти, протянуть руку да взять... И самая возможность желаемаго, самая достижимость его въ самомъ дѣлѣ какъ бы не давали думать о немъ... Въ мысляхъ Константина неотразимо вставалъ образъ Царя-великана, съ самой первой встрѣчи ихъ на вольномъ дворѣ, потомъ въ токарной, на ассамблеѣ, въ зимнемъ домѣ... а тамъ вдругъ все обрывалось, и сердце жутко ныло при мысли, что нѣтъ ужь болѣе Великаго Государя и ничьимъ глазамъ не глядѣть со страхомъ и упованіемъ въ его свѣтлыя очи... Собственная будущность Свѣчникова блѣднѣла предъ этимъ проявленіемъ неисповѣдимой судьбы: что значила его темная, жалкая жизнь предъ тою, которая пресѣклась нынѣ такъ нежданно негаданно?! Что станется съ отечествомъ, гдѣ еще такъ слабо привилось то, что насаждалось могучей рукою и чему Константинъ теперь вполнѣ понималъ цѣну?..

Въ такомъ настроеніи Константинъ незамѣтно очутился у двери темнаго домика съ тюльпанами по окнамъ, и машинально взявшись за молотокъ, стукнулъ имъ раза два. Тотчасъ же внизъ по лѣстницѣ зачастилъ быстрый и легкій бѣгъ чьихъ-то ногъ, дверь распахнулась, послышался звонкій смѣхъ—и въ этомъ смѣхѣ, въ бѣломъ свѣтѣ мѣсяца, передъ Константиномъ стояла веселая, рѣзвая Фреле Книфферсъ, грозя ему пальчикомъ. Рыжеватыя волосы ея выбивались колечками на лбу изъ подъ кружевного чепчика, и при лунномъ освѣщеніи казались золотыми; тонкія брови ея причудливо изгибались и двигались надъ большими свѣтлыми глазами; во взглядѣ ихъ свѣтились разомъ и радость, и любопытство, и всегда присущій дѣтски-чистый умъ, которому

всю жизнь повидимому предстояло рости какъ тюльпанамъ, нисколько не грязнясь отъ родной почвы и всасывая только лучшіе соки. Въ коротенькомъ бострогѣ и темноцвѣтной юбочкѣ, маленькая, тоненькая, подвижная Маріанна показалась Константину какимъ-то духомъ-соблазнителемъ, олицетвореніемъ призыва къ жизни... Онъ залюбовался ею.

— Какъ поздно! Я одна еще не сплю въ домѣ... Зачѣмъ васъ требовали, минъ-геръ?—спрашивала она съ улыбкой, оттѣненной крошечными ямочками на щекахъ.

Константинъ вздрогнулъ, разомъ возвращенный къ дѣйствительности; рука его невольно потянулась къ рукѣ Фреле Книффersъ, и онъ со внезапною болью въ сердцѣ выговорилъ: „приказъ ѣхать... зовутъ на родину“...

Маріанна поблѣднѣла какъ бѣлый свѣтъ мѣсяца на плитахъ крылечка и долго смотрѣла на Свѣчникова, словно не понимая...

— Такъ скоро?—прошептала она:—а у насъ еще ничего и не готово... ни бѣлье ваше... ни... Ахъ, я глупая дѣвушка!—засмѣялась она вдругъ, утирая рукавомъ брызнувшія слезы и отворачиваясь.

— Маріанна, мнѣ такъ тяжело на сердцѣ,—заговорилъ Константинъ,—точно я родныхъ покидаю...

— А я-то?.. какъ же я останусь теперь безъ васъ... милый, милый минъ-геръ Константинъ?—вырвалось у нея съ растерянной улыбкой, и не владѣя собою, она приподнялась на цыпочки, бросила руки вокругъ его шеи, и прижавшись къ ней щекою, тихонько и безпомощно плакала, забывъ про окружающее...

Все какъ бы освѣтилось въ душѣ Константина—онъ обнялъ маленькую, тоненькую Фреле и почувствовалъ то, чего никогда не чувствовалъ близь Луши: никакихъ преградъ не было между нимъ и Маріанной, оба они точно по мѣркѣ пришлись другъ къ дружкѣ и оторваться имъ нельзя—сердце изойдетъ кровью и жизнь станетъ не въ жизнь... Они оставались все въ томъ же положеніи, хотя въ верхнемъ этажѣ стукнуло окошко и ворчливый голосъ Ме фроу Эвелины, явно выражающій неудовольствіе, послышался имъ сверху...

Маріанна только взглянула въ глаза Константину, какъ бы прося его отвѣчать, а онъ пролепеталъ ей: „послѣ!.. послѣ!.. теперь все равно!“... и снова прильнулъ къ ней всѣмъ сердцемъ, всею душою.

Теплый и ясный лѣтній день, какіе на рѣдкость въ Петербургѣ, незамѣтно склонялся къ вечеру; съ моря подувалъ вѣтерокъ и, вмѣстѣ съ янтарно-розоватыми облаками, гналъ противъ теченія широкой Невы, небольшой ботъ съ поднятымъ парусомъ—мимо палатъ и хорóмъ свѣтлѣйшаго герцога Ингерманландскаго на Васильевскомъ острову. Трехэтажный домъ князя Меншикова, украшенный множествомъ статуй по фронтону, съ двумя четырехэтажными флигелями по бокамъ, его сады, равно какъ и вся часть острова на рѣку, были уже въ тѣни. За то, когда ботъ миновалъ ихъ, съ противоположнаго берега, ярко озаренные заходящимъ солнцемъ, такъ и загорѣлись шпицы Исаакія Далматскаго и Адмиралтейскій, а за ними вдали по набережной вереница каменныхъ палатъ Апраксина, Ягужинскаго, Черышева, адмирала Крюйса, Алсуфьева и Зимній домъ Ея Императорскаго Величества, какъ золотомъ залитые по безчисленнымъ окнамъ; а по ту сторону вдали надъ самой рѣкою низенько залегли каменныя стѣны крѣпости, надъ которыми тонкой иглой высилась колокольня Петропавловскаго собора....

Все это зрѣлище было такъ ново молодой женщинѣ, сидѣвшей въ ботѣ, что она только изрѣдка отрывала отъ него любопытные глаза, переводя ихъ съ улыбкою на мужа, который безъ устали толковалъ ей все, что́ она видѣла передъ собою. По платью молодая чета весьма походила на Голландцевъ, да и говорили они другъ съ дружкой по голландски.

— Вонъ, тотъ островъ, Марьяна, Васильевымъ зовутъ,—говорилъ молодой человѣкъ, показывая рукой назадъ,—Великій Императоръ намѣренъ былъ наибогатѣйше застроить, прорѣзать каналами, и укрѣпить на подобіе твоего Амстердама...

— Мнѣ съ тобою, Ко-о-стя, вездѣ будетъ Амстердамъ,—

ласково отвѣтила Маріанна, растягивая мужнино имя на голландскій ладъ.

— А вонъ въ тотъ соборъ мы сходимъ поклониться гробницѣ Великаго Государя, моего благодѣтеля, коли не довелось поблагодарить его самого!—грустно проговорилъ Константинъ, и лицо его подернулось тѣнью заботы и скорби...

Много воды утекло по широкой Невѣ съ тѣхъ поръ, какъ молодой человѣкъ оставилъ ея берега, много дѣлъ совершилось. Двадцатилѣтняя война со Швеціею, великая какъ оба соперника, ведшіе ее, кончилась Ништадскимъ миромъ и дала Россіи почти все юго-восточное Балтійское поморье. Побѣдителю поднесенъ титулъ Великаго, Отца отечества и Всероссійскаго Императора...

Великій Государь праздновалъ это торжество наравнѣ со всѣми, участвуя въ маскарадѣ, веселился, плясалъ и пѣлъ пѣсни. А потомъ совершенъ былъ и Персидскій походъ. Но тяжелые труды, душевная тревога и семейныя огорченія надломили здоровье того, кого не брали ни пули Полтавскія, ни козни стрѣлецкія. Впрочемъ, внезапной кончины Государя никто даже изъ близкихъ людей не предвидѣлъ. 7 мая 1724 г. въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, Государь, одѣтый въ роскошномъ гродетуровомъ голубомъ кафтанѣ, вышитымъ серебромъ самой Екатериной, лично короновалъ свою супругу.

На другой день, послѣ свиданія отца съ сыномъ, изъ воротъ боярскаго дома Куроѣдовыхъ потянулся длинный поѣздъ, со всею дворней и обозомъ, изъ Петербурга по Московской дорогѣ. Впереди, въ большой колымагѣ, запряженной цугомъ, везли стараго воеводу Куроѣдова, не владѣющаго правой половиной тѣла и обложеннаго подушками. Возлѣ больного помѣщалась заплаканная боярыня, а насупротивъ Луша съ мамкою. Возлѣ колымаги ѣхали верхами молодой Куроѣдовъ и Римскій-Корсаковъ. Крѣпышъ таки дождался своего; онъ провожалъ въ ростовскія помѣстья свою нарѣченную невѣсту. Уступая настояніямъ семьи, Луша,

вскорѣ по смерти Великаго Государя, изъявила покорность волѣ родительской и страстному желанію своего жениха. За пять лѣтъ, молодая дѣвушка сильно измѣнилась; она развилась до поразительной красоты, но какой-то совсѣмъ особенной, небывалой еще въ боярскомъ роду Куроѣдовыхъ и приводившей въ недоумѣніе всю семью. Яркій, живой румянецъ ея поблекъ до едва уловимаго оттѣнка на сквозящей, словно восковой бѣлизнѣ ея лица; нѣкогда кроткіе голубые глаза слегка запали, но вмѣстѣ точно выросли и въ нихъ самихъ выросло что-то новое, зрѣлое, сосредоточенное. Нѣкоторая усталость чуялась во всемъ ея существѣ, осанкѣ и обращеніи, какъ будто она долго носила въ себѣ и питала несбыточную надежду или неосуществимое стремленіе, жила ими, жила и почувствовала пустому этой жизни. Съ женихомъ своимъ она обращалась ласково и почтительно, видимо уважая его; она слегка улыбалась ему, когда онъ, равнялась съ дверцей колымаги, наклонялся съ сѣдла и заговаривалъ съ нею.

Домашніе замѣчали, что она понемногу становилась такою съ тѣхъ поръ, какъ извѣстія объ усиливающемся недугѣ Императора чаще и чаще стали доходить въ домъ Куроѣдовыхъ. Она ходила, вмѣстѣ съ матерью, поклониться тѣлу отшедшаго въ вѣчность, и при этомъ выказала величавое спокойствіе, бросавшееся въ глаза даже постороннимъ...

Римскій-Корсаковъ души въ ней не чаялъ; его особенно трогало то, что въ разговорахъ съ нимъ Луша постоянно наводила рѣчь на воспоминанія объ дѣтствѣ и отыскивала въ нихъ ту или другую привлекательную черту въ характерѣ своего суженаго.

ИЗЪ РАЗСКАЗА

П. Р. Фурмана.

„КНЯЗЬ ЯКОВЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ДОЛГОРУКОВЪ“.

Однимъ изъ достойныхъ сподвижниковъ Пѣтра былъ старый князь Долгоруковъ. Онъ вѣрою и правдою служилъ во время трехъ царствованій. Его честность, прямота и умъ были всѣмъ извѣстны. Яковъ Ѳедоровичъ занималъ разнообразныя должности и кромѣ того помогалъ Петру I въ его военныхъ походахъ. Въ войнѣ съ Швеціей онъ былъ взятъ въ плѣнъ и долго былъ на чужбинѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Шведы перевозили своихъ плѣнныхъ по морю, князю Долгорукову удалось бѣжать и вернуться въ Россію.

Князь прибылъ въ Петербургъ къ новому 1712 году, и каково было изумленіе его, когда глазамъ его представился новый городъ, такъ быстро возникшій на болотѣ, въ пустынѣ!

Петръ Великій находился въ то время въ Прутскомъ походѣ и только позже узналъ о чудесномъ освобожденіи Долгорукова.

Возвратившись въ Петербургъ, Государь обнялъ семидесятилѣтняго вельможу, и, неоднократно цѣлуя, выхвалялъ мужественную рѣшимость его. Слезы радости, восторга, пролитыя княземъ, прослезили самого Монарха.

Петръ наградилъ Якова Ѳедоровича за претерпѣнныя страданія богатыми деревнями. Лѣта князя не позволяли ему раздѣлять съ воинами славу и опасности сраженій; опытность его въ государственныхъ совѣтахъ была гораздо полез-

нѣе. Государь снова наименовалъ его генералъ-плениипотенціялъ-кригсъ-коммиссаромъ и пожаловалъ его сенаторомъ. Сверхъ того на него была возложена должность президента *Ревизіонъ-Коллегіи*, повѣрявшей всѣ государственные приходы и расходы.

Во всѣхъ этихъ должностяхъ Яковъ Ѳедоровичъ оправдалъ довѣренность Царя безкорыстіемъ, правотою, но въ особенности обезсмертилъ себя въ сенатѣ.

Князь Долгоруковъ не зналъ пословицы:

„Съ сильнымъ бороться, съ богатымъ тягаться не должно“.

Онъ неутомимо преслѣдовалъ порокъ и защищалъ угнетенныхъ. Петръ нашелъ въ немъ не только вѣрнаго подданнаго, но и нелицемѣрнаго друга.

Долгоруковъ не умѣлъ льстить: грубымъ, но всегда правдивымъ языкомъ говорилъ онъ истину Государю; безбоязненно и даже иногда дерзко противорѣчилъ ему, если дѣло касалось славы Петра или блага его государства.

Яковъ Ѳедоровичъ не забылъ словъ своего родственника и наставника Юрія Алексѣевича: *Царю правда лучшій слуга.*

У одного изъ знатныхъ вельможъ былъ пиръ, на которомъ присутствовалъ Государь.

Къ концу обѣда зашла рѣчь о дѣлахъ царя Алексѣя Михайловича.

— Славный былъ Государь,—сказалъ одинъ изъ вельможъ:—дѣянія его будутъ памятны потомству.

— Конечно,—замѣтилъ другой,—при Алексѣѣ Михайловичѣ впервые приведены законы въ порядокъ составленіемъ *Уложенія.*

— При немъ дано лучшее устройство войску,—сказалъ генералъ.

— Словомъ, онъ приготовилъ вашему величеству средства къ совершенію исполинскаго подвига!—сказалъ опять первый вельможа, обращаясь къ Государю.

— Но какая разница!—вскричалъ одинъ изъ гостей, желавшій, вѣроятно, польстить Петру: — какая разница!.. Алексѣй Михайловичъ не ввелъ ни наукъ, ни искусствъ;

онъ только исправлялъ старое, не искореняя предразсудковъ.

— Напрасно это вы говорите,—сказалъ генералъ: — при Алексѣѣ Михайловичѣ свершилися важныя дѣла.

— Не спорю,—возразилъ придворный;—но эти важныя дѣла должно скорѣе приписать Морозову, Матвѣеву и другимъ умнымъ министрамъ, а не самому Царю, между тѣмъ какъ теперь...

— Замолчи,—вскричалъ въ это время Государь, стукнувъ по столу: хулою дѣлъ отца моего и лицемѣрною мнѣ похвалою, ты болѣе меня бранишь, нежели я стерпѣть могу!

Придворный смутился.

— Я не хулю, ваше величество,—сказалъ онъ:—напротивъ, я первый готовъ сознаться, что Алексѣй Михайловичъ былъ великій, славный, знаменитый, благодѣтельный...

— Замолчи, лицемѣръ!—повторилъ Петръ и всталъ съ своего мѣста.

Подойдя къ Долгорукову, онъ облокотился на спинку стула его.

— *Дядя!* *) ты что молчишь?—спросилъ Государь.

— Я слушаю.

— Я знаю,—продолжалъ Петръ,—что ты больше всѣхъ бранишь меня, и такъ тяжко спорами своими досаждаешь, что я едва стерпѣть могу; но какъ разсужу, то и вижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того я тебя внутренно и благодарю; я знаю, что ты ладно отвѣтишь на мой вопросъ и о дѣлахъ отца моего и моихъ нелицемѣрную правду скажешь.

— Изволь сѣсть,—сказалъ Яковъ Ѳедоровичъ:—а я подумаю.

Государь сѣлъ.

Взоры всѣхъ присутствовавшихъ обратились на Долгорукова, который задумался, и по привычкѣ, гладилъ свои длинные усы.

— Государь! — сказалъ онъ, наконецъ; — вопросъ твой

---

*) Изъ уваженія къ лѣтамъ и заслугамъ Якова Ѳедоровича, Петръ часто называлъ его *дядею*.

нельзя кратко изъяснить, для того, что дѣла разныя: въ иномъ твой отецъ, а въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія нашего достоинъ.

— Но скажи въ чемъ именно?—спросилъ Петръ.

— А вотъ изволишь видѣть; славныя дѣла Государей, по коимъ они отличаются, суть три: первое, *внутренняя расправа*, важнѣйшее занятіе ваше, ибо отъ него проистекаетъ правосудіе. Въ этомъ отецъ твой больше сдѣлалъ, нежели ты... Не прогнѣвайся, Государь, я люблю правду говорить.

— Говори, говори, дядя!

— Отецъ твой далъ намъ *Уложеніе*, по коему и нынѣ мы судимся; но когда и ты этимъ займешься, то, можетъ быть, и превзойдешь его, и пора уже тебѣ о томъ подумать.

— Думаю, дядя, думаю,—сказалъ Петръ.

— Второе,—продолжалъ Яковъ Ѳедоровичъ,— *военныя дѣла*: отецъ твой много черезъ нихъ хвалы удостоился и пользу великую государству принесъ; устроеніемъ нѣсколькихъ регулярныхъ войскъ онъ тебѣ путь показалъ; но, послѣ него, люди не смысленные такъ всѣ учрежденія его испортили, что ты, почитай, все вновь сдѣлалъ и въ лучшее состояніе привелъ... Однакожь я все-таки не отдаю тебѣ преимущества.

— О! какъ можно? это несправедливо! нынче гораздо лучше,—вскричали придворные.

— Постойте, господа,—сказалъ Долгоруковъ,—конецъ войны прямо намъ покажетъ, хорошо ли то, что Государь сдѣлалъ.

— Правда, дядя,—сказалъ Петръ:—скажи же мнѣ, какое третье главное дѣло?

— Третье? Оно состоитъ *въ устроеніи флота, въ союзахъ и поступкахъ съ иностранными державами*, и въ этомъ ты принесъ большую пользу государству и далеко превзошелъ отца своего. Надѣюсь, что ты самъ это примешь за правду.

— Но не скажутъ ли и про меня, что я имѣлъ умныхъ и искусныхъ министровъ?—спросилъ Государь.

— Пускай говорятъ! Разсуждаютъ, якобы государи каковыхъ министровъ умныхъ или глупыхъ имѣютъ, таковы ихъ дѣла; это по моему вздоръ и я противно разумѣю; мудр-

рый Государь умѣетъ мудрыхъ совѣтниковъ избирать и вѣрность ихъ наблюдать. И такъ у мудраго не могутъ быть глупые министры, потому что онъ о достоинствѣ каждаго разсудитъ и правые совѣты отъ неправыхъ и вредныхъ различить можетъ.

Слова эти пристыдили придворнаго, хулившаго дѣла Алексѣя Михайловича.

Петръ всталъ, обнялъ и поцѣловалъ Долгорукова, онъ произнесъ слова Христовы:

— Благій рабе и вѣрный! Въ малѣ былъ ми есп вѣренъ, надъ многими тя поставлю!..

Построеніе Петербурга было сопряжено съ великими трудностями.

Однажды случился тамъ недостатокъ въ хлѣбѣ; въ магазинахъ оставалось не болѣе какъ на мѣсяцъ, а привоза ранѣе двухъ мѣсяцевъ нельзя было ожидать.

Голодъ угрожалъ жителямъ новаго города.

Огорченный этимъ обстоятельствомъ, Государь приказалъ сенаторамъ придумать средства къ отвращенію бѣды.

Всѣ сенаторы, исключая Якова Ѳедоровича, который былъ въ то время боленъ, собрались и по долгомъ разсужденіи рѣшили собрать по четверику съ души въ Новгородской губерніи, какъ самой ближайшей къ Петербургу.

Опредѣленіе это было представлено Петру.

Озабоченный многими другими занятіями, Государь не вникнулъ въ дѣло, подтвердилъ его и велѣлъ немедленно разослать указы.

На другой день князь Долгоруковъ, выздоровѣвъ, пріѣхалъ въ сенатъ.

— Что новаго?—спросилъ онъ.

Ему представили мнѣніе, подписанное уже всѣми сенаторами и утвержденное самимъ Государемъ.

— Вы ничего лучшаго не могли придумать?—спросилъ Яковъ Ѳедоровичъ, прочитавъ бумагу.

— Развѣ это не хорошо?—спросилъ одинъ изъ сенаторовъ.

— Никуда не годится,—возразилъ Долгоруковъ.

Сенаторы сердито посмотрѣли на него.

— Подай-ка мнѣ огня, да сюргучу,—сказалъ Яковъ Ѳедоровичъ, обратившись къ писарю.

Послѣдній исполнилъ приказаніе.

Князь собралъ всѣ изготовленные указы и, сложивъ ихъ вмѣстѣ съ опредѣленіемъ въ одинъ пакетъ, запечаталъ.

— Что вы сдѣлали?—вскричали сенаторы.

— Какъ видите,—отвѣчалъ Долгоруковъ.

— Но объясните.

— Теперь некогда,—отвѣчалъ Яковъ Ѳедоровичъ;—вы знаете, что я никогда не пропускаю обѣдни.

И, не говоря ни слова болѣе, онъ вышелъ изъ сената, сѣлъ въ свою одноколку и поѣхалъ къ Троицѣ.

Сенаторы просидѣли нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Жаль,—сказалъ наконецъ одинъ изъ нихъ,—а ему не сдобровать!

— По дѣломъ ему!—сказалъ другой:—зачѣмъ больно умничаетъ!

— Государь проучитъ *умника*!—прибавилъ третій.

Сенаторы называли Якова Ѳедоровича *умникомъ*.

— Однако, — продолжалъ второй, — медлить нельзя; надобно доложить Государю.

Сказано-сдѣлано.

Петръ находился въ это время въ адмиралтействѣ, гдѣ осматривалъ производившіяся работы.

Одинъ изъ сенаторовъ разсказалъ ему все дѣло.

— Какъ онъ смѣетъ!—вскричалъ Государь.

— Яковъ Ѳедоровичъ,—отвѣчалъ сенаторъ,—всегда дѣлаетъ такія остановки своими безпрестанными спорами, и, какъ ты самъ изволишь видѣть, Государь, дерзаетъ противиться даже повелѣніямъ вашего величества.

— Я же проучу его!—съ гнѣвомъ вскричалъ Петръ.—Поѣдемъ въ сенатъ!

— Ну!—подумалъ сенаторъ: попался Яковъ Ѳедоровичъ! не усидѣть ему теперь на мѣстѣ.

Между тѣмъ князь усердно молился въ церкви.

Вдругъ пріѣзжаетъ посланный отъ Государя и подходитъ къ Долгорукову.

— Его величество требуетъ васъ въ сенатъ.

— Слышу,—отвѣчалъ Яковъ Ѳедоровичъ,—продолжая молиться.

Посланный уѣзжаетъ, а князь остается въ церкви.

Пріѣзжаетъ другой посланный.

— Его величество требуетъ васъ немедленно въ сенатъ.

— Слышу,—отвѣчалъ князь, не трогаясь съ мѣста.

Пріѣзжаетъ третій посланный.

— Государь приказалъ вамъ немедленно явиться въ сенатъ, въ противномъ же случаѣ съ вами будетъ поступлено, какъ съ ослушникомъ верховной власти.

Яковъ Ѳедоровичъ спокойно продолжалъ молиться, повторяя только въ слухъ слова:

— Воздадите Божія Богови, а Кесарева Кесареви.

— Что прикажите донести Государю?—спросилъ посланный.

— Донеси, что видишь и слышишь.

Посланный пересказалъ все Государю.

Гнѣвъ Петра увеличился. Сенаторы, недоброжелавшіе Якову Ѳедоровичу, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы еще болѣе раздражить Государя.

— Какое неслыханно-дерзкое упорство!—говорили одни, пожимая плечами и вполголоса, но такимъ однакожь образомъ, что Государь могъ слышать слова ихъ.

Другіе же прямо обратились къ Петру.

— Ваше величество,—говорили они,—можете заключить по этой дерзости, какую мы должны сносить досаду отъ всегдашняго противорѣчія Якова Ѳедоровича.

Но вдругъ входитъ въ залу князь.

Въ изступленіи гнѣва, Петръ бросается къ нему и схватываетъ его за воротникъ.

— Ты долженъ умереть!—вскричалъ Петръ, обнаживъ кортикъ:—ты противникъ Государевъ и ослушникъ его повелѣній!

Долгоруковъ смѣло раскрылъ грудь.

— Вотъ грудь моя!—отвѣчалъ онъ спокойно:—не страшусь умереть за правду... но ты будешь *Александръ*, а я *Клитъ!*

Эти смѣлыя слова, произнесенныя твердымъ и спокойнымъ голосомъ, привели Петра въ себя; опустивъ руку, онъ отступилъ и нѣсколько секундъ пристально глядѣлъ въ глаза князю.

— Какъ ты осмѣлился,—спросилъ онъ, наконецъ, грознымъ голосомъ,—остановить мое повелѣніе?

— Не ты ли самъ,—возразилъ Яковъ Ѳедоровичъ,—велишь мнѣ представить тебѣ истину и стараться о пользѣ твоей и народной?

— Но развѣ тутъ дѣло не идетъ о пользѣ жителей Петербурга?—спросилъ Петръ.

— Нѣтъ, Государь! отвѣчалъ Долгоруковъ:—тутъ дѣло идетъ объ обременительномъ налогѣ на Новгородскихъ крестьянъ.

Еще болѣе смягченный этимъ отвѣтомъ, Государь спросилъ:

— Но гдѣ же мы возьмемъ хлѣбъ? Развѣ ты хочешь видѣть печальныя слѣдствія голода?

— Нѣтъ, Государь,—отвѣчалъ князь: Боже насъ того сохрани! Мнимая опасность эта совсѣмъ не стоитъ такого безпокойства, въ какомъ я вижу тебя и этихъ господъ, прибавилъ онъ, указавъ на сенаторовъ.

— Но гдѣ же средства къ отвращенію бѣды?

— Средства эти въ нашихъ рукахъ,—отвѣчалъ Долгоруковъ,—и стоитъ только усерднѣе подумать, такъ они и отыщутся, съ тою еще выгодою, что Новгородская губернія, наиболѣе потерпѣвшая отъ войны, не будетъ обременена новымъ налогомъ.

— Какое же это средство?—спросилъ Петръ, совершенно успокоившись.

— Изволь-ка сѣсть, Государь; я тебѣ скажу, гдѣ взять хлѣбъ.

Государь и за нимъ всѣ сенаторы сѣли.

Долгоруковъ погладилъ усы и сталъ говорить:

— Провіантъ твой будетъ сюда никакъ не прежде, какъ черезъ два мѣсяца, а запасъ истощится ранѣе мѣсяца, но у меня столько кулей муки, что на продовольствіе моего

дома хватитъ и половины; у князя Меншикова, за всѣми его расходами, какъ я заподлинно знаю, останется гораздо болѣе половины; у Генералъ-Адмирала—тоже; у другихъ господъ сенаторовъ будутъ также остатки. Расчитай же хорошенько, Государь, и ты увидишь, что этихъ остатковъ за-глаза достанетъ на двухмѣсячное продовольствіе войска и бѣдныхъ жителей.

— Правда твоя, дядя!—произнесъ Петръ, съ признательностью взглянувъ на Якова Ѳедоровича.

— Возьми же эти остатки у насъ,—продолжалъ послѣдній,—и какъ прибудетъ ожидаемый хлѣбъ, такъ ты отдашь намъ взятый въ долгъ. Такимъ образомъ никто въ накладѣ не останется. Петербургъ не потерпитъ голода; мы вмѣсто лежалой муки, получимъ свѣжую, а бѣдные крестьяне Новогородскіе не потерпятъ излишней тягости...

Сенаторы молча опустили головы.

— Не думаешь ли ты, Государь,—продолжалъ Яковъ Ѳедоровичъ,—что крестьянинъ раздѣлается однимъ четверикомъ? Нѣтъ, мало будетъ и двухъ!.. Воры комисары сыщутъ къ тому средства: они выдумаютъ, что мука дурна, прогоркла и тому подобное, и не станутъ ея принимать, а бѣдный крестьянинъ будетъ въ ноги кланяться. чтобы хоть вдвое взяли, лишь бы только не мучили!... А я уже сказалъ тебѣ, что губернія Новогородская болѣе пострадала отъ войны; многіе крестьяне съ трудомъ прокармливаютъ себя и свое семейство; посуди же самъ, какъ разорительно будетъ для нихъ это новое распоряженіе...

Петръ внимательно слушалъ умныя, благородныя слова старца.

Сенаторы молчали, повѣся головы.

— Что же вы молчите и не противорѣчите?—спросилъ наконецъ Государь, обратившись къ нимъ.—Правду-ль онъ говоритъ или нѣтъ?

— Князь говоритъ дѣльно и справедливо,—отвѣчалъ одинъ изъ сенаторовъ.

— И мы всѣ готовы отдать избытки нашего хлѣба,—сказалъ другой.

— Вижу,—заключилъ Государь, смотря на сенаторовъ,—что вамъ *можно и должно* сносить его упорство и противорѣчія.

Съ этими словами Петръ всталъ.

— А тебя, князь Яковъ,—сказалъ онъ,—благодарю отъ всей души; прошу у тебя прощенія за несправедливый гнѣвъ и признаюсь въ своей неосмотрительности... Спасибо... дядя,—продолжалъ Государь, поцѣловавъ князя въ голову: — ты, право, умнѣе меня, и не напрасно называютъ тебя *умникомъ*.

— Нѣтъ, Государь,—возразилъ растроганный Долгоруковъ:—я не умнѣе тебя; но у меня дѣла меньше, и потому есть мнѣ время обдумать, а и тутъ иногда ошибаюсь: у тебя же ихъ безъ числа, такъ и не диво, что ты иного и не обдумаешь.

Послѣ этого Государь велѣлъ распечатать свой указъ, и тутъ же при всѣхъ разодралъ.

Однажды Государь прислалъ въ Сенатъ указъ о новомъ наборѣ рекрутъ прежде установленнаго срока.

Долгоруковъ выслушалъ указъ и потомъ вскричалъ съ негодованіемъ:

— Долго ли быть этимъ наборамъ, разорительнымъ народу и государству?

— На то воля Государя,—отвѣчалъ оберъ-прокуроръ Сената.

Долгоруковъ пожалъ плечами, взялъ указъ и преспокойно положилъ его подъ сукно, которымъ былъ накрытъ столъ.

— Какъ вы осмѣливаетесь остановить исполненіе Именнаго указа?—вскричали сенаторы.

— Я знаю, что дѣлаю—отвѣчалъ князь.

Новыя жалобы Государю, и даже съ прибавленіями, полились на Якова Ѳедоровича.

Несмотря на увѣренность въ прямодушіи и честность князя, Петръ разгнѣвался и велѣлъ немедленно призвать его къ себѣ.

Долгоруковъ явился.

— Какъ ты осмѣлился остановить мой указъ?—вскричалъ Государь грозно.

— Государь,—спокойно возразилъ Долгоруковъ:—ты отецъ своихъ подданныхъ, такъ неужели не чувствуешь скорби и разоренія ихъ отъ такихъ частыхъ рекрутскихъ наборовъ?.. Неужели не трогаютъ тебя слезы отцовъ, женъ и дѣтей этихъ несчастныхъ людей?.. Неужели ты не знаешь, сколько рукъ отнимаешь отъ земледѣлія?.. Если бы хорошенько подумалъ объ этомъ, то конечно сыскалъ бы средства обойтись хоть на этотъ разъ безъ рекрутскаго набора.

Петръ задумался.

— Ты правду говоришь, дядя,—сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія;—но какое же принять средство, чтобы обойтись безъ рекрутскаго набора, когда онъ необходимъ для пополненія полковъ?

— А вотъ какое, Государь, — отвѣчалъ Долгоруковъ. — Изволишь выслушать?

— Говори, говори.

— Ты знаешь, Государь, сколько нынѣ находится рекрутовъ въ бѣгахъ; сколько ихъ скрывается въ лѣсахъ, страшась наказанія; многіе даже вдались въ воровство и разбои; отвѣдай ихъ всѣхъ простить за побѣги, и увѣрь, что буде они добровольно явятся, полгода спустя послѣ объявленія прощенія, то ни имъ, ни укрывающимъ ихъ не будетъ никакого наказанія. Я надѣюсь, что ихъ явится столько, сколько тебѣ теперь надобно.

— Добро, дядя!—сказалъ Государь;—отвѣдаю поступить по твоему, и увидимъ, будетъ ли такъ, какъ ты думаешь. А теперь поѣдемъ со мной осматривать работы.

Петръ посадилъ въ свою одноколку князя и поѣхалъ съ нимъ.

Нѣкоторыми работами Государь былъ чрезвычайно доволенъ, но другія или вовсе пріостановились, или шли слишкомъ медленно.

— Отчего эта медлительность?—спросилъ Петръ, обратившись къ главному смотрителю за работами.

— Работниковъ мало, ваше величество.

— Такъ вызвать работниковъ изъ губерній,—съ живостію сказалъ Петръ.

Услышавъ эти слова, князь Долгоруковъ покачалъ головою.

— Ты что надулся?—спросилъ Государь, насупивъ брови и обратившись къ князю.

— Пора бы уже тебѣ губерніи-то отъ этого и освободить,— спокойно возразилъ Яковъ Ѳедоровичъ.

— Такъ по твоему надобно работы остановить?..—вспыльчиво вскричалъ Петръ.

— Зачѣмъ останавливать?

— Такъ ты, что-ли, будешь работать?

Долгоруковъ посмотрѣлъ на часы и отвѣчалъ:

— Время ужь обѣдать, а хлѣбъ-соль не бранятся; пожалуй ко мнѣ, Государь, откушать, такъ я тебѣ скажу, что и работы не остановятся, и крестьянъ изъ губерній не надобно вызывать.

— Ладно, поѣдемъ; посмотримъ, что-то ты мнѣ скажешь!

Пріѣхавъ домой, Яковъ Ѳедоровичъ поднесъ Государю рюмку водки, потомъ посадилъ за столъ.

Послѣ похлебки князь сталъ говорить:

— Теперь у тебя, Государь, война съ Швеціею приходитъ, слава Богу, къ окончанію, и по крайней мѣрѣ половина твоей арміи безъ дѣла; у крестьянъ же всегда есть дѣло и трудъ ихъ составляетъ благоденствіе твоего государства. Заставь же солдатъ работать, и плати имъ тоже, что платишь другимъ работникамъ, такъ они же будутъ тебѣ благодарны... Не такъ ли? А главная выгода будетъ еще та, что солдаты, стоя на квартирахъ безъ дѣла, не избалуются.

— Спасибо, дядя!—сказалъ Петръ и съ признательностію обнялъ умнаго старика.

Польза совѣтовъ князя Долгорукова оказалась вскорѣ на дѣлѣ.

Присутствуя въ Сенатѣ, Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ продолжалъ управлять и Коммиссаріатомъ.

Однажды надобно было выдать сукна на плащи полка князя Меншикова; но оказалось, что *синяго* сукна не было; *зеленое* же отпускалось только гвардейскимъ полкамъ.

Но такъ какъ дѣло это не терпѣло отлагательства, то князь рѣшился выдать зеленое сукно.

Меншиковъ, не зная причины этого отличія, остался очень доволенъ.

Прошелъ срокъ и опять потребовалось сукно.

Недостатокъ былъ, между тѣмъ, пополненъ и Яковъ Ѳедоровичъ по прежнему велѣлъ выдать синее сукно.

Меншиковъ счелъ это за личную обиду.

Князь Яковъ Ѳедоровичъ собирался въ одно утро въ Сенатъ, когда ему доложили, что къ нему явился одинъ изъ полковниковъ Меншикова полка.

Долгоруковъ вышелъ къ нему.

— Что тебѣ надо?—спросилъ онъ.

— Я пришелъ отъ князя.

— Ну?

— Его свѣтлость просить васъ дать имъ знать, для чего на полкъ его отпущено сукно не того... не того... не того...

— Чего, не того?

— Не того *калибра*!—отвѣчалъ полковникъ, не упомнившій слова *колеръ*, сказаннаго ему Меншиковымъ.

— Что ты говоришь?—спросилъ князь.

— Сукно не того *калибра*,—повторилъ полковникъ.

— Глупъ, братъ, ты!—сказалъ Яковъ Ѳедоровичъ;—да и тотъ глупъ, кто тебя и въ полковники-то произвелъ! ступай съ Богомъ.

Яковъ Ѳедоровичъ зналъ, что этотъ полковникъ былъ человѣкъ пустой и ничтожный, выслужившійся только наушничествомъ и поклонами.

Обиженный полковникъ передалъ начальнику своему слова князя.

Меншиковъ скрылъ гнѣвъ свой, но рѣшился при первомъ же случаѣ отомстить Долгорукову.

Случай этотъ скоро представился.

Петръ, приступивъ къ учрежденію флота, возложилъ на знатнѣйшихъ вельможъ обязанность содѣйствовать ему въ этомъ великомъ государственномъ дѣлѣ: каждому сенатору было повелѣно надзирать за строеніемъ одного изъ кораблей.

Нѣсколько дней спустя послѣ разсказаннаго происшествія, на Адмиралтейской верфи происходило празднество, по случаю спуска корабля князя Меншикова, который, имѣя болѣе средствъ, нежели другіе сенаторы, кончилъ свой корабль прежде всѣхъ.

Государь былъ чрезвычайно веселъ и нѣсколько разъ благодарилъ своего любимца.

Меншиковъ не былъ любимъ Долгоруковыми; одинъ Яковъ Ѳедоровичъ, никогда не вдававшійся въ придворныя интриги, не возставалъ противъ князя Ижорскаго. Несмотря на то, Меншиковъ, думая, что и онъ недоброжелалъ ему столько-же, какъ и всѣ родственники его, рѣшился отомстить ему.

На спущенномъ кораблѣ было накрыто нѣсколько столовъ. За однимъ изъ нихъ сидѣлъ Государь.

Въ то самое время, какъ онъ съ похвалою отзывался о дѣятельности Меншикова, послѣдній подвелъ къ нему полковника.

— Государь,—сказалъ князь Ижорскій,—позвольте представить вамъ человѣка, много содѣйствовавшаго успѣшному построенію корабля.

— Хорошо,—отвѣчалъ Государь весело:—подумай о томъ, какъ наградить его.

Полковникъ бросился въ ноги Петру.

— Прошу защиты у вашего величества! вскричалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Защиты!—повторилъ Петръ съ изумленіемъ.—Противъ кого?

Полковникъ сначала колебался, потомъ отвѣчалъ тихимъ голосомъ:

— Не смѣю говорить, ваше величество... Меня обидѣлъ знатный и сильный вельможа.

— Все равно!—произнесъ Петръ, насупивъ брови:—я не разбираю ни знатности, ни силы! Въ судѣ такихъ различій нѣтъ: тамъ есть только правый и виноватый!

Полковникъ продолжалъ кланяться Государю въ ноги.

— Государь,—сказалъ Меншиковъ:—я знаю, на кого жалуется полковникъ...

— Такъ говори, коли знаешь.

— На князя Якова Ѳедоровича Долгорукова.

— На Якова?

— За то, что онъ назвалъ его *дуракомъ*.

— За что?

— Безъ всякой причины. Яковъ Ѳедоровичъ сказалъ еще, что и тотъ дуракъ, кто его въ полковники произвелъ.

Петръ вскочилъ съ гнѣвомъ.

Долгоруковъ сидѣлъ въ это время за другимъ столомъ и спокойно бесѣдовалъ съ пріятелями.

Вдругъ къ нему подошелъ адъютантъ его и сказалъ ему на ухо, что Меншиковъ пожаловался на него Государю.

— Пусть ихъ жалуются, какъ хотятъ,—отвѣчалъ князь, презрительно пожавъ плечами.

Въ то же мгновеніе его ударилъ кто-то по плечу.

Яковъ Ѳедоровичъ оглянулся; за нимъ стоялъ Государь.

— Давно ли я у тебя въ дураки попалъ? — спросилъ Петръ строго.

— Я тебя не понимаю, Государь,—отвѣчалъ Долгоруковъ.

— Не ты ли говорилъ присланному отъ Меншикова полковнику, что онъ дуракъ?

— Я.

— А не говорилъ ли ты ему, что глупъ и тотъ, кто произвелъ его въ полковники?

— Говорилъ.

— Произвелъ его я!—вскричалъ Петръ гнѣвно: — стало быть я у тебя дуракъ.

— Зачѣмъ,—спокойно возразилъ Долгоруковъ; — зачѣмъ Меншиковъ не принялъ этого на себя, а свалилъ на тебя, Государь?

— За тѣмъ, что ты такъ сказалъ.

— Нѣтъ, Государь,—сказалъ Яковъ Ѳедоровичъ,—этого ты на свой счетъ принять не долженъ; ты знаешь, какъ я тебя разумѣю; а это сказано мною о Меншиковѣ, который дурака того изъ ничтожества взявъ, довелъ до подполковниковъ и которого ты, по убѣжденію Меншикова же, пожаловалъ въ полковники; но ты бы, по правдѣ своей, конечно, не по-

жаловалъ бы его въ такой чинъ, если бы Александръ Даниловичъ похвалою службы его къ тому тебя не убѣдилъ: но спроси, гдѣ онъ служилъ и чѣмъ себя отличилъ, и всѣ его заслуги окажутся только въ коварномъ ласкательствѣ и паушничествѣ ему, князю Александру.

Слова эти поразили Государя; онъ помолчалъ, потомъ спросилъ:

— Правду ли ты говоришь?

— Прикажи изслѣдовать,—отвѣчалъ Долгоруковъ.

— Хорошо, дядя,—сказалъ Петръ;—я велю все изслѣдовать.

Потомъ, отвернувшись, прибавилъ:

— Учинить слѣдствіе, а полковника заключить пока въ крѣпость.

Этотъ оборотъ дѣла сильно огорчилъ Меншикова.

Надъ заслугами и дѣлами полковника былъ паряженъ судъ.

Несмотря на то, что судьи старались услужить Меншикову, они никакъ не могли скрыть того, что полковникъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ никакихъ заслугъ.

Ему приходилось такъ плохо, что Меншиковъ, желая спасти своего любимца, долженъ былъ ѣхать къ князю Якову Ѳедоровичу и просить его помощи.

Долгоруковъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, когда къ нему пріѣхалъ князь Ижорскій.

Ласково и вѣжливо принявъ и усадивъ послѣдняго, Яковъ Ѳедоровичъ спросилъ его:

— Что угодно вашей свѣтлости?

— Яковъ Ѳедоровичъ,—сказалъ Меншиковъ,—вы не сдѣлали несчастливымъ ни одного человѣка, за что же вы губите полковника, ни въ чемъ не провинившагося предъ вами?

— Не я его гублю,—отвѣчалъ князь,—а ты самъ; ты, вѣроятно, совсѣмъ не то велѣлъ сказать ему, что онъ совралъ; за то и назвалъ я его дуракомъ. Тебѣ бы слѣдовало переговорить со мною, а не жаловаться Государю. Я бы объяснилъ тебѣ все дѣло.

— Признаюсь, Яковъ Ѳедоровичъ, я виноватъ предъ вами,—сказалъ Меншиковъ,—но прошу васъ, пощадите и не губите несчастнаго человѣка.

— Хорошо,—возразилъ князь,—но съ однимъ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Я заступлюсь за твоего полковника только тогда, когда поспѣетъ мой корабль.

— До этого времени еще далеко!—сказалъ Меншиковъ.

— Нѣтъ; мой корабль скоро поспѣетъ, ежели ты поможешь мнѣ въ работникахъ, которыхъ у меня маловато, а достать ихъ не могу. Хочешь?

— Съ радостію, князь!..—отвѣчалъ Меншиковъ:—я тотчасъ же распоряжусь.

Въ тотъ же день князь Ижорскій прислалъ всѣхъ своихъ работниковъ на корабль Долгорукова.

Работа пошла живо, быстро; и черезъ нѣсколько дней корабль былъ готовъ къ спуску.

Онъ былъ спущенъ на воду въ присутствіи Петра и Екатерины; потомъ на немъ, какъ и на кораблѣ Меншикова, данъ былъ обѣденный столъ строителямъ и почетнымъ гостямъ.

Государь былъ чрезвычайно веселъ и доволенъ; и, послѣ обѣда, взявъ государыню за руку, подвелъ ее къ Долгорукову.

— Катенька,—сказалъ онъ,—полюби дядю нашего столько же, сколько я его люблю! Дядя намъ больше другъ, нежели подданный; никто насъ столько не любитъ, какъ онъ; всегдашняя правда, говоренная имъ мнѣ, и ревность его къ отечеству, доказываютъ это ясно!

Государыня милостиво протянула руку къ благородному старцу и онъ облобызалъ ее, растроганный до слезъ.

— Проси, другъ мой, проси у меня, что тебѣ угодно; я все для тебя сдѣлаю.

— Точно ли ты сдѣлаешь то, о чемъ я тебя попрошу?—спросилъ Долгоруковъ.

— Сдѣлаю.

— Такъ прости же арестованнаго полковника... Другой просьбы я не имѣю.

Государь похвалилъ великодушіе Якова Ѳедоровича и исполнилъ просьбу его.

Полковника освободили изъ-подъ ареста, но отправили комендантомъ въ дальнюю крѣпость...

Въ послѣднихъ числахъ іюня 1720 года, берега Невы были покрыты народомъ.

Глаза всѣхъ съ печалію были обращены на рукавъ Невы, начинающійся у крѣпости и образующій Малую-Неву.

Несмотря на то, что стеченіе народа было велико, никто не прерывалъ глубокой тишины.

Вдругъ съ Петропавловской крѣпости раздался пушечный выстрѣлъ, и, въ тоже мгновеніе, подъ стѣнами крѣпости проѣхалъ ботъ, весь обитый чернымъ бархатомъ съ серебряными галунами.

Посреди этого бота, подъ богатымъ балдахиномъ стоялъ гробъ, окруженный духовенствомъ.

Впереди плыла лодка съ пѣвчими, а сзади небольшая шлюпка, въ которой, кромѣ гребцовъ, стоялъ только одинъ мужчина, величественнаго вида, въ черномъ платьѣ и съ выраженіемъ глубокой печали на лицѣ.

Это былъ Петръ Великій.

За нимъ слѣдовало еще множество лодокъ, наполненныхъ особами царскаго дома и знатными вельможами.

Долго тянулась печальная процессія.

Уныло разносилось по водѣ погребальное пѣніе, прерываемое пушечными выстрѣлами и сопровождаемое колокольнымъ звономъ.

Проѣхала послѣдняя лодка.

Толпа на берегу заколыхалась.

— Миръ праху твоему, добродѣтельный мужъ,—произнесъ въ толпѣ мужчина, снявъ шапку и перекрестившись;—ты защитилъ меня отъ притѣсненій сильнаго; ты не допустилъ неправдѣ восторжествовать надъ правдою!

— Вѣчная память тебѣ, истинно русскій вельможа!—сказалъ купецъ, также снявъ шапку: — ты поддержалъ нашу русскую торговлю.

— Царствіе тебѣ Небесное, покровитель вдовъ и отецъ сиротъ!—сказала женщина въ траурѣ, положивъ руки на голову двухъ дѣтей:—ты спасъ моихъ сиротъ отъ нищеты!..

И чистыя слезы признательности, слезы, драгоцѣннѣйшія алмазовъ, послужили данью *народа* памяти Якова Ѳедоровича Долгорукова.

ИЗЪ ПОВѢСТИ

П. Р. Фурмана.

„А. Д. МЕНШИКОВЪ“.

Стрѣльцы все еще не унялись. Въ 1695 году они составили новый заговоръ и вотъ что было ему причиной:

Царь Петръ Алексѣевичъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы образовать своихъ подданныхъ и сколь возможно болѣе сблизить Россію съ прочими просвѣщенными государствами Европы. Для лучшаго достиженія этой цѣли, онъ послалъ съ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ въ иностранныя государства многихъ боярскихъ дѣтей, для изученія неизвѣстныхъ еще тогда въ Россіи наукъ.

Кромѣ пользы отечества мѣра эта имѣла еще ту цѣль, чтобы отсутствіе изъ государства этихъ дѣтей послужило обузданіемъ буйныхъ отцовъ, имѣвшихъ довольно власти для удержанія мятежей.

Но это мудрое распоряженіе возбудило общій ропотъ въ народѣ. Всѣ говорили, что это дѣло неслыханное, противное закону Божію и законамъ прежнихъ государей; даже нѣкоторыя духовныя особы, закоснѣлыя въ древнихъ суевѣрныхъ предразсудкахъ, старались подтвердить и какъ бы оправдать общій ропотъ изреченіями Священнаго Писанія, въ коемъ воспрещалось Израильскому народу имѣть сообщенія съ иноплеменниками; они же говорили, что странствованіе людей православныхъ по еретическимъ землямъ нанесетъ вредъ вѣрѣ и православному исповѣданію.

Бояре одобряли народное негодованіе, особливо тѣ, которые придерживались стороны царевны Софіи. Они даже старались составить заговоръ, въ чемъ и успѣли. Начальниками заговора были, разумѣется, стрѣльцы, и одинъ изъ главныхъ былъ стрѣлецкій полковникъ Цыклеръ.

Петръ I имѣлъ великій даръ правителя находить полезныхъ государству людей и съ перваго взгляда угадывать между ними способнѣйшихъ къ тому или иному дѣлу. При немъ зачастую люди ничтожнаго званія и совсѣмъ молодые достигали высшихъ должностей и царскихъ милостей. Въ числѣ ихъ былъ извѣстный Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Судьба его замѣчательна. Мальчикомъ онъ продавалъ на улицѣ прохожимъ пирожки, былъ замѣченъ юнымъ Государемъ и за расторопность и умъ былъ взятъ въ одинъ изъ «потѣшныхъ» полковъ. Царь угадалъ въ немъ недюжинныя способности. Меншиковъ быстро заслужилъ чинъ офицера и сталъ возвышаться. Скоро личная заслуга Государю еще больше его возвеличила.

Меншиковъ шелъ разъ вечеромъ мимо дома Цыклера, гдѣ было большое освѣщеніе и собраніе стрѣльцовъ. Любопытство подтолкнуло его узнать, что тамъ такое происходитъ. Онъ перепрыгнулъ черезъ заборъ и подошелъ къ крыльцу, но вышедшіе изъ дома два человѣка заставили его притаиться и волей-неволей услышать ихъ разговоръ. Они говорили о томъ, что ихъ измучила совѣсть и что они рѣшились донести Царю о новомъ заговорѣ, главою котораго былъ Цыклеръ. Меншиковъ хотѣлъ немедленно броситься къ Государю въ Преображенское, чтобы успѣть предупредить его, но дворовыя собаки почуяли его и выдали Цыклеру, вышедшему на ихъ лай узнать, что такое случилось? Виновникъ чуть-чуть не погибъ отъ рукъ испуганныхъ заговорщиковъ, но извернулся хитростью и поспѣшилъ предупредить Петра.

Едва проснулся Петръ Алексѣевичъ, на другой день послѣ разсказаннаго нами происшествія, какъ Меншиковъ вошелъ къ нему въ спальню и разсказалъ о злодѣйскомъ замыслѣ стрѣльцовъ. На вопросъ Царя, какимъ образомъ онъ узналъ объ этомъ замыслѣ, Меншиковъ разсказалъ происшествіе.

Петръ обнялъ его съ восторгомъ, радовался его уму и благодарилъ за преданность.

Высказавъ молодому человѣку всю свою признательность, Царь задумался. Брови его насупились; тяжкая дума омрачила высокое чело.

Всѣ дѣйствія молодого Государя клонились къ общей пользѣ и къ прославленію Россіи; зачѣмъ же эти люди не хотятъ понять благихъ намѣреній его и безпрестанно возстаютъ противъ нихъ?.. Неужели этому не будетъ конца?.. Неужели всегда онъ будетъ встрѣчать препятствія, основанныя на грубыхъ предразсудкахъ, на варварскомъ суевѣріи?

— О, нѣтъ, нѣтъ!—невольно вскричалъ Петръ, какъ-бы въ отвѣтъ на свою тайную мысль: Богъ даровалъ мнѣ власть, силу и умъ для того, чтобы они служили мнѣ для общаго блага моего народа, а благо это требуетъ искорененія зла, таящагося въ невѣжествѣ этихъ людей!.. Благодарю тебя, Меншиковъ, — продолжалъ Царь, обращаясь къ своему любимцу: благодарю! Я сейчасъ приму свои мѣры противъ этихъ злодѣевъ!

И сѣвъ къ столу, Петръ написалъ секретную записку къ капитану Лопухину, приказывая ему собрать всю свою роту потихоньку, и около одиннадцати часовъ передъ полуночью подступить къ дому Цыклера, окружить его и захватить всѣхъ, кто тамъ будетъ.

Петръ былъ такъ взволнованъ, что въ забывчивости написалъ *одиннадцать часовъ*, между тѣмъ какъ намѣреніе его было приказать Лопухину исполнить все это въ *десять часовъ*.

Наступилъ вечеръ.

Полагая, что капитанъ уже на мѣстѣ, царь Петръ Алексѣевичъ ровно въ десять часовъ велѣлъ позвать Меншикова, сѣлъ съ нимъ въ одноколку и поѣхалъ къ дому Цыклера.

Подъѣхавъ къ нему, Царь крайне изумился, увидавъ, что вокругъ дома царствовала глубокая тишина; нигдѣ незамѣтно было ни малѣйшаго движенія; ни вокругъ дома, ни въ окрестностяхъ его не было живой души.

— Это что́ значитъ? — спросилъ Царь, останавливая лошадь и обратившись къ Меншикову.

— Не понимаю, Государь,—отвѣчалъ Меншиковъ съ невольнымъ безпокойствомъ.

— Вѣрно караулъ вошелъ уже въ домъ,—сказалъ Петръ, быстро выскочивъ изъ одноколки.

Меншиковъ послѣдовалъ за нимъ, наскоро привязалъ лошадь къ столбу и вслѣдъ за Царемъ вошелъ во дворъ.

Калитка была не заперта, потому что въ этотъ вечеръ сходились къ Цыклеру злоумышленники.

На дворѣ все было тихо.

Петръ пожалъ плечами, но, не останавливаясь ни минуты, взошелъ прямо на крыльцо въ сопровожденіи своего вѣрнаго Меншикова, а оттуда въ комнату собранія заговорщиковъ.

Послѣдніе тихо разговаривали между собою, условливаясь на счетъ того, какъ имъ поступать, и выпивая стаканъ за стаканомъ пива или вина, чтобы придать себѣ бодрости.

Вдругъ дверь отворилась... нѣкоторые изъ стрѣльцовъ подняли головы... раздался громкій крикъ изумленія и испуга.

На порогѣ стоялъ стройный, высокій молодой Царь ..

Петръ самъ крайне изумился и разгнѣвался, увидавъ, что стража его еще не пришла. Но, скрывъ свое минутное смущеніе, онъ вошелъ въ горницу со свойственнымъ ему неустрашимымъ мужествомъ.

Стрѣльцы встали и низко поклонились Государю.

Цыклеръ схватился уже за ножъ, бросивъ свирѣпый взглядъ на Меншикова; но послѣдній, стоя за Петромъ, дѣлалъ ему знаки, которыми убѣждалъ его подождать и объяснялъ, что онъ самъ привелъ Царя въ ихъ руки.

Стрѣлецкій полковникъ успокоился.

— Здравствуй, Иванъ Петровичъ,—сказалъ ему Петръ, нимало не показывая своего внутренняго волненія: у тебя, пріятель, весело!

— Пріятели собрались побесѣдовать,—отвѣчалъ Цыклеръ, низко кланяясь: но по какому случаю имѣю я счастіе зрѣть у себя въ домѣ твою царскую милость?...

— Вотъ Александръ,—благосклонно отвѣчалъ Петръ, указывая на Меншикова,—непремѣнно захотѣлъ, чтобы я поѣхалъ съ нимъ прогуляться; проѣзжая мимо твоего дома, я замѣ-

тилъ столь великій свѣтъ въ твоихъ окнахъ, что подумалъ, конечно-де у хозяина пирушка; а такъ какъ спать еще рано, да я же, признаться сказать, отъ веселой, дружеской и умной пирушки не прочь, то и заѣхалъ къ тебѣ въ гости.

— Много милости, много милости!—говорилъ Цыклеръ, клапяясь чуть не въ ноги.—Просимъ покорно садиться!

— Спасибо, спасибо, хозяинъ!—сказалъ Петръ, садясь на скамью и осматривая присутствующихъ: — Э! да здѣсь все знакомые? Что ты, Соковнинъ, раскраснѣлся? Видно у тебя отъ пива кровь въ голову бросилась?

Соковнинъ, другой стрѣлецкій полковникъ, принужденно улыбнулся, хотѣлъ что-то сказать, но языкъ не повернулся, и онъ пробормоталъ нѣсколько несвязныхъ словъ.

— А ты, Пушкинъ, что такой блѣдный? Видно, нездоровъ? Надобно беречься, любезный; ты человѣкъ дѣльный; сестрица моя, царевна Софья Алексѣевна, тебя особенно хвалитъ, а потому и я дорожу тобой.

— Я ничѣмъ не заслужилъ такой милости,—угрюмо отвѣчалъ Пушкинъ.

— Не заслужилъ, такъ заслужишь,—сказалъ Петръ, улыбаясь.—Да что же вы замолкли? Неужели я помѣшалъ вамъ? А Меншиковъ увѣрялъ меня, что вы будете рады мнѣ, какъ дорогому гостю!

— Да какъ же намъ и не радоваться!—сказалъ Цыклеръ, успѣвшій уже совершенно опомниться; схвативъ большую кружку, онъ сталъ наполнять стаканы пѣнистымъ пивомъ и вскричалъ: За здоровье нашего возлюбленнаго царя Петра Алексѣевича! Дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать и царствовать!

— За здравіе!—повторили стрѣльцы, схвативъ стаканы.

— Благодарю васъ, мои вѣрные слуги!—отвѣчалъ Петръ, взявъ также стаканъ.

Въ то самое время, какъ онъ пилъ, къ Цыклеру приблизился одинъ изъ стрѣльцовъ и шепнулъ ему:

— Пора, братъ!

— Нѣтъ еще!—отвѣчалъ стрѣлецкій полковникъ шопотомъ же.

Петръ Алексѣевичъ, слѣдившій за всѣми движеніями злоумышленниковъ, слышалъ слова ихъ. Видя, что рѣшительная минута наступила, онъ вскочилъ и со всего размаха ударилъ Цыклера въ лицо, такъ что тотъ повалился навзничь.

— *Ежели тебѣ еще не пора*—вскричалъ Петръ грознымъ голосомъ: *такъ мнѣ теперь пора!*

Стрѣльцы на мгновеніе смутились, но одинъ изъ нихъ съ быстротою молніи схватилъ ножъ и бросился на Петра.

Быть можетъ убійца и исполнилъ бы свое злодѣйское намѣреніе, еслибъ Меншиковъ не заслонилъ своею грудью Петра и не схватилъ руки убійцы.

— Стража, сюда!—вскричалъ Царь громовымъ голосомъ невольно и какъ будто бы только для того, чтобы испугать злоумышленниковъ.

Но слова его, повидимому, имѣли волшебную силу: въ ту же минуту растворилась дверь и въ горницу вошелъ капитанъ Лопухинъ со всею командою.

— Вяжите ихъ!—вскричалъ Царь.

Злоумышленники упали на колѣни, моля о пощадѣ, которой не заслужили по своимъ злодѣйскимъ замысламъ.

Въ то время, какъ ихъ связывали, Царь съ гнѣвомъ обратился къ Лопухину и сталъ укорять его въ томъ, что онъ не явился въ назначенный часъ. Капитанъ въ оправданіе свое показалъ Государю собственноручную записку, въ которой онъ ошибся цѣлымъ часомъ.

— Извини, Лопухинъ,—сказалъ Петръ, поцѣловавъ капитана въ лобъ,—ты исправный, честный офицеръ и я не забуду тебя. Отдаю тебѣ подъ строжайшій надзоръ этихъ злодѣевъ. Теперь пойдемъ, Александръ, мы свое дѣло сдѣлали.

— Нѣтъ еще, не совсѣмъ, Государь,—отвѣчалъ Меншиковъ: надобно освободить двухъ несчастныхъ, сидящихъ въ подвалѣ и заслужившихъ своимъ раскаяніемъ прощеніе.

— Правда,—сказалъ Петръ,—притомъ же страхъ, въ которомъ они находятся со вчерашняго вечера, не зная, чѣмъ рѣшится участь ихъ, можетъ послужить имъ наказаніемъ.

Кто опишетъ радость несчастныхъ заключенныхъ, когда ихъ освободили и когда имъ объявили о помилованіи? Рыдая,

цѣловали они ноги Великаго Царя, а одинъ изъ нихъ, человѣкъ молодой еще, по имени Иванъ Семеновъ, поклялся вѣчно служить Меншикову.

Мы увидимъ впослѣдствіи, сдержалъ ли онъ слово.

Главные заговорщики были преданы суду, а потомъ казнены смертію.

Меншиковъ же вошелъ еще въ большую милость своего Государя. Съ того времени Петръ допустилъ его участвовать во всѣхъ совѣтахъ и обходился съ нимъ такъ же благосклонно, какъ съ Лефортомъ, заключившимъ съ облагодѣтельствованнымъ имъ молодымъ человѣкомъ тѣсную, неразрывную дружбу.

Нѣсколько времени спустя послѣ того, Петръ предпринялъ путешествіе по Европѣ и взялъ Меншикова съ собою. Александръ Даниловичъ былъ вмѣстѣ съ Царемъ въ Ригѣ, въ Кенигсбергѣ и разныхъ другихъ городахъ: въ Амстердамѣ, въ Саардамѣ, въ Лондонѣ. Онъ сопровождалъ Царя въ Англійскій парламентъ, гдѣ король сидѣлъ на тронѣ, а всѣ знатнѣйшіе вельможи окружали его. Оттуда онъ поѣхалъ съ Монархомъ въ Германію, Дрезденъ и Вѣну, присутствовалъ на маскарадѣ, данномъ въ честь сѣвернаго монарха Германскимъ императоромъ; ѣздилъ въ Пресбургъ, Баденъ и другіе города, а вскорѣ потомъ возвратился съ Его Величествомъ въ Россію.

Въ 1699 году, въ бытность свою въ Воронежѣ съ Государемъ, для обозрѣнія новаго, строившагося тамъ флота, Меншиковъ узналъ о смерти своего благодѣтеля Лефорта и вмѣстѣ съ Государемъ немедленно воротился въ Москву отдать послѣдній долгъ достойному человѣку.

Смерть Лефорта открыла Меншикову путь къ новымъ, высшимъ почестямъ, ибо до того времени онъ всегда оказывалъ Лефорту глубокое почтеніе и, какъ первому благодѣтелю своему, виновнику своего счастія, всегда старался быть истинно признательнымъ.

Пользуясь благоволеніемъ Монарха, Меншиковъ вскорѣ

былъ пожалованъ генералъ-маіоромъ, губернаторомъ Псковскимъ и получилъ въ подарокъ многія вотчины. Цѣня заслуги и дарованія его, Государь почти ни въ чемъ не отказывалъ ему.

Около того же времени Меншиковъ вступилъ въ законный бракъ съ дѣвицею Дарьею Михайловною, изъ древней русской фамиліи Арсеньевыхъ...

Быстро повышался Меншиковъ, но зато велики были и заслуги его. Преисполненный глубочайшей признательности за всѣ милости Государя, Меншиковъ пришелъ однажды къ Царю и со слезами на глазахъ, въ простыхъ, но тѣмъ болѣе краснорѣчивыхъ словахъ старался выразить ему свою благодарность.

— *Ты симъ мнѣ не долженъ,—отвѣчалъ Великій Петръ: возвышая тебя, не о твоемъ счастіи я думалъ, но о пользѣ общей; и еслибъ я зналъ кого достойнѣе тебя, конечно бы тебя не возвысилъ.*

Трудно рѣшить, милые читатели, кому эти слова приносятъ болѣе чести: тому ли, кто произнесъ ихъ, или тому, къ кому они относились.

Около того же времени Петру Великому пришла мысль основанія Петербурга. Еще задолго до шведской войны желалъ онъ имѣть на Балтійскомъ морѣ гавань, дабы съ бо́льшимъ успѣхомъ и удобствомъ заняться устройствомъ флота; а потому, какъ скоро Петръ овладѣлъ Невою и окрестною страною, то немедленно приступилъ къ заложенію города и основалъ прежде всего на одномъ берегу Невы крѣпость, а на другомъ адмиралтейство. Самъ же Государь жилъ во все время производства работъ въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, и понынѣ стоящемъ на Петербургской сторонѣ, какъ памятникъ величія славнаго основателя сѣверной столицы.

Меншикову, какъ генералъ-губернатору всѣхъ завоеванныхъ у Шведовъ земель, былъ порученъ главный надзоръ надъ построеніемъ новаго города, въ его губерніи находящагося; онъ сохранилъ это званіе по самую смерть Петра Великаго.

Сначала построеніе новаго города шло весьма медленно,

по причинѣ длившейся войны со Шведами; но когда, наконецъ, въ 1709 году, шведскія войска были совершенно разбиты и, слѣдовательно, завоеванные у нихъ города и земли поступили въ окончательное владѣніе Россіи, тогда берега Невы оживились дѣятельностію и жизнію. Вездѣ воздвигались новыя зданія, все шло быстро, живо, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла.

Первою мыслію Петра было заложить городъ на одномъ изъ невскихъ острововъ, а именно на среднемъ, который назывался Васильевскимъ. Выстроивъ на этомъ островѣ, въ устьѣ рѣки, двѣ баттареи, Государь поставилъ на нихъ команду канонеровъ и бомбардировъ, подъ начальствомъ офицера бомбардирской роты Василья Дмитріевича Корчмина. Такъ какъ всѣ царскіе и другіе приказы, посылаемые къ этому офицеру, были надписываемы такъ: *Василью на островъ*, то впослѣдствіи названіе Васильевскаго было придано и острову.

Намѣреніе Петра было выстроить городъ на Васильевскомъ острову на подобіе Амстердама. Черезъ середину острова, по нынѣшнему Большому проспекту, было предположено провести большой каналъ прямою линіею отъ Малой Невки до взморья; на сто саженъ разстоянія отъ большого канала другой, меньшій; поперекъ острова, отъ Малой Невки до Большой предположено было провести еще двѣнадцать каналовъ, по направленію нынѣшнихъ линій. По большимъ каналамъ должны были проходить изъ Кронштадта суда къ магазинамъ и биржѣ; малые же, поперечные, должны были служить для удобнѣйшаго развоза всѣхъ жизненныхъ потребностей по домамъ. На Большомъ и Маломъ проспектѣ были оставлены мѣста для рынковъ, а на самой почти серединѣ острова предполагался большой общественный садъ, длиною и шириною въ версту.

Планъ этотъ не состоялся по ошибкѣ, сдѣланной въ ширинѣ улицъ, отчего каналы вышли такъ узки, что двѣ барки не могли разъѣхаться въ нихъ.

Меншиковъ, стараясь всячески содѣйствовать благимъ намѣреніямъ своего Монарха, выстроилъ себѣ великолѣпный

дворецъ, на берегу Невы, нынѣшній Первый кадетскій корпусъ, и поселился въ немъ со всѣмъ своимъ семействомъ, перевезеннымъ изъ Москвы въ новую столицу...

Мы уже видѣли, что Меншиковъ достигъ высочайшей степени знатности и богатства...

Но былъ ли онъ счастливъ?

Изъ слѣдующаго вы сами, милые читатели, можете вывести свои заключенія и отвѣтить на этотъ вопросъ.

Слушайте:

Человѣческая натура уже такъ создана, что она *никогда* не довольна и не перестаетъ желать себѣ новаго приращенія счастія. Какъ бы ни было велико и блистательно *достигнутое* счастіе, но оно перестаетъ прельщать человѣка именно потому, что *достигнуто*.

Чѣмъ болѣе *имѣютъ* нѣкоторые люди, тѣмъ болѣе они *желаютъ*.

Честолюбіе Меншикова было вполнѣ удовлетворено: окончивъ всѣ свои воинскія дѣйствія въ 1714 году, онъ почти постоянно оставался въ Петербургѣ, и, живя въ нѣдрахъ покойной пышности, не могъ уже ожидать чего-либо отъ Государя, щедро награждавшаго всѣ заслуги его.

Тогда съ бо́льшею силою пробудилось въ немъ *корыстолюбіе*.

Онъ устремилъ всѣ свои желанія къ пріобрѣтенію новыхъ богатствъ. Къ несчастію, корыстолюбіе такая злополучная страсть, которая не выбираетъ средствъ и бо́льшею частію стремится къ своей цѣли *какими бы то ни было* путями.

Сожалѣнія достойныя крайности, въ которыя пускался Меншиковъ, слѣпо стремясь къ обогащенію, не могли, однакожь, остаться безъ наказанія.

Во-первыхъ, его мучили угрызенія собственной совѣсти; во-вторыхъ, онъ навлекъ себѣ множество враговъ.

Скажите же послѣ этого, былъ ли счастливъ знатный

вельможа, осыпанный почестями, милостями своего Государя и незнавшій почти счета своимъ богатствамъ?..

Нѣтъ, милые читатели, не завидуйте мнимому счастливцу: не все то золото, что блеститъ.

Получивъ отъ Монарха, какъ мы уже сказали, порученіе представлять пышность Русскаго двора, Меншиковъ не могъ вести спокойной жизни: каждый почти день онъ либо принималъ у себя гостей, либо самъ выѣзжалъ въ гости.

Поздно ночью возвращался онъ въ свою великолѣпную спальню, усталый, измученный, недовольный самимъ собою и людьми.

Молча, угрюмо, какъ безжизненная кукла, поворачивался онъ въ рукахъ раздѣвавшаго его камердинера, который, исполнивъ свое дѣло, также молча и церемоніально кланялся и уходилъ.

Оставшись одинъ, Меншиковъ прохаживался взадъ и впередъ по своей спальнѣ. Послѣ шумныхъ бесѣдъ, веселости, большею частію принужденной, въ уединеніи имъ овладѣвали мрачныя мысли.

Онъ обдумывалъ, какъ провелъ прошедшій день: успѣшно ли было постоянное стремленіе его къ увеличенію его могущества и богатства; удалось ли ему низвергнуть кого либо изъ своихъ враговъ; упрочилъ ли онъ за собою милость своего Государя?

Онъ пріискивалъ средства увеличить свое вліяніе, скрыть отъ Государя нѣкоторые весьма важные проступки и обезоружить своихъ враговъ.

Однихъ онъ мысленно лишалъ должностей, имущества, свободы, другихъ отсылалъ въ Сибирь.

Тысячи подобныхъ мыслей волновали умъ его.

Но время проходило: Меншиковъ ложился на мягкую пуховую постель...

Онъ крестился... уста его произносили молитву.

Но отчего взоръ его такъ разсѣянно смотритъ на иконы, какъ-бы не видитъ ихъ?.. Отчего рука его машинально, какъ-бы по привычкѣ, творитъ крестное знаменіе?

Неужели молитва его не искренняя?

Нѣтъ, онъ и желалъ бы молиться усердно, изъ глубины души, но тысячи мыслей, волнующихъ умъ его, тысячи страстей, бушующихъ въ сердцѣ его, не позволяютъ ему обратиться на одинъ предметъ; притомъ же многіе, очень многіе люди такъ созданы, что только въ минуту бѣдствія и горести прибѣгаютъ къ Всевышнему съ искреннею, теплою молитвою...

Впрочемъ, это весьма понятно: къ кому жмется ребенокъ въ минуту страха, какъ не къ матери?..

Но вотъ все тихо въ комнатѣ знатнѣйшей послѣ Царя особы въ Русскомъ царствѣ; только лампада теплится предъ иконами, да слышится тяжелое дыханіе спящаго...

Но спитъ ли Меншиковъ? Спитъ ли онъ подкрѣпительнымъ сномъ трудолюбиваго земледѣльца, исполнившаго свою дневную работу?..

Правда, тѣло его казалось погруженнымъ въ глубокій сонъ, но душа продолжала бодрствовать, борясь со мрачными, тягостными сновидѣніями.

То ему казалось, что онъ впалъ въ немилость, что враги его торжествовали; изгнаніе, смерть угрожали ему; передъ нимъ раскрывалась страшная крѣпость; что-то непобѣдимое влекло его туда; тщетно старался онъ остановиться, упереться во что-нибудь... его все влекло, влекло... не за что было ухватиться... Онъ катился, какъ по гладкому льду!.. И тогда болѣзненные стоны, вырывавшіеся изъ груди его, прерывали ночную тишину, и пробудившійся камердинеръ, спавшій въ передней, боязливо прислушивался къ нимъ.

Мало подкрѣпленный, съ тягостнымъ ощущеніемъ въ сердцѣ, утомленіемъ во всѣхъ членахъ, просыпался Меншиковъ.

Ни радостный крикъ дѣтей, ни сердечныя ласки жены не привѣтствовали пробужденія его.

На серебряномъ подносѣ, въ великолѣпной драгоцѣпной посудѣ, приносилъ ему слуга завтракъ.

Потомъ Меншиковъ отправлялся на другую половину дворца своего, въ которой были покои жены и дѣтей его.

Первая встрѣчала его ласково, но озабоченный видъ вельможи, отягченнаго дѣлами, останавливалъ всякое изліяніе ду-

шевной привязанности. Дѣти почтительно цѣловали руки отца. Рѣдко видя его, они хотя и питали къ нему дѣтскую любовь, но въ ней не было той увлекательной довѣрчивости, той нѣжности, которая составляетъ всю прелесть этой любви.

Наконецъ, наступало время заняться дѣлами. Сколько непріятностей, досадъ встрѣчалъ онъ тогда! Сколько злоупотребленій возмущали душу его! Со сколькими закоренѣлыми, вѣковыми предразсудками долженъ онъ былъ бороться!..

Цѣлый день преслѣдовали Меншикова просители; одни искали мѣстъ, другіе просили о вспомоществованіи, третьи о помилованіи. Всѣхъ невозможно было удовлетворить — и число враговъ знатнаго вельможи возрастало.

Какія усилія долженъ былъ употреблять Меншиковъ, чтобы сохранить доброе расположеніе своего Государя! Враги его дѣйствовали неутомимо, и, къ сожалѣнію, Меншиковъ долженъ былъ страшиться ихъ. Тщетно отсылалъ онъ многихъ въ Сибирь. За одного отосланнаго онъ пріобрѣталъ много новыхъ враговъ. Онъ стоялъ на огнедышущей горѣ, ежеминутно готовой поглотить его!..

Вотъ жизнь вельможи, на котораго всѣ смотрѣли съ завистью, котораго всѣ считали вполнѣ счастливымъ, и подъ улыбкой котораго немногіе, весьма немногіе, угадывали глубокую душевную скорбь...

Не величіе тяготѣло надъ нимъ, не государственныя заботы наполняли горечью жизнь его, нѣтъ!.. Высока обязанность человѣка, отъ котораго зависитъ судьба милліоновъ людей; легки и пріятны государственныя заботы тому, кто дѣйствуетъ безкорыстно и для общаго блага!

Но я уже говорилъ, что въ Меншиковѣ пробудилось ненасытное корыстолюбіе и что онъ употреблялъ предосудительныя, даже преступныя мѣры къ обогащенію себя.

Очень понятно, что послѣ этого его мучили угрызенія совѣсти; сдѣлавшись недостойнымъ милостей своего благодѣтеля, Царя, онъ страшился лишиться ихъ...

Наконецъ, чаша переполнилась.

Другіе вельможи, возмущенные преступными поступками Меншикова, рѣшились донести о нихъ Государю.

Негодованіе и вмѣстѣ горесть овладѣли сердцемъ Монарха. Меншикова обвиняли въ томъ, что онъ тайно, подъ чужимъ именемъ, входилъ въ казенные подряды на поставку хлѣба; деньги взялъ, а хлѣба не доставилъ.

Государь назначилъ Коммиссію, подъ предсѣдательствомъ князя Василія Владиміровича Долгорукова, для строгаго изслѣдованія этого дѣла...

Этотъ князь Долгорукій былъ завистникъ и врагъ Меншикова и старался собрать всѣ улики, чтобы погубить его. Но Меншиковъ чистосердечно принесъ повинную, а царя Петра Алексѣевича ничто такъ не трогало, какъ чистосердечное покаяніе. Строгость его поколебалась и царскій любимецъ былъ спасенъ.

Однако вслѣдъ затѣмъ были открыты новыя злоупотребленія Меншикова и Царь повелѣлъ Коммиссіи разобрать дѣло Меншикова, и его присудили къ смертной казни. Тогда Государь напомнилъ судьямъ, что Меншиковъ во время войны со Шведами спасъ ему жизнь и потому, во имя этого, онъ желаетъ, чтобы была пощажена и жизнь Меншикова. Вотъ, что говорилъ Коммиссіи между прочимъ Государь:

„...Никто изъ васъ не скажетъ, что я награждалъ Меншикова свыше заслугъ его, вамъ всѣмъ извѣстно, что не только онъ спасъ мнѣ жизнь, но и оказалъ большую пользу отчизнѣ. Итакъ, по мнѣнію моему, довольно будетъ сдѣлать ему здѣсь въ присутствіи строгій выговоръ *и наказать его денежнымъ штрафомъ, соразмѣрнымъ хищенію; а онъ мнѣ и впредь нуженъ, и можетъ еще сугубо заслужить прощеніе.*

Выслушавъ рѣчь Государя, всталъ одинъ изъ членовъ Коммиссіи.

— Мы всѣ,—сказалъ онъ,—согласны съ твоею волею, Государь. Такъ какъ князь Меншиковъ имѣлъ счастіе спасти твою драгоцѣнную для насъ жизнь, то и мы должны, по справедливости, спасти жизнь его. Я первый объявляю полное согласіе на твой приговоръ.

Другіе члены подтвердили то-же.

Тогда-же на докладѣ, поданномъ Коммиссіею Государю, онъ подписалъ рѣшеніе, которымъ налагался на Меншикова значительный денежный штрафъ.

Государь, зная личныя достоинства Меншикова и уважая прежнія заслуги его, не переставалъ поручать ему самыя важныя дѣла, хотя прежняя, почти неограниченная довѣренность его къ нему и уменьшилась.

Кто бы подумалъ, что послѣ описаннаго нами суда и милостиваго рѣшенія Государя Меншиковъ опять отважится на новое преступленіе подобнаго рода?..

Но корыстолюбіе влекло его къ погибели.

Меншиковъ былъ почти богатѣйшимъ человѣкомъ во всемъ государствѣ. Не считая огромныхъ суммъ денегъ, у него было множество волостей и деревень и 50.000 душъ крестьянъ. Не смотря на то, онъ самовольно и противозаконными мѣрами отнималъ у своихъ сосѣдей земли, принималъ къ себѣ бѣглыхъ крестьянъ, словомъ, дѣлалъ всякія несправедливости, единственно изъ желанія болѣе и болѣе обогатить себя.

Опять была подана на него жалоба Государю и опять преступленія его доказаны.

Тогда Меншиковъ снова рѣшился прибѣгнуть къ Его Величеству съ повинною слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій Государь!“

„Понеже отъ младыхъ моихъ лѣтъ воспитанъ я при Вашемъ Величествѣ, и всегда имѣлъ и нынѣ имѣю Вашего Величества превысокую отеческую ко мнѣ милость, и чрезъ премудрое Вашего Величества отеческое ко мнѣ призрѣніе наученъ и награжденъ, какъ рангами, такъ и деревнями и прочимъ имѣніемъ, паче моихъ сверстниковъ, и нынѣ признаю свою предъ Вашимъ Величествомъ вину, и ни въ чемъ по тому дѣлу оправдаться не могу, но во всемъ у Вашего Величества всенижайше слезно прошу милостиваго прощенія и отеческаго разсужденія, понеже кромѣ Бога и Вашего Величества превысокой ко мнѣ милости, иного никакого не имѣю надѣянія и отдаюсь во всемъ въ волю и милосердіе Вашего Величества“.

Но какъ ни было убѣдительно это письмо, однакожъ оно

не привлекло вниманія Государя, потому что раскаяніе Меншикова было позднее и вынужденное обстоятельствами...

Мы уже сказали, что Государь, не любя пышности и шума при своемъ Дворѣ, поручилъ представлять великолѣпіе его своему любимцу. По этому случаю Меншиковъ имѣлъ при домѣ своемъ и пажей изъ дворянъ.

Однажды Меншиковъ просилъ Императора пожаловать пажей его въ офицеры.

— Могу ли я пожаловать ихъ офицерами, когда они не были солдатами?—отвѣчалъ Государь.—Впрочемъ, я подумаю.

Нѣсколько времени спустя Петръ велѣлъ объявить князю свое согласіе, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ онъ сперва записалъ ихъ въ гвардейскій полкъ солдатами.

Но князь, не будучи этимъ доволенъ и, вѣроятно, надѣясь на милость Государя, произвелъ своихъ пажей прямо въ сержанты и далъ о томъ знать въ полкъ.

Прошло нѣсколько времени.

Однажды Императоръ, разсматривая полковые рапорты, замѣтилъ, что пажи Меншикова были пожалованы въ сержанты.

Будучи крайне изумленъ этимъ обстоятельствомъ, онъ велѣлъ немедленно позвать къ себѣ того офицера, которому поручилъ сообщить волю свою князю.

— Что ты сдѣлалъ!—вскричалъ Петръ съ гнѣвомъ:—я велѣлъ тебѣ объявить Меншикову, чтобы онъ записалъ пажей своихъ въ солдаты, а не въ сержанты.

— Я въ точности исполнилъ приказанія Вашего Величества,—отвѣчалъ офицеръ.

— Не можетъ же быть,—вскричалъ Государь,—чтобы Меншиковъ преступилъ мое повелѣніе!

— Не знаю, Ваше Величество; но я объявилъ ему Вашу волю, а именно: чтобы онъ записалъ своихъ пажей въ солдаты.

— Поди же къ нему,—вскричалъ Императоръ съ гнѣвомъ,—и спроси его моимъ именемъ, какъ онъ смѣлъ дерзнуть преступить мое повелѣніе?

Князь Меншиковъ, узнавъ отъ офицера о гнѣвѣ Императора,—и надѣясь своимъ присутствіемъ поправить все дѣло, немедленно поѣхалъ во дворецъ.

Едва увидѣлъ его Государь, какъ въ сильномъ гнѣвѣ схватилъ изъ угла свою дубинку.

— Много я терпѣлъ, несчастный! — вскричалъ Императоръ: но есть конецъ и терпѣнію; ты до того забылся, что не слушаешь уже и меня! Такъ я же тебя проучу!

Меншиковъ въ сильномъ страхѣ упалъ на колѣни и молилъ о пощадѣ, но Императоръ былъ такъ сильно разгнѣванъ, что нѣсколько разъ ударилъ его своею дубинкою и повелѣлъ тотчасъ же переименовать пажей въ солдаты.

Три дня спустя, Императоръ, сжалившись надъ молодыми людьми, невиноватыми въ непослушаніи Меншикова и подвергшимися насмѣшкамъ по случаю скораго пожалованія ихъ, опять произвелъ ихъ въ сержанты.

Нѣсколько времени спустя Меншиковъ опять былъ уличенъ въ самовластномъ присвоеніи чужихъ земель. Императоръ, выведенный, наконецъ, совершенно изъ терпѣнія, рѣшился отступиться отъ неисправимаго и предать его строгому суду. Меншиковъ опять спѣшитъ во дворецъ, въ надеждѣ умилостивить Государя, но тотъ не внемлетъ никакимъ мольбамъ.

Казалось, судьба Меншикова была рѣшена. Мечъ, висѣвшій постоянно на волоскѣ надъ головой его, готовъ былъ упасть на нее...

Императоръ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и съ горестью помышлялъ о своемъ любимцѣ, сдѣлавшимся недостойнымъ великихъ милостей его. Правосудіе и привязанность боролись въ душѣ его, но первое должно было, наконецъ, одержать верхъ.

Вдругъ отворяется дверь.

Въ кабинетъ входитъ мужчина, пожилыхъ уже лѣтъ, въ простомъ офицерскомъ мундирѣ и прямо падаетъ къ ногамъ Петра.

Императоръ изумляется, всматривается въ незнакомца и узнаетъ въ немъ Меншикова!

— Ваше Величество! говоритъ послѣдній, кладя къ ногамъ своего Государя всѣ свои ордена и шпагу: ваши милости и щедроты осыпали меня благодѣяніями, а я, неблагодарный, сдѣлался преступникомъ! Ваше Величество, примите обратно всѣ эти знаки чести и отличія, которыхъ я сдѣлался недостоинъ... Казните меня, какъ Вашему Величеству угодно; только объ одномъ молю: не предавайте въ руки моихъ непріятелей, которыхъ въ этомъ дѣлѣ побуждаетъ не столько польза общая, сколько личная ненависть ко мнѣ.

— Данилычъ!— вскричалъ Петръ смягченнымъ голосомъ: еще разъ спрашиваю: за что ты огорчаешь меня? Неужели тебѣ недовольно милостей и благодѣяній, которыми я тебя осыпалъ... Неужели гнусная корысть пересиливаетъ въ твоей душѣ всѣ добрыя качества, которыми ты содѣлался полезнымъ мнѣ и отчизнѣ и за которыя я такъ щедро награждалъ тебя?... Нѣтъ, Данилычъ, долго я защищалъ и миловалъ тебя, даже противъ собственной совѣсти, но теперь насталъ конецъ моему многотерпѣнію...

— Казни, Государь!—вскричалъ Меншиковъ со слезами на глазахъ: но умоляю, не предавай въ руки моихъ враговъ!

— Перестань, Данилычъ, винить справедливыхъ судей,— возразилъ ему Петръ: у тебя одинъ только врагъ, а именно— ты самъ!... Иди, иди, я не хочу и не могу болѣе слушать тебя... Иди и жди рѣшенія своей участи!...

Съ этими словами Государь удалился въ сосѣднюю комнату, оставивъ Меншикова одного, лишеннаго уже всякой надежды на помилованіе.

Отправившись на половину Императрицы, князь Александръ Даниловичъ упадаетъ къ ногамъ Екатерины Алексѣевны, всегдашней его покровительницы, разсказываетъ ей все дѣло, и со слезами молитъ ее защитить его отъ заслуженнаго наказанія.

Императрица успокоиваетъ нѣсколько Меншикова, и онъ уходитъ къ себѣ, чтобы тамъ въ уединеніи ожидать рѣшенія своей участи.

Онъ ждалъ не долго. На другой же день онъ получаетъ

отъ Императора приказаніе явиться во дворецъ къ обѣденному столу.

Смертная блѣдность покрыла лицо вельможи. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, когда камердинеръ надѣвалъ на него шитый золотомъ придворный мундиръ. Онъ готовъ былъ лишиться чувствъ, садясь въ карету. Ноги отказывались служить ему, когда онъ всходилъ по ступенямъ дворцовой парадной лѣстницы. Вздыхая, смотрѣлъ онъ на блестящія звѣзды на груди своей, и охотно промѣнялъ бы ихъ на минуту спокойствія, даруемаго чистою совѣстью.

Тяжко было на-сердцѣ его, когда онъ проходилъ между рядами министровъ, посланниковъ и придворныхъ, ненавидѣвшихъ его или завидовавшихъ ему.

Не угадывая, что̀ ждетъ его, поклонился онъ Ихъ Величествамъ, и нѣсколько минутъ спустя сидѣлъ уже за столомъ, къ которому въ этотъ день, противъ обыкновенія, было приглашено множество гостей.

Выраженіе лица Императора было строго, но не гнѣвно.

Обѣдъ начался. Завязался разговоръ о полезныхъ предметахъ,—любимомъ занятіи Петра въ минуты отдыха.

Не смотря на всѣ усилія преодолѣть свое безпокойство, Меншиковъ не могъ проглотить ни кусочка. Никто не говорилъ съ нимъ. По временамъ обращалъ онъ умоляющій взглядъ на Монарха и супругу его.

Лицо Петра оставалось строгимъ, Екатерина опускала глаза.

Обѣдъ кончился. По знаку Императора всѣ разговоры внезапно прекратились. Взоры всѣхъ присутствующихъ обратились на Государя.

Ужасъ и страхъ овладѣли Меншиковымъ; грудь его сжалась; онъ сидѣлъ какъ на горячихъ угольяхъ; кровь застыла въ жилахъ его.

Тогда Императоръ обратился къ одному изъ придворныхъ и произнесъ громкимъ голосомъ:

— *Ушаковъ, ръжь!*

Меншиковъ поблѣднѣлъ пуще прежняго.

Петръ бросилъ на него строгій взглядъ и сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ всталъ.

Молча и дрожа всѣмъ тѣломъ, Меншиковъ повиновался.

Придворный вынулъ бумагу, жалобно посмотрѣлъ на Меншикова, какъ бы прося у него извиненія, поклонился и сталъ читать нетвердымъ голосомъ:

— Александръ Меншиковъ, сынъ простого мужика, милостію своего Царя возведенъ изъ самаго низкаго состоянія на высочайшую степень государственнаго величія и могущества. Похвальными качествами, примѣрною вѣрностью, неутомимою дѣятельностью, пріобрѣлъ онъ довѣренность своего Государя, наградившаго его за то несмѣтными богатствами. Но онъ забылъ милости своего Государя и самымъ неблагодарнымъ образомъ употребилъ во зло довѣренность его. Нѣсколько разъ уже Императоръ прощалъ ему его преступленія, которыхъ накопилось столько, что не достанетъ теперь времени исчислить ихъ. Александръ Меншиковъ самовластно, противузаконными средствами присвоилъ себѣ казенныя деньги; Александръ Меншиковъ, какъ хищникъ, отнималъ у мирныхъ сосѣдей земли, имъ принадлежащія; Александръ Меншиковъ, какъ укрыватель, принималъ у себя бѣглецовъ, и даже коварными обѣщаніями переманивалъ къ себѣ чужихъ крестьянъ. Неоднократно подвергался за это Александръ Меншиковъ суду, но все это ни къ чему не вело. Теперь чаша преступленій его наполнилась вплоть до краевъ; еще одна капля, и вся чаша опрокинется на голову преступника. А преступника сего, бывшаго пирожника, нынѣ титулуютъ: „Свѣтлѣйшій Римскаго и Россійскаго Государствъ Князь и Герцогъ Ижорскій, Его Царскаго Величества верховный Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и надъ войсками командующій Генералъ-Фельдмаршалъ и Губернаторъ губерніи С.-Петербургской, кавалеръ Св. Апостола Андрея и Слона, Бѣлаго и Чернаго Орловъ и Полковникъ надъ тремя полками“ и проч. И да будетъ это въ укоръ ему!..

Ушаковъ замолчалъ, сложилъ бумагу, поклонился и сѣлъ.

Меншиковъ стоялъ, какъ преступникъ, приговоренный на смерть. Изъ подлобья смотрѣлъ онъ во время чтенія на присутствующихъ, но всѣ они сидѣли опустивъ глаза... такъ сильно было еще могущество Меншикова!

По прочтеніи бумаги, Петръ строго посмотрѣлъ на своего любимца и сказалъ ему:

— Князь, ты самъ навлекъ на себя это униженіе. Пусть оно послужитъ тебѣ наказаніемъ. Дѣло же твое разберетъ Коммиссія, подъ судомъ которой ты теперь находишься. Но знай и вѣдай, что я сдержу свое обѣщаніе; помни слова: „Еще одна капля и вся чаша опрокинется на голову преступника...“

Былъ холодный, бурный, ноябрьскій вечеръ. Съ дикимъ ревомъ забѣгали волны Финскаго залива на берегъ или раздроблялись въ тысячи брызгъ о крутыя скалы.

Страшно выл ъ вѣтеръ, нагоняя сѣрыя тучи, все болѣе и болѣе сгущавшіяся.

На берегу, на мѣстѣ, и понынѣ называемомъ Лахтой, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Систербека, гдѣ Петръ Великій завелъ оружейные заводы, толпилось нѣсколько человѣкъ, повидимому только-что приставшихъ къ берегу.

Между тѣмъ, какъ матросы вытаскивали шлюпки, четверо изъ этихъ людей стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи и о чемъ-то разговаривали.

Не смотря на сгущавшійся мракъ, можно было разсмотрѣть, что одинъ изъ этихъ людей былъ ростомъ выше всѣхъ своихъ товарищей и съ благороднымъ величественнымъ лицомъ; но всмотрѣвшись ближе въ черты этого лица, въ нихъ можно было замѣтить слѣды долговременной, мучительной болѣзни.

Этотъ мужчина былъ самъ Петръ Великій.

Онъ пріѣхалъ на Лахту осмотрѣть свои новоучрежденные заводы, только-что оправившись или, лучше сказать, даже не оправившись еще вполнѣ послѣ долговременной болѣзни.

Петръ Великій занемогъ въ 1723 году, но не считая своей болѣзни опасною, никому не говорилъ о ней; но лѣтомъ 1724 года страданія, сопряженныя съ его болѣзнію, до того усилились, что онъ призвалъ къ себѣ своего лейбъ-медика Блументроста. Послѣдній открылъ, что болѣзнь была весьма опасна, и съ ревностію и усердіемъ принялся лечить ее.

Цѣлые четыре мѣсяца пролежалъ Государь въ постелѣ, и не ранѣе, какъ въ сентябрѣ почувствовалъ облегченіе; вскорѣ онъ всталъ съ постели и былъ въ состояніи прохаживаться по комнатѣ и заниматься дѣлами.

Но вмѣстѣ съ выздоровленіемъ въ великомъ Государѣ пробуждалась и страсть его къ дѣятельности. Не будучи болѣе въ состояніи выносить душнаго для него комнатнаго воздуха и не довольствуясь одною кабинетною дѣятельностью, онъ, считая себя уже внѣ всякой опасности и не говоря ни слова лейбъ-медику, приказалъ приготовить яхту и поставить ее на якорѣ передъ дворцомъ.

Воспользовавшись первою ясною октябрскою погодою, онъ послалъ сказать Блументросту, чтобы тотъ взялъ съ собою лекарствъ и послѣдовалъ за нимъ въ Шлиссельбургъ, куда Императоръ вознамѣрился ѣхать для осмотрѣнія Ладожскаго канала.

Блументростъ испугался и всячески старался отклонить Императора отъ неосторожнаго намѣренія. Но Петръ Великій не хотѣлъ слушать никакихъ убѣжденій.

Яхта снялась съ якоря.

Изъ Шлиссельбурга Императоръ поѣхалъ по Ладожскому каналу, проведенному уже весьма далеко; осмотрѣвъ всѣ работы и давъ нужныя наставленія касательно продолженія ихъ, Государь, пользуясь хорошей погодой, поѣхалъ въ Старую-Ладогу, оттуда въ Новгородъ и на самый конецъ озера Ильменя, въ Старую-Руссу, чтобы осмотрѣть тамошнія соловарни.

Такимъ образомъ прошелъ весь октябрь мѣсяцъ. Нерѣдко возобновлявшіяся страданія напоминали Императору, что болѣзнь его не совсѣмъ еще миновалась.

Наконецъ, въ первые дни ноября онъ обратно поѣхалъ въ Петербургъ, но не присталъ тамъ даже къ берегу, а прямо продолжалъ путь на Лахту, чтобы, какъ я сказалъ, побывать въ Систербекѣ и осмотрѣть заведенные имъ тамъ оружейные заводы.

Другіе три человѣка, стоявшіе въ отдѣльной группѣ съ Петромъ Великимъ, были Меншиковъ, лейбъ-медикъ Блументростъ и лекарь Паульсонъ.

— Ваше Величество,—говорилъ Блументростъ, обращаясь къ Императору: умоляю васъ, закутайтесь плотнѣе и не стойте здѣсь!.. Смотрите, какая погода!.. Не забудьте, что вы еще не совсѣмъ здоровы... долго ли вамъ простудиться? А вторичное возвращеніе болѣзни будетъ гораздо опаснѣе перваго!..

— Ваше Величество,—прибавилъ Меншиковъ: ради Бога, послушайтесь лейбъ-медика... погода въ самомъ дѣлѣ ужасная! Поберегите драгоцѣнное для насъ здоровье.

— Пойдемте, пойдемте!—отвѣчалъ Государь: успокойся, Блументростъ, завтра кончится твоя пытка, завтра я возвращусь въ Петербургъ на отдыхъ, и тогда опять начну лечиться и слушать тебя.

Императоръ еще разъ осмотрѣлся и готовъ уже былъ удалиться отъ берега, какъ вдругъ остановился.

Въ далекомъ еще разстояніи онъ увидѣлъ ботъ, плывшій весьма медленно; съ неимовѣрными усиліями боролись матросы съ волнами, но онъ былъ слишкомъ нагруженъ матросами и солдатами.

— Смотрите, смотрите!—вскричалъ Императоръ, указывая на ботъ: надобно послать къ нимъ на помощь!

Едва произнесъ Государь эти слова, какъ лодка остановилась, и высоко хлеснули черезъ нее волны, захвативъ съ собою нѣсколько несчастныхъ.

— Ботъ всталъ на мель!—вскричали нѣсколько матросовъ.

Забывъ убѣжденія доктора, Императоръ бросился ближе къ морю и немедленно послалъ на помощь къ боту шлюпку со своими людьми.

Но всѣ старанія ихъ стащить ботъ съ мели были напрасны.

Петръ гнѣвался на медлительность и нерасторопность ихъ. Видя, что опасность ежеминутно увеличивалась, онъ вскочилъ въ другую шлюпку и приказалъ матросамъ грести.

— Ради Бога, остановитесь, Ваше Величество!—кричалъ съ отчаяніемъ Блументростъ: вспомните о вашемъ положеніи! Подумайте...

— Гдѣ жизнь моихъ подданныхъ въ опасности, тамъ я думать не смѣю!—отвѣчалъ великодушный Монархъ.

— Но искупитъ ли жизнь тысячи вашихъ подданныхъ одну вашу жизнь!—вскричалъ Блументростъ.

— Греби живѣе!—закричалъ Петръ матросамъ. Меншиковъ успѣлъ вскочить въ шлюпку, не желая разставаться съ Государемъ въ минуту опасности.

Отъѣхавъ на нѣсколько сотъ шаговъ отъ берега, лодка Императора стала также на мель.

Не долго думая, Петръ выскочилъ изъ лодки и пошелъ къ боту, по поясъ въ водѣ.

Забывъ собственную опасность, Государь помогалъ тащить ботъ, и самъ спасъ изъ воды болѣе двадцати человѣкъ утопавшихъ.

Но—увы! этотъ геройскій подвигъ совершенно разстроилъ здоровье Петра Великаго, и про него можно сказать въ полномъ смыслѣ этого слова, что онъ *пожертвовалъ* жизнію для своихъ подданныхъ...

На слѣдующее утро Государь хотѣлъ побывать въ Систербекѣ, однакожъ ночь, проведенная безъ сна, жестокіе лихорадочные припадки и болѣзненное жженіе, чувствуемое въ животѣ, заставили его поспѣшить возвращеніемъ въ Петербургъ. Императоръ прибылъ туда уже совершенно больной, и со дня на день чувствовалъ сильнѣйшее возвращеніе болѣзни, котораго столько боялся Блументростъ.

Въ слѣдующемъ,—декабрѣ,—мѣсяцѣ состояніе его сдѣлалось безнадежнымъ.

Съ мужественнымъ терпѣніемъ и спокойствіемъ переносилъ Императоръ ужасную боль и помышлялъ о приближающейся кончинѣ.

Меншиковъ не отходилъ отъ него ни на шагъ.

Наконецъ, въ январѣ 1725 года, Великій Петръ преставился по волѣ Божіей...

— Господи! пріими къ Себѣ прекрасную душу въ рай!—вскричала, рыдая, Екатерина...

Скончался Великій... но слава дѣяній его перейдетъ изъ рода въ родъ, и съ благодарностью въ душѣ будутъ дѣды поучать внуковъ чтить и прославлять добродѣтели его!..

ИЗЪ РОМАНА

Вс. С. Соловьева

„ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ“

Первая жена Петра Великаго изъ рода Лопухиныхъ, Евдокія Ѳедоровна, не сочувствовала своему супругу въ его нововведеніяхъ и крѣпко придерживалась старины. Она была пострижена въ Суздальскомъ монастырѣ и вотъ какъ впослѣдствіи вспоминала о своей молодости:

Вотъ она помнитъ себя молодою дѣвушкой въ старомъ, отцовскомъ, московскомъ домѣ. Она и не грезитъ никогда о томъ, что случится съ нею, она не царица и не царевна, а просто Лопухина—боярышня. Отецъ ея старинаго рода и старыхъ правилъ. Выросла Евдокія Ѳедоровна въ четырехъ стѣнахъ своего дѣвичьяго терема; выпянчили ее пянюшки да мамушки—не приходили къ ней учителя заморскіе, не трудили ей голову разнымъ ученіемъ: по простуу, по русски воспиталась она и выросла. Прошло дѣтство—наступили годы дѣвичества. Пянюшки и мамушки стали ее захваливать, не иначе называли ее какъ золотой красавицей; сулили ей всякаго счастья видимо-невидимо, сулили жениха знатнаго да красиваго. И радостно слушала она ихъ льстивый шопотъ, частенько стала глядѣться въ зеркальце, сурмила свои брови соболиныя, румянила нѣжныя щеки. Коса у нея ниже пояса, пышный станъ, полныя руки; бѣла, что первый снѣгъ выпавшій. И скоро, скоро убѣдилась Евдокія Ѳедоровна, что пянюшки и мамушки правы, что она точно вышла красавица, стала за-

думываться и о своемъ суженомъ, представляла его себѣ въ дѣвическихъ грезахъ. „Знатный да красивый“ говорили нянюшки,—конечно долженъ онъ быть знатный, и красивый—за иного и не выдадутъ Лопухину боярышню. Но ни льстивыя воспитательницы, ни сама боярышня никогда и въ помыслахъ не имѣли, какой женихъ ей готовится.

А въ ту пору государыня царица Наталья Кирилловна примѣтила своимъ материнскимъ окомъ Евдокію Ѳедоровну, и замыслила она взять ее въ жены сыну единому, сыну любимому, государю Петру Алексѣевичу. Не любила царица Наталья Кирилловна откладывать въ долгій ящикъ задуманнаго ею дѣла: сынокъ на возрастѣ—пора ему жениться, не ладно, что государь ходитъ холостъ—не женатъ, да и внуковъ ужь хотѣлось царицѣ. Уговорила она Петра Алексѣевича—тотъ не вышелъ изъ родительской воли,—и вотъ боярышня Лопухина объявлена царской невѣстой. Дымъ коромысломъ стоитъ въ Лопухинскомъ домѣ; вся Москва на поклонъ валитъ, нянюшки и мамушки ужь и словъ не находятъ величать свою золотую красавицу; любимыя подруги всѣ такъ почтительно и умильно на нее смотрятъ: разомъ полюбили ее во сто разъ пуще прежняго.

Весело и радостно боярышнѣ. Государь-женихъ глядитъ на нее привѣтливо, хоть и рѣдко они видятся, по старымъ обычаямъ. Робость не малая беретъ невѣсту отъ женихова взгляда орлинаго; чуденъ онъ ей очень, а сердце все же къ нему такъ и рвется—и не потому только, что онъ государь, что сдѣлаетъ онъ ее царицей, возведетъ на верхъ земныхъ почестей, а и потому, что писаный онъ красавецъ: росту высокаго, молодецъ, богатырь: темные волосы кудрями на плечи падаютъ; брови надъ глазами дугой сходятся, а глаза,—Боже ты мой милостивый—глаза, что у молодого сокола! Хорошъ онъ, чудно хорошъ, а все же какъ то при немъ жутко—и опять таки не потому, что онъ государь и владыко земли Русской, и не потому даже, что говорятъ люди будто онъ нравомъ крутенекъ, горячъ больно, а потому, что совсѣмъ не похожъ на другихъ молодцовъ, какихъ видала Евдокія Ѳедоровна: и говоритъ не такъ, и не о томъ думаетъ—

все учится, да учится, себя не жалѣючи, работаетъ, какъ будто и не царь, а простой крестьянинъ, до всего самъ доходить хочетъ, все своими руками дѣлать пробуетъ; даже и руки у него не царскія—большія, мозолистыя, грубыя рабочія руки.

Быстро идетъ время — вотъ и день, назначенный для свадьбы—страшный, торжественный день. Вотъ и онъ прошелъ—и Евдокія Ѳедоровна стала царицей. Чудное было время, свѣтлые дни—да скоро они улетѣли: государь, сначала добрый и ласковый, нѣжный какъ только могъ быть онъ нѣжнымъ, видимо нашелъ, что не вѣкъ миловаться молодцу съ молодой женой, пора опять за дѣло приниматься, за черную велпкую работу. И ушелъ онъ въ свою работу, и по цѣлымъ днямъ безъ него оставалась молодая царица. Скучно ей стало, начала она жаловаться Натальѣ Кирилловнѣ, а та ласково смѣется. «Постой, погоди, говоритъ,—скоро скучать перестанешь, будетъ другая у тебя забота!“ И явилась эта забота, стала матерью Евдокія Ѳедоровна, родился у нея сынокъ, царевичъ Алексѣй Петровичъ. Молодой государь былъ радостенъ: приходилъ и заглядывалъ въ колыбельку новорожденнаго, и склонялся надъ этой колыбелькой, и улыбался маленькому мальчику, щекоталъ его своимъ большимъ грубымъ пальцемъ. „Ишь крохотный, выростай поскорѣй, будь работникомъ—мнѣ помощникомъ!“—шептали его губы.

Конечно ребенокъ бралъ много времени у царицы, развлекалъ ее, занималъ и заботилъ, но все же оставалась она недовольною долгими да частыми отлучками Петра Алексѣевича и не разъ встрѣчала его жалобами на свое одиночество, слезами да робкими попреками. И сдвигались отъ словъ этихъ и слезъ густыя царскія брови, молчалъ онъ и выходилъ отъ жены хмурый и недовольный.

Усталый, запыленный, съ новыми мозолями на рабочихъ рукахъ возвращался онъ домой отдохнуть немного; хорошо бы встрѣтить жену веселую, хорошо было бы повѣдать ей все, что сдѣлано; подумать при ней о томъ, что нужно сдѣлать; расказать объ успѣхѣ какого-нибудь дѣла и увидѣть сочувствіе и радость при вѣсти о такомъ успѣхѣ—и ничего

этого не встрѣчалъ у себя дома Петръ Алексѣевичъ. Молодая жена выходила къ нему на встрѣчу невеселою, безучастно слушала его расказы и часто даже не понимала, зачѣмъ онъ такъ о томъ-то, да о томъ-то заботится, къ чему это нужно.

— Эхъ, все это новыя заморскія хитрости,—говорила она,—ничего того допрежь у насъ на Руси не было, а жилось всѣмъ изрядно. Къ чему-жь новшества, жилъ-бы по старому, какъ искони живали цари великіе, не трудилъ-бы своихъ царскихъ ручекъ, свою голову не ломалъ-бы надъ пустыми заморскими науками, да почаще бы съ женою былъ. посердечнѣе бы ласкалъ ее, а то что это такое—иной разъ уйдетъ не простившись. Золотой мой, обо мнѣ подумай! скучно мнѣ безъ тебя, да и по закону не ладно оно выходить. Гдѣ это видано, чтобы мужъ съ женой почитай что совсѣмъ и не жили! Уйдешь ты—всѣ слезы я безъ тебя выплачу, денечекъ мнѣ кажется за годочекъ...

И начинала плакать царица, и съ каждымъ днемъ все сумрачнѣе и сумрачнѣе становился Петръ Алексѣевичъ, все нетерпѣливѣе ее слушалъ. Иной разъ не выдержитъ онъ,—хлопнетъ по столу рукой:

— Эхъ, Авдотья, надоѣли мнѣ твои вѣчныя слезы. для тебя только и свѣту, что въ этомъ окошкѣ, ну а мнѣ это окошко тьмою кромѣшною кажется. Душно мнѣ въ четырехъ стѣнахъ сидѣть, съ тобой немного высижу. Работать надо, Авдотья, а кажись не токмо что одной жизни человѣческой, а и сотни жизней не хватитъ на такую работу, какая передо мною!

— Много ужь ты очень работы себѣ выдумываешь, золотой мой, гдѣ это видано, чтобъ государь такъ работалъ. Что это за государь, самъ онъ и плотникъ, и мастеровой!..

— Эхъ, то-то, то-то!—мрачно замѣчалъ Петръ Алексѣевичъ,—много больно смыслишь ты въ моей работѣ!..

И уйдетъ онъ прочь, хмурый и неласковый, а вслѣдъ ему слышатся докучныя женины слезы.

— Что, никакъ опять съ Авдотьюшкой повздорилъ?—говоритъ Петру Алексѣевичу царица Наталья Кирилловна.

— Никогда я съ ней не вздорю, матушка, а жить она

мнѣ не дастъ своими слезами, ну а сама чай знаешь ты, что съ дѣтства не люблю я слезъ этихъ—да и кто ихъ любитъ! Жить хочу я, а съ нею это сонъ какой-то, души замираніе. Рано ты меня женила, матушка!

Качаетъ головою и задумывается Наталья Кирилловна: „видно и впрямь рано женила, а то можетъ и невѣсту плохо выбрала!.. да гдѣ было сыскать ему подходящую невѣсту? Онъ что огонь, за нимъ никто не поспѣетъ“.

Идетъ царица-мать и утѣшается на внука, и всячески успокоиваетъ невѣстку: совѣтуетъ ей не плакать передъ государемъ, а быть веселой. „Ничего не возьмешь слезами, только хуже сдѣлаешь, оттолкнешь отъ себя мужа“. Но не слушается мудрыхъ материнскихъ совѣтовъ Евдокія Ѳедоровна—не такой у нея характеръ, стоитъ она на своей правдѣ. Въ этой правдѣ воспитала ее родная матушка, нянюшки и мамушки въ боярскомъ Лопухинскомъ теремѣ.

А время идетъ: жалобъ и слезъ все больше и больше, все дальше и дальше разростается пропасть между мужемъ и женою.

3

2007083949